

(((СОНАР)))

№ 21, 2026 г.

Irina Zhuravleva
photographer

Хайфа, Израиль

Редколлегия журнала (((СОНАР)))

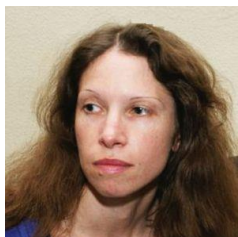
Марина
Симкина

Анжела
Беленко

Ирина
Лир-Лави

Ольга
Логош

Паулина
Чечельницкая

Леонид
Штернберг

Электронная почта редакции: sonar.magazine.ru@gmail.com

Все номера журнала: <https://sonar.ecoimper.net>

Сонар медиа (все выпуски): [СОНАР аудио и видео](#)

Все права на публикуемые в журнале произведения принадлежат их авторам.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

В оформлении данного номера журнала использованы фотографии Ирины Журавлевой.

Выпускающие редакторы: Ирина Лир-Лави и Леонид Штернберг.

Юдит Аграчёва	3
"Мышцей простертой"	3
Эйтан Адам.....	8
Судьба кавалерии в XX веке	8
Татьяна Андреева	21
Вы ушли с маршрута	21
Писатель из Москвы	22
Шар.....	24
Слова	25
Послесловие	26
Гроза	28
Рассвет.....	30
Татьяна Белобородько.....	32
Три поколения.....	32
Леонид Гамбург	35
Спасться нельзя погибнуть	35
Михаил Гольдис	45
Из книги «Воспоминания прокурора-еврея из советской Украины».45	
Семен Златин.....	51
Теломеры – биологические часы	51
Александр Казарновский.....	64
Тогда в Шушане	64
Николай Козаченко.....	92
Святыми далями дышу.....	92
Александр Крамер.....	100
Другие	100
Игорь ЛеШ	117
Осень.....	117

Ирэн Немировски	122
Предисловие редактора П. Чечельницкой.....	122
Глава из романа «Собаки и волки»	122
Борис Полищук.....	125
Аккордеон.....	125
Виктория Серебро	166
Лимерики.....	166
Гелена Степура.....	171
Эвакуация в зону военных действий.....	171
Попутчики.....	174
Шесеки	176
Эдуард Хейфец	178
Птица-гоацин, легендарнее легенд.....	178
Паулина Чечельницкая	188
Пародии	188
Сведения об авторах	195
Картинная галерея	201
«Год Огненного коня» (от редактора А. Беленко).....	201

"Мышцей простертой"

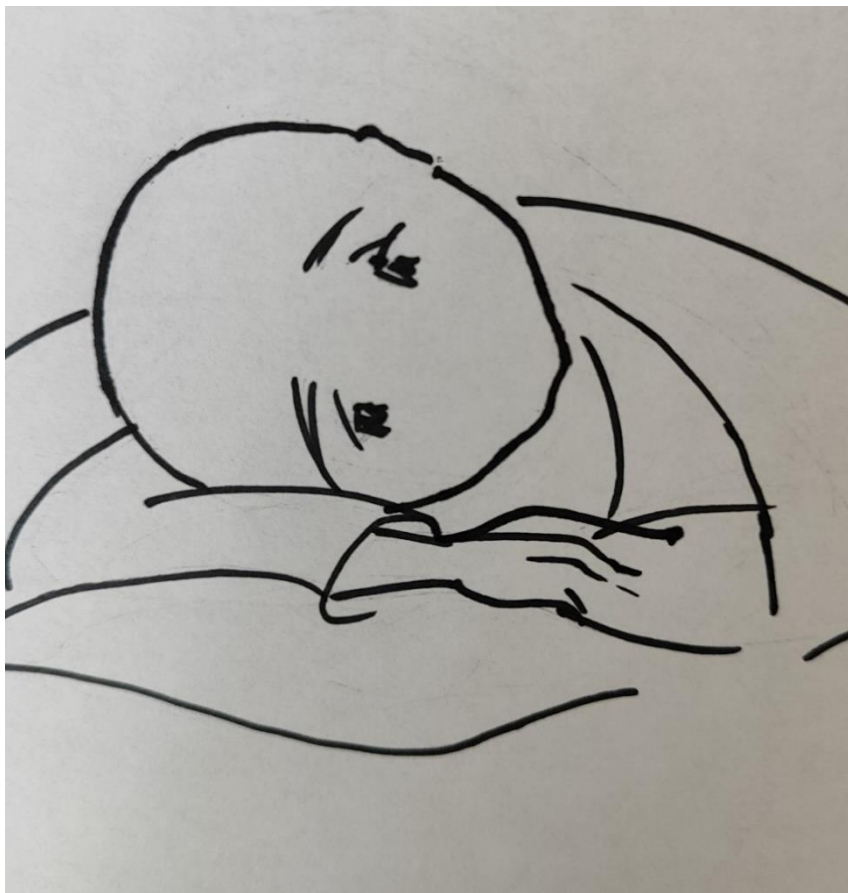

Рисунок автора

Не сейчас, а чуть раньше, на самом пике войны, хотя кто это знает, что считать пиком, ещё и больница оказалась вокруг меня, хотя кто это знает, что считать мной; терапия, потом хирургия, и все это, что уже многократно описано очевидцами вербально и визуально, все так и представилось: исполинские стоянки на минусовых этажах, подземелье, царство Аида – чужого бога с родным до смешного по звучанию именем, сосуществование не сочетающихся предметов, явлений, величин, вырванных из вчерашних, казавшихся обыденными рядов; мутная голова: плывет зрение, восприятие, концентрация; безостановочно ревущие генераторы, насосы, подающие воздух, электричество, непрерывный, ни на секунду не

гаснущий ни днём ни ночью, бьющий наотмашь искусственный свет; в терапии кровати кое-как отделялись тоненькими, клеенчатыми, в цветочек, как в старых домашних душевых, занавесками; в хирургии занавесок хватало только для разделения, условно, мужских и женских палат; нет тумбочек у больных, нет ниш ни для тележек с медикаментами, ни для шкафов с бельем, ни для полок и ящиков для лекарств, и в то же время есть все, – лишенное своего места, но наделенное способностью оказаться рядом с тобой: подъезжают шуруша стойки для капельниц, материализуется, позванивая, издавая взеземные сигналы, аппаратура; медицинский, технический персонал функционирует в неподвластном осмыслению ритме, представляющемся незыблемым; нет, пленка зыбкости: всем и всему принципиально некуда прислониться, потому что почти нет стен; однако оставшиеся на гигантской площади бывших стоянок низкие перегородки (для чего они были нужны?) разумно заняты – рядом с ними установлены сбитые на скорую руку столы, прикрытые одноразовыми скатертями, а где – простынями, и на них упаковки минеральной воды, кипятилок, одноразовая посуда, кофе, чай, молоко, сахар, печенье, пироги для всех, кто стоит на ногах – и больных, и толп посетителей; все круглосуточно – время впрочем прекратило дробиться на день и ночь – обновляется волонтерами; и тут же, рядом – мальчики с девочками, солдаты, совсем ещё юные, из стихийно созданных справочных центров, расположившихся рядом с входами; они, ориентируясь на вручную, карандашом набросанные планы, провожают людей, пытающихся отыскать отделения, помеченные приколотыми к занавескам стрелками или бумажными указателями; а по палатам развозят еду, и кормят, и кормят, и кормят (“Я же не ем!” – “Так положите себе на кровать, ну хоть фрукты, вас же придут навещать, а дороги сейчас наверху нервные, долгие”); прорывается сквозь прогнившие стены в туалетах вода-невода, и тут же туда ставят людей из технического персонала, откачивающих, выжимающих и сливающих просто вручную, ведрами, то, что хлещет, пока специалисты латают пробой, предотвращая и исключая возникновение пробок, – все работает в гибком, лабильном, конструктивном режиме; так быстро, будто привычно, разбивают “полевой” туалет с душевыми – огромный шатер с кабинками и формальными перегородками; разумеется без дверей, но ты уже настолько не там, где был, относительно прежних представлений о территориальных границах, о стеснении, что стерто само определение этих понятий; не держась ни за что, ты бредешь, пытаешься не потеряться, и параллельно блуждает, стараясь собраться, ум: ты тело? ты – боль, лишенная формы? ты сломавшийся механизм? если ты пациент, то чей? – здесь же без счета движущихся по непересекающимся с твоей орбитам врачей; ты привязан к нижнему миру, который спущен под землю?

интересно, он отделен от верхнего, недоступного зрению, или наоборот, как в дни сотворения, еще или уже – един? стоп: где-то есть небосвод? и вдруг крик, девичий, с гортанным “р”, и поэтому вроде реальный, летит из сестринской (просто зависших в невесомости стола и стула): “Эй, Ицика сюда срочно! Нет, пусть Мошик занимается краном, а Ицика быстро – к западным лифтам, с инструментами, тут отклеилась и упала мезуза, и люди не могут войти!”; вой сирен приглушен, подавлен рычанием моторов, урчанием оборудования, поскрипыванием передислоцирующихся приборов; твоя оголенность, беззащитность вроде бы очевидна, и в то же время ты укутан, будто тяжелым одеялом в жару, удушающим ощущением совершеннейшей защищенности; откуда оно? казалось бы вырванный из контекста, ты тем не менее ощущаешь себя частью незнакомой, не поддающейся ещё анализу, но живой массы, которая дышит, поднимается и опадает, как тесто, раскатывается, перетекает; ты во всем этом пыль, мука, крошечный, но однако образующий, необходимый, как и все вокруг, элемент для творящегося на глазах, сотворяющегося заново мира; нет страха, поскольку нет признаков энтропии; поэтому все, и внутри тебя, и снаружи, наделено смыслом, – приступы потери сил, передвижения твоей кровати вдоль коридоров, заставленных другими кроватями, темных тоннелей, будто намеренно суженных, полных бед (“цар”, “царот” – отрезков пути, необходимых для выхода из “мицраим”) и требующих максимального сжатия твоей физической сущности, – это то, что мелькает в воспаленном сознании по пути, когда на каком-то его этапе из тьмы может явиться ее отсутствие, но не воздух ещё и не отблеск небесных светил, – пока рано; это тебя еще проворачивает в жерновах, – “тиккун”? ради него тебя перемещают посланцы Аида, всех мастей, не ведающие, кто и зачем их послал, как впрочем и сам условный властитель чистилища, где каждый подземный этаж – шанс подняться на следующий уровень, если успеешь (ты, или тот, кто за клавиатурой) понять роль в игре, где ты то субъект, то объект, теряющий свою жизнь... до следующей игры; и вдруг врывается в гладь рассуждений, видений к удивлению вполне живой, хоть и подуставший перевозчик – материальнее не бывает – везущий не так чтобы нежно твою кровать, куда ему велено; и он, заскував, решает поделиться со мной своими соображениями о Биби (“Эй, братишка, ты правда думаешь, что именно это мне интересно сейчас? – Прости, сестра, ты права, здоровья тебе!”); и в положенный срок – манипуляции под ультразвуком, в простенке, ответвлении бомбоубежища, среди лестниц, где едва умещаются техник, провода, компьютер с одной стороны моего живота, и врач – с противоположной; перед местной анестезией я подписываю стандартную пачку бумаг, ценность которых в новой реальности для меня не равна даже нулю, как впрочем ничего не равно ничему; затем медицинская процедура затягивается, поскольку в

процессе обнаруживаются сюрпризы; все пошло не по плану, что опять-таки адекватно действительности (суть проекции?), но анестезия все та же; боль нарастает; врач молодая, сильная, быстрая, она комментирует вслух свои действия, то ли координируя их с коллегой, управляющим компьютерным комплексом, то ли так ей легче самой; но в какой-то момент ее монолог сливается в моей голове с воплями впавшего в раж комментатора, нет, самого игрока спортивного матча: “ну вот же он, я держу, я – на месте, он в руках, нет, выскользнул, бляааать, я ловлю другой, я поймал, я – внутри, ах, сука, и этот ушел, а вот этот нет, не уйдет...”, да-да, сплошной сленг, иврит, неподдельная страсть; моя физическая составляющая, окончательно раскрошившись, ссыпается куда-то вниз, под кровать, под бетон; а внефизическая от потрясения взмывает ввысь, наблюдая уже это веселье сверху; и тут я начинаю смеяться; а доктор сердится, пытаюсь меня урезонить словом, – очевидно нет успокоительных под рукой, и она кричит: “дорогая, ну... мать твою!”, а я – ей, что не подписывалась не смеяться; она – мне: “ок, ты права! остановимся и оформим бумаги заново”? – “и кровью, кровью подпишем,” – подтверждаю.

Какая же ясность вдруг.

Видно и даже слышно, как перестраивается, редеея, редеея, редеея ценностный ряд, казавшийся базисной частью личности.

Нет личности.

Есть субстанция, это вроде бы я, и есть шанс проскочить сквозь непомерно суженное (не для тела?) вентиляционное видимо, отверстие вверх; это если есть верх.

Оно над головой, но самой мне не дотянуться.

Значит нет.

Затиhaю.

Но тот паренек, который сидел у компьютера, чуть развернулся, хотя казалось, нет места для поворота. Оставив левую руку на клавиатуре, он правую – положил рядом с моей на матрас. Он раскрыл ладонь и сказал: “Положи свою – на мою и сожми, и жми, когда тебе больно, и когда смешно – тоже, давай же, изо всех сил”.

И я жала, а он отвечал; и улетаая, я слышала: “Сильнее, не бойся мне сделать больно, не отпускай руку, сжимай и не прекращай...”

Я однажды забуду, наверное, подземные лабиринты, медицинские предположения и приговоры, то собиравшиеся в колоду, то распадавшиеся красочным веером, – снова чья-то игра, где карты

ложились то этак то так...

Но я не забуду ту руку.

Ну да, просится пасхальное и насущное про “мышцей простертой выведу, соберу, сохраню, удержу дыхание каждого...”¹

Но намного сильнее хочется очистить сейчас память от любых шумовых помех.

Иногда рука это просто рука: сухая, крепкая, точно и спокойно выполняющая свою функцию, почти мальчишеская рука – рыжая.

¹ "Мышцей простертой" – это часть фразы из Пасхальной Агады, описывающей, как Бог вывел евреев: «Рукою крепкой и мышцей простертой, и ужасом великим, и знамениями, и чудесами».

Судьба кавалерии в XX веке²

Итак, что же случилось с конницей, с кавалерией в XX веке? Вместо эпиграфа я расскажу такую историю.

11 сентября 2001 года произошло знаменитое нападение на Башни-близнецы в Нью-Йорке. Через месяц после этого Джордж Буш-младший, президент Соединенных Штатов, попросил применить знаменитую пятую статью устава НАТО о помощи. Это единственный случай, когда какая-нибудь страна НАТО попросила помощи от других стран НАТО. И это была как раз Америка. Страны НАТО оказали помощь и послали свои воинские контингенты в разные места, в том числе в Афганистан. Именно тогда началась интервенция НАТО в Афганистане, которую решил закончить Трамп во время своей первой каденции (а шишки достались, почему-то, Байдену, как водится). Но в течение около 20 лет части НАТО, выполняя статью пятую устава НАТО, были в Афганистане, в том числе датские части.

Я видел документальный фильм о датских солдатах в Афганистане. Вели они себя вполне адекватно, были хорошо обучены, хорошо экипированы, не трусили под огнем, но и без особого героизма. Ну, в общем, хорошие солдаты для страны, которая 200 лет не воевала.

Это был датский гусарский полк. Повторяю, это был гусарский полк. Что же это за гусары такие? Вот об этом и пойдет речь.

Итак, еще в древности во времена холодного оружия стало ясно, что при столкновении пехотинца с конным все преимущества у конного. Это было ясно еще тогда. Конный рубил пешего мечом, позднее палашом, саблей, шашкой. Применялись и другие методы, но метод рубки конницей пехоты был наиболее распространенным.

Замечу, что было много вариантов ездящей пехоты, но она практически всегда предпочитала действовать в конном строю.

Поэтому уже тогда было ясно, что лучше иметь конных бойцов, чем пеших. Проблема в том, что конный боец экономически стоит в несколько раз дороже, чем пеший.

Еще в древности пехота привыкла сражаться в строю. Это хорошо для рукопашного боя самой пехоты против пехоты. Но и против кавалерии

² Статья основана на лекции, прочитанной автором 12 Швата 5786 г. (29.1.2026) в «Клубе книголюбов» в Бейт-Оле в Хайфе: [Судьба кавалерии в XX веке](#).

выставлялись пики, позднее штыки, в строю. Однако это была всего лишь пассивная оборона.

Поскольку конница стоит существенно дороже, чем пехота, то массовые армии, как правило, были основаны на пехоте. Массовые конные армии – это чрезвычайно большая редкость. Прошу заметить, рыцарские армии средневековой Европы были маленькие, а вот массовые были основаны на пехоте, конница была вспомогательной силой – маневры, налеты с флангов и тому подобное. И всегда конница старалась, по возможности, рубить пехоту. Ну а пехота выставляла пики или штыки.

Так продолжалось очень долго. Наконец в XV веке появилось огнестрельное оружие. Я говорю сейчас, в первую очередь, о личном огнестрельном оружии. Это мало что изменило для конницы. Пехота, да, пехота перестроилась. Появились шеренги пехотного строя, потому что перезарядка ружья занимала около минуты. Из-за перезарядки приходилось стрелять шеренгами. Темп стрельбы редко превышал один выстрел в минуту для одного человека. Так что произошли изменения в тактике пехоты, но не в тактике конницы.

Но, особенно в XVIII веке, все время искали способ сделать многозарядное оружие. Любой, кто зайдет в музей, в хороший музей оружия, обнаружит там в зале XVIII века огромное количество всевозможных многозарядных штук. Чего только не изобрели. Проблема, что все эти изобретения, все без исключения, были ненадежны. Так что в серию, что называется, ничего не пошло.

Если мы посмотрим на войну 1812 года в России, то мы обнаружим интересные факты. Например, батарею Раевского, в конце концов, взяли французские кирасиры. Правда, за это она заслужила прозвище «могила французской кавалерии». Там ее было положено видимо-невидимо.

Еще мы все учили про партизанские отряды и про первый из них – Дениса Давыдова. Заметим, неправильная терминология. Партизаны – это были крестьяне, которые партизанили, а армейские отряды назывались летучими. И приказал их создать Барклай-де-Толли еще 23 июля 1812 года. Первый летучий отряд был под командованием Винцингероде и его помощника Бенкендорфа. Как-то это для патриотов очень неприятные фамилии. А был, к тому же, отряд Фигнера. Короче, этих летучих отрядов было много, и они действовали задолго до отступления Наполеона из Москвы, действовали на дальних коммуникациях, далеко в глубине, далеко в отрыве от главных сил. Поэтому Наполеон писал и Кутузову, и Александру I что вы, мол, воюете неправильно, что это вообще такое.

Итак, 1836 год. Вот от этого года нужно отсчитывать начавшуюся

эволюцию или революцию в кавалерии.

Появился знаменитый револьвер «Кольт Патерсон». Первое надежное многозарядное личное оружие. Следует заметить, что в этом револьвере нет ни одного узла, который не был бы уже изобретен в XVIII веке. Компоновка всех узлов была новая, а сами узлы были изобретены раньше. Капсюль был изобретен еще в 1807 году. Так что единственное, что там новое – это компоновка.

Но есть еще один момент. Одним из узких мест технологии является вопрос обработки материалов. Это очень важно для любой технологии. Можно изобрести какие угодно идеи, но если мы не можем сделать материалы подходящими, ничего не сработает. Это оружие стало удачным, потому что оно было обработано по новым технологиям, тогдашним новым, поэтому детали оказались лучше пригнаны друг к другу. И поэтому это оказалось такое удачное оружие.

Но у этого удачного многозарядного оружия появился, так сказать, нюанс, дополнительный эффект, о котором никто не думал. Многозарядное оружие является одновременно скорострельным оружием. Впервые появилось скорострельное оружие. До этого об этом просто никто не думал. Никто не думал.

И тут же начались поиски разных других вариантов скорострельного оружия.

Тут же, забегаая вперед, скажу: пулеметы появились во второй половине XIX века, прошли свою эволюцию, но до Первой мировой войны пулеметы не были, что называется, в массовом использовании. Генералы не любили пулеметы, потому что считали, что это трата боеприпасов зря и тому подобное. Так что мы можем не упоминать пулеметы до Первой мировой войны. А здесь мы говорим о личном оружии.

1861–65 гг., гражданская война в США. Кавалерия обеих сторон в массовом порядке использует револьвер наравне с саблей.

1870–71 гг., Франко-прусская война. Несмотря на то, что французы проиграли, было отмечено, что французская винтовка была лучше прусской. Также была отмечена новая тактика пехоты. Дело в том, что винтовки были уже не такие, как во времена Наполеона. Это были казнозарядные винтовки, еще однозарядные, но уже с унитарным патроном. Их можно было быстро перезаряжать. Скорострельность была 10-12 выстрелов в минуту. И поэтому пехота применила новую тактику борьбы с кавалерией – огонь. Вместо того, чтобы становиться в каре и выставлять штыки, пехота просто открывала бешеный огонь по кавалерии. Это уже была активная оборона, активное действие. И, в общем, с этого

момента, который был отмечен всеми специалистами по военному делу, везде пехота начала переучиваться, с этого момента можно сказать, что все эти разговоры о том, мол, как Первая конная кого-то там рубила – рубили либо пленных, как это описано в дневнике Бабеля, либо очень редко, но удавалось-таки рубить пехоту. Ну и бывало, что друг на друга кавалеристы налетали. Во всяком случае, как только пехота научилась отбиваться от кавалерии огнем, попытки налететь на пехоту и рубить ее стали весьма проблематичными.

Вскоре после Франко-прусской войны великий князь Николай Николаевич-старший³ объявил конкурс на лучшую книгу по истории конницы. Он тоже был генералом, звезд с неба не хватал. Но с полного согласия своего августейшего старшего брата он объявил этот конкурс. В 1889 году этот конкурс выиграл канадский офицер Джордж Тейлор Денисон III. Он еще в 1887 году по-английски выпустил книгу под названием «История конницы» в двух томах. Книга совершенно замечательная. Была переведена на немецкий и вышла в 1889 году с комментариями Генриха Отто Рихарда фон Брикса, немецкого офицера. Была также переведена на японский. По-русски вышла в 1897 году. Опять же с комментариями фон Брикса.

Прошу заметить, немецкий язык в те времена был почти тем же самым, что английский в наше время. Для науки и техники – это был язык номер один. Даже в царских гимназиях на немецкий отводилось больше всего часов из иностранных языков. Больше, чем на французский, больше, чем на латынь. Немецкий был главный. Так что все образованные люди того времени читали по-немецки, в том числе и военные специалисты.

Итак, вышла книга по-немецки для всех с комментариями. Комментарии подробнейшие, великолепные. Во многих местах комментарии превосходят по объему сам текст оригинала. Книга совершенно замечательная, с замечательными комментариями. Проблема в эпилоге.

Канадец считал, что времена рубки практически прошли, саблю, похоже, придется сдать в музей, главное оружие кавалериста – карабин и револьвер. Лошадь – в основном лишь средство передвижения. В бой следует идти пешим порядком с карабином. Если же почему-то все-таки возникнет конный бой, то лучше использовать револьвер, а не саблю. Более того, в худшем случае револьвером можно отбить сабельный удар. В этом он был прав, потому что револьверы тогда были большие и длинные, ими можно было отбить сабельный удар.

³ Сын Николая I, младший брат Александра II, соответственно, отец великого князя Николая Николаевича-младшего,

А в чем задача конницы? И пишет канадец. Задача конницы не столько во фланговых маневрах, но в глубоких рейдах в тыл противника, в действиях на коммуникациях, в нападениях на тыловые штабы, на тыловые базы. Вот задача кавалерии. А маневры на флангах, ну это тоже, конечно, можно, но не это главное.

С ним полемизирует комментатор-немец, что, конечно, да, пеший бой, нужно к нему приучаться, это все правильно. Но причем здесь все эти новшества? Все задачи остаются прежними. И драгуны, и гусары, им всем еще найдется работа. В общем, короче говоря, все должно остаться по-прежнему, но немножко нужно переучиться.

Окей. Что же произошло в итоге? В России в 1882 году началась так называемая «драгунская реформа» (неформальное название). Что это означало? Вся кавалерия, которая на параде была вооружена кто саблями, кто палашами, кто в кирасах, кто в касках – все это осталось для парадов. Все гусары, уланы и кто бы там ни были – все были вооружены теперь в полевом порядке одинаково. Винтовка и шашка. Учили рубить шашкой, учили сражаться в пешем порядке с винтовкой. Это отрабатывалось. Правда, про глубокие рейды как-то забыли, но, по крайней мере, до какой-то степени это уже была новая кавалерия.

Примерно то же самое происходило и в других армиях в Европе и в Америке. Оставляли саблю или палаш, но брали винтовку или карабин, учились пешему бою. При этом сохранялись старые названия: драгуны, гусары, кирасиры, все это сохранялось.

1898 год. Сражение при Омдурмане. Это подавление восстания махдистов в Судане. В советской историографии писали, что это было восстание против английских колонизаторов и их египетских сообщников. На самом деле это было восстание работоторговцев вкупе с исламистами. Очень были малосимпатичные люди, на самом деле. Англичане и египтяне долго собирались. Наконец они отправились их крушить. И вот в этом сражении, решающем сражении, где эти махдисты были разбиты, произошли две интересные атаки.

Атака улан. Английские уланы в конном строю пошли в атаку на пехоту противника. Пехота отстрелялась, уланы отступили, спешились, взяли карабины, пошли в пешую атаку и победили.

На другом участке атаковал 4-й собственный Ее Величества гусарский полк. Это был очень интересный полк. В нем служил тогда молодой лейтенант Уинстон Черчилль. И в этой атаке он участвовал лично. Так вот, они пошли в конную атаку на конного противника с пистолетами в руках. Не с саблями, а с пистолетами (тогда уже были самозарядные пистолеты, имевшие по 5-7 патронов в магазине). Короче говоря, противник был

просто сметен, что называется.

Так что в общем выводы Денисона постепенно претворялись в жизнь.

1899–1902 гг., Вторая англо-бурская война.

Вообще, это тот случай, когда война произошла, что называется, на краю Ойкумены, где-то там, эта война в общеполитической картине мира мало что изменила. Так, но в военном деле это была совершенно революционная война. Совершенно революционная.

Что интересно, несколько тысяч добровольцев из Европы, включая офицеров, участвовали в этой войне. Кто-то из них даже чем-то командовал. Но ни один из них не повлиял ни на бурскую тактику, ни на бурскую стратегию. И кстати, с одной стороны, жаль, потому что будь у них хоть немножко больше стратегического понимания, они бы, конечно, англичан выкинули из Южной Африки без проблем. У них были все шансы. Но если бы их заставили воевать по европейской тактике, они бы, конечно, проиграли сразу.

Кстати, о самом слове «буры», они себя так никогда не называли, потому что «боег» по-голландски означает просто крестьянин или фермер. Просто большинство из них были крестьянами.

Знаменитое слово «коммандос». Мы с тех пор знаем это слово. Что это было на самом деле? Слово «kommando» по-голландски всего лишь означает то, что мы называем по-русски «команда», в т. ч. подразделение. В данном случае это был отряд территориальной милиции на базе одного округа, подразделение от 500 до 1000 человек. Ближе к 1000 обычно. Но это была именно милиция, то есть это не была даже регулярная часть. Просто все военнообязанные должны были явиться в срок верхом на лошади и с винтовкой Маузера, купленными за свой счет. Командиров выбирали, как и других офицеров. Смэтса знаменитого тоже выбрали. Адвокат, образованный человек, решили, что отличный командир будет. Не так шибко он себя проявил на войне, как потом. Хотя и на войне был неплох.

В общем, как это выглядело? Есть прекрасная фотография, когда был взят наконец в плен бурский генерал, фотография его с английским генералом. Значит, стоит английский генерал в полевой форме, затянутый в ремни, бравый такой англичанин. И рядом стоит бурский генерал, добрый бородатый дедушка в пальто и шляпе. Вот так они выглядели.

Теперь лошади. Все буры были на лошадях. Англичан предупредили, что у буров все сплошная кавалерия. Но когда они это увидели, то сказали: «Это кавалерия?». Дело в том, что южноафриканские лошади были существенно ниже английских. На них было невозможно вести кавалерийский бой. Но буры и не вели кавалерийский бой. Они лошадей

использовали точно по указаниям Денисона, только для передвижения. Зато они все были на лошадях.

И единого командования не было, стратегии не было, но изменения в тактике были колоссальные. Опять-таки буры ни черта не знали и знать не хотели. И когда англичане, все еще в строю, все еще стреляли шеренгами, навстречу выходили буры и шли в атаку стрелковой цепью. Это они изобрели стрелковую цепь, которая стала основой тактики пехоты с тех времен по наши дни. Они шли стрелковой цепью, стреляя на ходу. А если нужно было действовать в обороне, они залегали за кочками, за кустами, и вели огонь лежа.

То есть современная тактика пехоты родилась там, а старая тактика пехоты, по которой тысячи лет со времен Ганнибала воевали, тактика строя пехотного исчезла раз и навсегда. Раз и навсегда. То есть полное изменение пехотной тактики.

А их кавалерия, собственно говоря, — это была ездящая пехота.

Короче, всем стало ясно, что нужно воевать по-новому.

Пехота быстро везде перестроилась. Кавалерия не сразу.

Еще про Вторую англо-бурскую войну. Черчилль отличился и там. Он был военным корреспондентом, попал в плен и был единственным англичанином, который бежал из бурского плена. Смелый был мужик.

1904–05 гг. Русская-японская война, на которой среди прочих отличился полковник Маннергейм.

Русские кавалерийские офицеры жаловались, мол, видим японскую кавалерию, ну, шашки наголо и т. д. А что делают японцы? Они спешиваются, залегают и открывают огонь.

То есть японцы действовали на самом деле точно так, как надо. Денисона они прочли внимательно и выучили хорошо, уроки Второй англо-бурской войны тоже выучили.

1911 г. На вооружение американской армии поступает знаменитый кольт модели 1911 года. Это большой тяжелый самозарядный пистолет. Пистолет очень удачный, и он служил американской армии почти до конца XX века как стандартный служебный пистолет. Еще интересно, что первым делом он был передан на вооружение кавалерии. И что сделала американская кавалерия? Вот она-то и сдала сабли, ну не в архив, а только оставила для парадов. Вот первая кавалерия в мире, которая вообще отказалась от холодного оружия. Карабин и пистолет Кольта.

Очень быстро стало ясно, что они правы. Дело в том, что как раз в это время началась гражданская война в Мексике, которая продолжалась чуть ли не 10 лет, с перерывами. Там было не две стороны, а побольше, и там

была куча всяких партизанских отрядов. А партизанские отряды, как известно, от бандитских мало отличаются. Они неоднократно пересекали американскую границу с целью, так сказать, пополнить запасы и многое другое.

Короче говоря, на каком-то этапе американцы просто заняли приграничные мексиканские территории, чтобы, так сказать, громить эти банды на месте. И американская кавалерия отлично обходилась без сабель.

1914–1918 гг. Первая мировая война, которая внесла очень много изменений.

Как я уже сказал, пулеметы наконец заняли свое место. Что еще? Буквально перед самой войной почти везде появились бронемшины. То есть автомобили, тогда еще довольно слабые, покрытые легкой броней, вооруженные пулеметами, иногда легкими пушками. Но такие автомобили могли ходить только по дорогам. Очень плохо ходили по пересеченной местности.

Появилась мотопехота, т. е. пехота, которую возят на грузовиках, которая в бой идет пешим порядком, но которая вместо того, чтобы месить ногами расстояния – едет. Появилась она одновременно и в Англии, и в Германии.

Появились танки в 1916 году, английское изобретение. Но идея танка была совсем не такая, как стала потом. Идея танка была, что танки идут медленной цепью, а позади них идет пехота. Под прикрытием танков пехота подходит к позициям противника и тогда уже идет на штурм. Вот такая была идея. Так использовались танки.

В самом конце, в 1918 году немцы применили новую тактику, которая, применили они ее раньше, может быть, привела бы к победе: мобильные группы из кавалерии, мотопехоты, бронемашин и легкой артиллерии. Им помогают прорывать фронт, после чего они входят вглубь и идут на коммуникации, на штабы, на базы. Это применили немцы в 1918 году, но было уже поздно.

1918–1922 гг. Гражданская война в России.

Разгул кавалерии. Но, опять-таки, рубка бывала довольно редко, тем не менее была. Но просто при огромных расстояниях России без кавалерии было никак. И я думаю, что одна из причин, почему белые так долго продержались, это что казачество в массе своей было на стороне белых. То есть у них была хорошая кавалерия. Что интересно, когда мы читаем воспоминания о гражданской войне, рассказы, то что мы видим? У кавалериста есть винтовка, у кавалериста есть шашка, но большинство

еще старалось иметь наган, то есть револьвер. То есть опять-таки понимали, что иной раз лучше применить револьвер, чем шашку.

И когда мы читаем, что в том или ином месте кавалерийская часть совершила операцию, заняла то, се, мы, как правило, не знаем – а она это сделала в конном строю или в пешем? Очень часто об этом просто не пишут.

В 1920 году при Комáрове, это в восточной Галиции, произошло сражение между Первой конной и поляками. В общем, поляков было намного меньше, но Первую конную они разбили на голову. Это считается последней крупной кавалерийской битвой в истории. Но когда мы смотрим детали, мы видим, что да, со стороны Красной армии действовала конница, а со стороны поляков добрая половина участников были пехотные дивизии. Так что еще непонятно, почему Первая конная проиграла, благодаря польской коннице или благодаря польской пехоте. Так или иначе, это то, что произошло, последняя из крупных конных битв.

А когда мы читаем, опять-таки, всякие рассказы о том, что они рубили тех, рубили этих – не так-то просто рубить, когда в ответ стреляют.

И, кстати, такой момент. Знаменитая гибель Чапаева произошла из-за того, что белые смогли совершить глубокий рейд в тыл к Чапаеву. Они же налетели на штаб Чапаева, не на части его дивизии, которые были в более передовом порядке. Они смогли добраться до штаба и разгромить штаб. Ну и самого Чапаева убили. Вот такой был рейд, очень, очень удачный, глубокий кавалерийский рейд.

Между мировыми войнами. Пошло развитие танков во всем мире, развитие мотопехоты. Но что интересно, бронетранспортеры появились только в Германии и в Штатах. Везде в других странах мотопехоту возили на грузовиках, в том числе в России. Но мотопехота появилась везде. Появились мотоциклисты. (Правда, они оказались в начале войны Второй мировой не очень удачными, от них отказались.) Начали обсуждаться идеи танковых прорывов, танковых корпусов. Возникла идея, что идеально иметь корпус, где на 2 бригады танков 1 бригада мотопехоты и 1 бригада артиллерии. Танки идут в поле, а мотопехота штурмует отдельные укрепления, такие были идеи. Лиддел Гарт в Англии, де Голль во Франции, Гудериан и фон Манштейн в Германии, Триандафиллов и Тухачевский в России...

Ах, далеко не всегда у этих идей были, так сказать, какие-то люди, которые были готовы их претворить в жизнь. Вот Тухачевский был за это, например, но Тухачевского, как известно, убрали. Так что как будут воевать в будущем танки, между войнами было еще неясно. Но теперь посмотрим, а что же произошло с кавалерией.

Здесь история кавалерии разделяется на два направления: на восточное и на западное.

Восточное. Россия, Польша и т. д. Кавалерия осталась кавалерией. Правда, в советское кавалерийские дивизии ввели танковые полки, но в целом это осталась кавалерия. Винтовка, шашка, рубка. Пешим строем тоже воюют. Все как есть. Правда, Красная армия отказалась от старых названий, вроде гусар или улан. У них просто были кавалерийские полки.

Польша тоже – сабля, карабин и тому подобное. Правда, у них были гусары, уланы и т. д., хотя на самом деле все они были одинаковыми.

Так что на востоке кавалерия осталась кавалерией, а вот на западе кавалерию стали превращать в мотопехоту и даже в танковые части.

Тот самый 4-й гусарский полк, в котором сражался лейтенант Черчилль и почетным командиром которого он был во время Второй мировой войны – в 1931-м году стал танковым полком, сохранив название 4-го гусарского полка.

Можно сказать, что к началу Второй мировой войны в Англии конницы не осталось. Кавалерия осталась. Полки кирасирские, уланские, какие хотите, на самом деле мотопехотные и танковые. Более того, создавались новые такие же по названиям, но не по существу, полки – кирасирские, уланские, гусарские. Да, английская традиция иной раз просто зашкаливает.

В Америке этот процесс затянулся до 1950-х годов.

В Германии на момент начала Второй мировой войны было три конных дивизии. К концу войны осталась одна, две другие стали мотопехотными, хотя и назывались кавалерийскими.

И это продолжается по сей день.

Когда мы слышим, как я рассказал, о датских гусарах в Афганистане – это, конечно, была мотопехота.

И по сей день существуют кавалерийские, мотокавалерийские, бронекавалерийские, их называют по-разному, дивизии в западных армиях, кирасирские, драгунские и всякие прочие полки. Это все осталось. Они как-то их различают. Есть танковые полки, мотопехотные полки, гусарские полки, уланские полки. И это общее явление.

Если мы посмотрим на Вторую мировую войну, то будет совсем интересно. Мы привыкли думать о Второй мировой войне как о войне моторов. Ошибка. Во всех армиях Второй мировой войны главной силой была пехота. Да, танки делали прорывы, делали операции, много чего делали танки, но все-таки главная сила у американцев, у англичан, у немцев, у русских, у японцев, у кого хотите – у всех была пехота.

Теперь, насчет прочей механизации. На момент начала войны на

балансе вермахта было полмиллиона гужевых лошадей. У других тоже были. Миллионы лошадей участвовали в этой войне. Около 2 000 000 лошадей погибли на этой войне!

Что же произошло? Как же действовала кавалерия? У поляков тоже была кавалерия. В начале войны немцы еще работали по старому методу. То есть танки шли медленной цепью, пехота шла позади них. Только Гудериан на своем участке на севере собрал две бронетанковые дивизии в бронетанковый корпус и продемонстрировал, что может сделать такой корпус, после чего все начали переучиваться по его примеру. А так везде шли медленные цепи танков, позади которых шла пехота.

Оказывается, поляки придумали контрмеру против этого, а именно: конница с саблями наголо галопом прорывается в интервалы между танками и рубит пехоту позади танков. Вот такая была идея. Что самое смешное, дважды это им удалось. Дважды им удалось порубать пехоту позади танков.

Выиграть, конечно, не выиграли. Но все эти рассказы, что вот там польская кавалерия шла, так сказать, на танки с саблями наголо – она не на танки шла, она шла на пехоту позади танков. И, конечно, по ним лупили из пулеметов с танков и тому подобное, поэтому это, конечно, было самоубийство, но дважды им удалось порубать пехоту позади танков.

Так что отдадим им должное. А вот самое интересное произошло в России в 1941-м году.

После начала войны были срочно созданы новые 82 кавалерийские дивизии. 82. Было это правильно или неправильно?

Ответ на это простой. Раз есть два человека, Жуков и Буденный, каждый из которых в воспоминаниях утверждает, что это была его инициатива, то надо полагать, инициатива была удачной.

Она действительно была удачной. О чем речь?

Красная армия была плохо вооружена, и было недостаточно другой техники, танков тоже было недостаточно, все разговоры, что, мол, были там 20 000 танков – танки жутко устаревшие были. Не было мобильных групп нормальных в начале. Нужно было еще уметь командовать и работать с ними. Главная проблема Красной армии была в том, что она не умела работать в новом состоянии. Но когда мы говорим о кавалерии, то что мы имеем? Огромная, все еще в значительной степени крестьянская, страна. Лошадей много. Немало людей, прошедших срочную службу в кавалерии, имеется в запасе. Плюс полным-полно крестьян, крестьянских детей, которые умеют скакать на лошади. Было из кого и из чего формировать эти дивизии. И эти дивизии свою роль сыграли. До 1943-го года они действовали как ездящая пехота, также ходили в глубокие рейды, и немцам они доставляли очень много хлопот. Конечно, они не нападали

на немецкие танки, но работа на коммуникациях, нападения на штабы и на базы, все это было. И, разумеется, они это делали пешим порядком. Если мы читаем, что какой-то город был освобожден кавалерийской дивизией, то ясно, что они не ворвались на улицы города с шашками наголо – дошли конным порядком, спешились и пошли на штурм пешим порядком. Это было, в общем, серьезно, из рейда возвращались от 30 до 50 % личного состава. Немцы их искали с воздуха, хотя у них были свои ПВО, они отстреливались.

Я сам лично знал, теперь уже покойного, человека⁴, который служил в ПВО в кавалерии, которому повезло. Он участвовал в двух таких рейдах и из обоих вернулся живым-здоровым.

Эти 82 дивизии таки в первые 2 года войны сделали немалую работу. На безрыбье и рак рыба. Если у вас нет танков и нет мотопехоты, то можно по тылам противника послать настоящую конницу. И она таки свою работу сделала. Хотя, конечно, уже в 1943-му году от них начали отказываться, потому как уже было достаточно новых танкистов и мотопехоты, и уже научились работать. Опять-таки, сколько бы ни было танков в начале войны, но обученных танкистов было мало. То есть танкисты были, но были необученные. Офицеров танковых войск тоже не хватало. Ну, это отдельная история, почему произошел разгром армии. Но возврат к старой знакомой коннице был. Опять же, если и Жуков, и Буденный утверждают, что это их инициатива, значит, инициатива все-таки сработала. Как ни крути, они дали последний бой вполне приличный.

Сейчас лошадь используется в России в погранохране, используется полициями практически всех стран, жандармерией. В армии, разумеется, практически ни в одной, конницы нет.

Но, как я сказал в начале, датские гусары и не только датские продолжают воевать в разных местах. И когда мы читаем про кавалеристов, гусар, улан и тому подобное, их полным-полно по сей день, хотя они сегодня выглядят совершенно иначе. Ну, традиция такая.

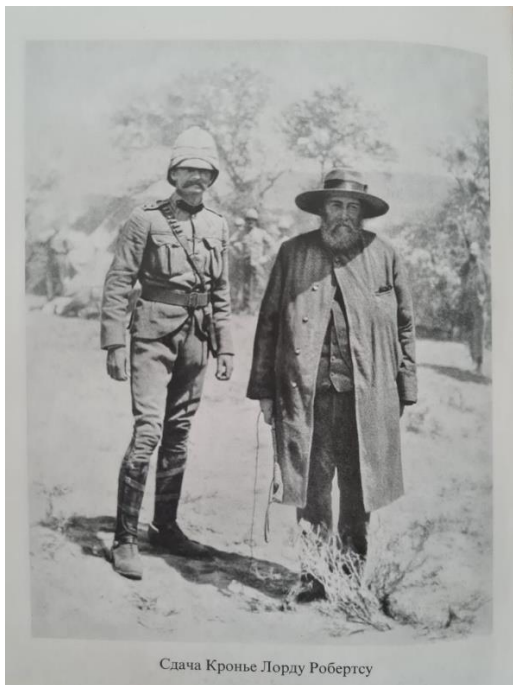
Кстати, интересно, что у нас здесь, в Израиле, в 1950-е годы применяли лошадей. Нет, я имею в виду, в армии было время, когда бригада «Голани» передвигалась на лошадях. Но это было, поскольку отсутствовало достаточное количество транспорта. Как только стало достаточно транспорта, от лошадей, конечно же, отказались.

Так, что еще интересно? Вот я упомянул Маннергейма. Маннергейм был, как бы мы сегодня сказали, фанатом конного спорта. Он обожал лошадей. И он занимался этим очень много. Но в финской армии 1939-го

⁴ Ицхак Ольшанский, 1921–2000.

года ни одного конного полка не было. Он был участником русско-японской войны, участником Первой мировой, верхом участвовал и там, и там. Он прекрасно понимал, что вроде бы на местности, где танк по болоту не пройдет, по лесу не пройдет, вполне быгодились подготовленные кавалеристы. Может быть, но далеко не всегда. Кроме того, такие места обычно в низинах, а низины обычно очень хорошо простреливаются.

Была кавалерия на белом свете, была и перестала, то есть осталась, но другая совершенно. Это нужно иметь в виду, когда мы читаем какие бы то ни было сообщения. Кавалерия и конница не являются синонимами.

Сдача Кронье Лорду Робертсу

Фото английского генерала лорда Робертса
и пленного бурского генерала Кронье.

Источник: из книги Arthur Conan Doyle. The Great Boer War. Smith Elder. London, 1902 (Артур Конан Дойл. Великая англо-бурская война. Smith Elder. Лондон, 1902)

Кирьят-Ям, 7–11 Адара 5786 г.

05.24.02–01.03.2026

Вы ушли с маршрута

Всё было решено, спланировано и оплачено: мальчишник, свадьба, поездка на Мальдивы. Олег ехал в загородный отель, который рекомендовал для мальчишника будущий тесть, отец Светланы.

– Вы ушли с маршрута, – сообщил навигатор. И правда, на съезде с трассы Олег повернул не направо, к отелю, а налево. «Куда это я?» – спросил себя мысленно и сразу понял – куда. Ладно, успею, заеду на минуту и обратно, невелик крюк. Он сам не знал, почему его потянуло на ту поляну. Не ждал же он, что там и сейчас майское солнце, музыка и Аня танцует, рискуя опрокинуть мангал.

Он продрался к поляне напрямую, сквозь перелесок. Там было как везде – серо, зябко, пахло сыростью и прелым листом. Захлюпало под ботинками. От дороги, где он бросил машину, доносился гул. Стучал по капюшону октябрьский дождь, как в детстве дед согнутым пальцем стучал ему по темечку: «Вот дурачок». Вот дурачок.

Поляна была небольшая, с жухлой травой, вкопанными в землю столом и скамейками из посеревших досок, крутым спуском к реке. Тряпкой висело на дереве забытое полотенце («Солнечный цвет!» – кричала тогда Аня, выбрав его в магазине. «Цыплячий», – смеялся он). Выцвело до мёртвого грязно-бежевого. Олег поспешил к нему и споткнулся о мангал. Они купили его в то утро на бегу в «Ленте» вместе с шашлыком и углями. Собирали в четыре руки – новый, блестящий, непрочный. Тонкие стенки, тонкие ножи, неустойчивый, как новорождённый телёнок. Сейчас он лежал на боку, с подвёрнутой ногой, оплетённый засохшим выюном, с чертополохом в изголовье. Пепел – мокрый, спрессованный. Холмики углей темнеют. Антон взял один, тот рассыпался под пальцами, оставил чёрный след и запах гари.

Подошёл к полотенцу – вытереть руку. Потянул. Застучали по капюшону крупные капли (вот дурачок). Полотенце, которое искала Аня в сумке, вытряхивая всё на зелёную яркую траву. Её первая истерика из-за ничтожного этого полотенца, первая в череде многих, испугала его тогда и обескуражила. Он метался, обещал купить новое, и что-то рвалось в их отношениях, как сейчас порвалась мокрая ткань в трупных пятнах плесени, влажная, жирная, с застрявшим в прорехе ржавым ивовым листом. Антон достал из кармана салфетку и вытер руку. Постоял.

Бывшая ярко-жёлтая прищепка, выгоревшая до бежевого, хрустнула под пальцами, обнажила в самой сердцевине бесшабашный весёлый цвет – пахло речной свежестью, подгоревшим шашлыком, запахом горячих

Аниных волос – и упала с руки в путаную траву, будто её и не было.

Он шёл обратно. Вспоминал, поставил машину на сигнализацию или нет – и не мог вспомнить. Оказалось, не поставил. Сел, достал влажные салфетки и тщательно вытер руки от жира, от запаха плесени и гари.глянул на часы – успеваает.

– Вы вернулись на маршрут, – объявил навигатор.

Писатель из Москвы

Навстречу мне шла Баба Яга: нос крючком, волос торчком, во рту сигарета. В левой руке держала длинную метлу, рабочая часть спрятана в холщовый мешок. Откуда в Воронеже, на улице Дзержинского, у дома 10А Баба Яга? Уф, в левой руке мобильник, и кричит она в него хорошо поставленным голосом: «И черепицу еще, черепицу закажи!» Не иначе, прохудилась крыша в избушке на курьих ножках, вот и звонит Змею своему Горынычу. Под гримом угадывалось молодое лицо, слегка омраченное заботой о черепице.

Я подергала ручки центрального входа ТЮЗа и отправилась через двор к служебному. Баба Яга навстречу – к удаче. Без удачи мне никак. Хорошо бы еще внушительности, харизмы, артистизма, чтоб не развернули сразу от дверей.

Мы с мужем приехали с дачи к стоматологу Риточке, лечившей нашу семью уже лет двенадцать. Каждый июнь, как приедем из Москвы на воронежскую дачу, сразу к Риточке в кресло. Клювики откроем, зубки покажем, там пломба, здесь имплант, коронки, брекеты – лето пролетает незаметно. В августе полно лукошко грибов, то есть рот новых зубов, да пролеченных старых, спасибо, Риточка, до нового лета!

Было в Воронеже еще несколько дел, но главное – ТЮЗ. Подруга моя, Татьяна Белобородько, попросила узнать о своем дальнем родственнике, служившем когда-то в этом театре актером. Она составляла генеалогическое древо, а от Владимира Аркадьевича не осталось даже фотографии. Ее многочисленные письма в ТЮЗ оставались без ответа.

Надежда была на личный контакт, но контактер из меня в тот день был так себе. Во-первых, после стоматолога я всегда немного не в себе. К тому же, из-за заморозки не чувствовала левую половину лица. Губы слева налились модной припухлостью, а справа остались прежними. Во-вторых, одета была по-дачному, то есть во все мягое и ситцевое. В-третьих, долго шла по раскаленному центру города, за это время мягкое и ситцевое стало еще и прилипшим. Пот стекал по обеим сторонам красного лица. Хотелось пить, мороженого и лечь в теньке.

На входе в святилище Мельпомены сидела не старая еще вахтерша и

взирала на меня с обоснованным сомнением.

– Здравствуйте, – пискнула я. На этом мысль остановилась.

Вахтерша держала мхатовскую паузу. Сейчас она скажет «Вам чего?», дальше мое позорное «извините», постыдное бегство, ночные озарения «надо было ей сказать...», невыполненная миссия, стыд, боль, тлен, мыло и веревка.

– Я писатель из Москвы, – произнес кто-то моим голосом, только на пол-октавы ниже и на порядок медленнее. Спокойно, веско, с достоинством. Так сказал, что ситцевая помятость, седая прядь и общая несолидность оказались в плюс, в жилу, в кассу. Писатель может одеться и так, и эдак, и лицо иметь самое красное из всех лиц на улице Дзержинского, и вообще быть с чудинкой, ему можно: он творец, создатель вечного и нетленного.

Дальше пошло как по маслу:

– Я специально приехала в Воронеж (с дачи лечить зубы, – зачатила бы я прежняя, но нет, к черту подробности!) Пишу книгу в соавторстве с Татьяной Белобородько, – фамилию произношу с небольшим нажимом и как бы даже с придыханием. Теперь моя очередь держать мхатовскую паузу. Один, два, три, – на цифре пять вахтерша кивает уважительно:

– Белобородько. Как же, как же, конечно, читала с большим удовольствием.

– Так вот, собираю материал для книги. В вашем театре в начале семидесятых служил актер Ямпольский Владимир Аркадьевич, хочу узнать, какие роли он играл, хорошо бы фотографию, воспоминания.

– Ах, директора сейчас нет! – всплескивает руками вахтерша, суетится, мечется, заглядывает в списки, сетует на конец сезона. Набирает номера, кричит в трубку, мол, писатель из Москвы. Попутно говорит и говорит о себе, что зовут ее Татьяной, что сама здесь недавно, временно, по личным причинам, а до этого в кукольном театре, а еще, а потом. Спешит рассказать заезжему писателю, а вдруг да напишет о вахтерше Татьяне, «как поедете в Петербург, так скажите всем там вельможам разным, что живет в таком-то городе...»

И спускаются ко мне театральные люди, золотые души, вспоминают, прикидывают: а в архивах поискать? а в музее? для самой Белобородько! как же, слышали! читали! сейчас и творческий вечер, и сорок тысяч одних лайков на сайте ТЮЗа. Наконец, телефон мой продиктован и записан. Позвонят непременно, и пришлют, и ждут снова, и чтоб уж обязательно с самой Татьяной Белобородько.

Выхожу, оваянная славой, ищу глазами Бабу Ягу. Мне легко представить наше знакомство:

- Баба Яга.
- Писатель из Москвы.

Шар

Соседке Татьяне Николаевне за восемьдесят. Она окончила Московскую консерваторию, работала в издательстве «Музыка». Пару раз в месяц, покупая продукты, я беру и для неё.

Собираю сумку, пересекаю лестничную клетку. Татьяна Николаевна склонилась над столом – маленькая, хрупкая, в блузке с жабо и узких синих брючках. На столе в старой картонной коробке ёлочные игрушки, переложенные ватой. В моем детстве такой заполняли оконные щели на зиму, для тепла. Левой рукой соседка берет из коробки старинный шар, правую держит под ним лодочкой. Показывает мне.

– Этот шар – память о прабабушке, всё, что сохранилось. И единственное воспоминание: я готовлю невидимую еду в игрушечной посуде и слышу сверху теплый низкий голос: «Позволь, милая, я сделаю тебе замечание. Крышку от кастрюли нужно класть вот так, ручкой вниз. Тогда она не испачкает стол». Худые темные пальцы аккуратно берут алюминиевую крышечку и переворачивают ее. И я всю жизнь кладу крышки правильной стороной и помню горьковатый, чуть шершавый запах, навсегда утерянный, и громоздкий перстень, свободно висящий на среднем пальце. Где он, тот перстень? Неизвестно. А новогодний шар будет украшать ёлку как сто лет назад.

Я хочу взять его в руки, но не решаюсь – боюсь разбить.

– Не рановато ли для ёлки? Начало ноября.

– Я, дорогая, люблю всё делать заранее. Да и ёлка искусственная, не осыплется. Эту елку мы купили в Детском мире вместе с Машенькой, она тогда училась в пятом классе. Помню, как принесли домой и наряжали вместе, смеялись и спорили, и снова смеялись, роняли игрушки и отгоняли кота от мишуры.

Она задумчиво улыбается. Потом улыбка становится растерянной, соседка берет слежавшийся клубок мишуры и теребит его, пытаясь распутать.

Её дочь Мария давно живет в Америке. Она никогда не приезжает на Новый год, но Татьяна Николаевна каждый раз загодя наряжает елку и ждет.

Горло сжимает спазм, я стараюсь глубоко и спокойно дышать. Получается плохо. Я чувствую ее безысходное одиночество. Вижу, как жизнь, повернутая в прошлое и в прошлое уходящая, как будто уже растворяется в небытии. Мне жалко Татьяну Николаевну и страшно за

шар. Что будет с ним, когда ее не станет? Кто знает о его ценности, кроме меня? Для других это старая ёлочная игрушка.

Мне становится душно среди пыльных слежавшихся книг, рядом с давно онемевшем фортепьяно.

Поспешно прощаюсь и выхожу на лестницу, но призраки собственной старости, страх одиночества и забвения обретают силу и окружают меня. Прижимаюсь к стене, склоняю голову. Слезы падают на бетонный пол. Надо бы вспомнить что-то смешное или забавное. Не получается.

Возвращаюсь домой. Ко мне подбегает внук Гоша, утыкается лицом в живот. Я машинально глажу его горячую макушку.

– Лёва назвал меня дураком!

– Скажи ему: кто как обзывается, тот сам так называется.

Гоша восторженно смотрит мне в глаза, улыбается и убегает с криком:

– Бабуля сказала, что ты сам дурак!

И призраки отступают.

Слова

Когда моя дочь начнет писать стихи и спросит моего совета, я скажу ей так:

– Вот рождественская открытка. Смотри, дорогая, на ней пушистая сосновая ветка, припорошенная снегом, а на ветке блестящий шар. Красиво? Но у неё тираж сто тысяч. Ты скользишь по ней взглядом и тут же забываешь.

Стихи-открытки производят тоннами. Печатают, например, на открытках, чтобы ленивые люди покупали эту готовую красоту и дарили, лишь бы отделаться.

Такого добра ты и сама можешь написать кучу. Найти терпеливую подругу и читать ей часами. Она будет вежливо слушать и мечтать: «Домой приеду – блинчики доем».

Хочешь написать что-то своё, не открыточное? Добро пожаловать на скользкую дорожку. Ты начнешь искать слова и найдешь их сразу. И все они окажутся открытками. Снова и опять. Стопки чёртовых открыток с жирными фиолетовыми штампами. Горы «пушистых веток и блестящих шаров». Уверяю, дорогая, ты отчаешься, разозлишься, швырнешь ручку. И пойдешь заниматься йогой. Или пилатесом.

А через неделю услышишь нужные слова во сне. Или увидишь, или почувствуешь. Проснешься, запишешь чем попало на чем попало. И начнешь ходить в сон как на рыбалку в надежде на улов. И вскоре тебе начнет сниться странное.

Твой быт будет меняться. Готовься к подгоревшему и разбитому на

кухне, нестиранному в ванной и потерянному неизвестно где. К недоуменным взглядам родных, когда ты вскакиваешь и убегаешь, или идешь и замираешь. И при этом все время бормочешь. Твой эмоциональный фон станет нестерпим для нормальных людей. Тебя будет шарашить и колбасить, трепать и швырять, ты будешь взлетать и падать в собственных глазах по тридцать раз на день. Или немного меньше.

– Пора к психиатру? – спросишь ты меня.

– Нет, дорогая, ты просто ищешь свои слова.

Не ужаснутся тебе только бессловесные кот и собака, на них и опирайся на первых порах. Постепенно все привыкнут. Подхватят зная хозяйственных забот из испачканных чернилами рук. И когда-нибудь, но не сейчас, купят тебе ноутбук, начнут ходить мимо на цыпочках и тихо гордиться.

Ты протопчешь тропинку туда, где водятся твои слова. Научишься слышать их на ходу, ловить на лету, различать в тишине. Отмывать сомнением, взвешивать неуверенностью. Раздувать эйфорией и убивать отчаяньем. Наблюдать из партера, как образы сами перетекают из одного в другой, меняются, и камня на камне не оставляют от твоего замысла.

Наконец напишешь. Свое, своими, про себя. Единственное в мире, одно на восемь миллиардов. И прочтешь его людям, уткнувшись в дрожащие листочки, теряя голос и очки. Комкая, проборматывая, глотая драгоценные слова. Они снимутся со страницы и улетят. Заденут ли кого-нибудь? Отвлекут любительницу блинчиков от предвкушения? Или на вопрос «Как тебе?» она ответит модным «Ну, такэз»?

Не думай об этом, дорогая. Лучше напиши что-нибудь еще. В конце концов, это редкая возможность безнаказанно наслаждаться и узнавать что-то о самой себе. А может быть, и вообще единственная.

Послесловие

В новой квартире – дух прежних хозяев. В углу у окна свалены вещи: книги, бумаги, папки, свертки. Сажусь на пол рядом с кучей. Вдруг в этом мешочке сокровища? Зерна пшеницы. Проросли белесыми червячками-побегами и засохли.

Ветхая картонная папка с надписью «Дело №». Одна тесемка. Открываю. Внутри – слежавшиеся квитанции, какие-то ордера, счета, паспорт на мясорубку от – ого! – тридцать шестого года.

«Зайти в кантору ЖАКТ, атаварить карточки, Зине долг в получку», – написал какой-то грамотей на сложенном вчетверо листе. Крупные пьяные буквы, химический карандаш, пожелтевшая бумага. Встаю,

разгибая затекшие ноги, иду с бумажкой к компьютеру. «ЖАКТ, -а, м. Жилищно-арендное кооперативное товарищество в СССР до 1937 года».

Разворачиваю лист, он исписан с другой стороны. Черные чернила, красивый твердый почерк. Ни ошибок, ни помарок.

Послесловие к роману

*Все было так. Не смея приукрасить события,
или разбить на части,
или создать наполненность собой –
я не солгал.*

*И нити сладострастья тянули вниз,
все падали гурьбой
в безмолвие, и траурные краски
тянули за собой.*

*Последняя глава не удалась:
ни сил, ни средств для длительной раскачки,
писал поспешно, не истратив пачки
бумаги. Получилось? Ах...*

*Простите мне неожиданные мольбы
о снисхождение к моему роману,
я вижу все его изъяны, увы.
Спешите видеть, пляшут скоморохи.
Гуляния, свидания, развал.
Роман окончен, и остались крохи –
я их собрал.*

Возвращаюсь к папке. Перебираю по бумажке. Открываю другие папки. Опять первую. Ничего. Больше ни строчки этим почерком, ни буквы, но если есть послесловие, то должен быть и роман? Не бывает же книг из пустых страниц и только на последней – текст. Опять к компьютеру. Набираю в поиске строки стихотворения – ничего. Звоню прежним хозяевам. «В углу? Да это хлам с антресолей. Нет, не наш».

Стихи не отпускают меня. Любопытство и что-то ещё – болезненное, тревожное, сжимающее горло. Кто это написал, где роман? Не мог же он пропасть. Или мог? И что остается от нас, когда ничего не остается?

Обвожу буквы палочкой для суши. Пытаюсь вписаться, повторить движения. Быстрый дерзкий росчерк поверх буквы Т. Нажим на заглавной

П, чуть дрожащая линия. Тремор? От возраста? В воображении высокий прямой старик «из бывших» в коммуналке 30-х годов. Всем чужой, одинокий. Маленькая, по-спартански обставленная комната. Рукопись, чай, бессонные ночи. Роман о любви. О любви, навсегда потерянной. Что их разлучило – ее смерть? эмиграция? Поспешная последняя глава – смертельная болезнь? ожидание ареста? Вопросы без ответов. Послесловие без романа.

В ту ночь он мне приснился. Яркий летний день, лишенный звуков. Высокий юноша уходит по узкой тропе среди пшеничного поля. Задевает тяжелые колосья. Леняные брюки чуть подвернуты, босые ноги поднимают облачка пыли при каждом шаге. Я иду следом. Надеюсь, что он оглянется – и боюсь этого. Он обернется и поманит меня, и я пойду к нему, конечно, пойду. Я ведь так хочу узнать о нем и его романе.

В тот миг, когда он обернется, застрекочет кузнечик, вскрикнет чибис, порыв ветра толкнет в спину, зашелестят колосья. Ветер погонит над полем белые листы. Они полетят, обгоняя меня, пустые листы не написанного романа, закрутятся метелью, хлестнут по щекам, залепят глаза. Я потеряюсь в белом вихре и исчезну навсегда. Ничего не напишу. Ничего не исправлю. В моей папке счета и ордера. Засохшие зерна. Послесловие к пустоте.

Я иду за ним, и когда-нибудь он обернется.

Гроза

Катя много раз проплывала мимо серых рыхлых мостков, колченогих, чудом не упавших в воду. Старая плачущая ива с подмытыми рекой корнями, склоненная и тоже готовая нырнуть, почти закрывала мостки и берег. Место упадническое, как городская заброшка. Мнилось Кате, что под иву река сносила бутылки, пакеты, дохлую рыбу, гниющие водоросли.

Ногу свело прямо напротив мостков, и она подплыла под ветки, лежащие на воде, как распущенные волосы.

Под ивой, слева от мостков, прятался песчаный пляжик метра по два в длину и ширину: чистый, свежий, с отпрыгнувшей изумленной лягушкой, ажурной солнечной рябью, переменчивой, чуткой к волнению ивовых веток, с речным, звонким от невидимой птички воздухом, расцвеченным мельканием стрекоз.

Вверх по крутому склону шли осыпавшиеся от времени ступени. На некоторых сохранились доски, вероятно, ровесники мостков – под иссохшей серой кожей обнаружилась пушистая труха. Ступени вели в никуда – все заросло сорным лесом, крапивой и острой, как осока,

неведомой травой.

У берега Кате было по щиколотку, потом дно резко прыгало вниз, прорастало водорослями, гладко расчесанными неторопливой волной. На отмели шла мелкая размеренная жизнь: скользили водомерки; стоило Кате ступить в воду, прыскали в стороны мальки, она стояла минуту, чуть шевеля пальцами в объятиях песка, и они возвращались, кружили у ее ног, тыкались носами, как щенки, и вновь исчезали. В песке на мелководье появлялись то тут, то там, маленькие кратеры, похожие на кротовые норы. Катя нарекла их создателей Речными нано-кротами.

Контраст между ветхим деревом, изборожденным трещинами, и слюдяным, летучим, безмятежным трепетом стрекоз настроил на философский лад.

Она вытянулась на песке, закинув руки за голову, следила за кружением коршунов под прозрачными перьями облаков, смотрела, как зарастает синевой след от самолета, думала о людях, построивших мостки и вырубивших ступени, о том, что стоял на высоком берегу дом, жила семья с собакой и котом, что хозяйка, спустившись по новеньким сосновым ступеням, полоскала с мостков белье, а ива прикрывала ее от солнца. Плеск воды и мелькание бликов убаюкали ее.

Холодный порыв ветра толкнул в бок. Не было бликов, тяжелыми серо-черными тучами заволокло небо. Гремело уже близко. Попрятались мальки, лягушки и стрекозы. Катя села, поежилась, обхватила плечи руками.

Зашла в теплую воду, раздвинула ветки. Под ветром трепетали осины на другом берегу, открывали стальную подкладку. Небо чернело, нависало ливнем. Грозная незнакомая река с барашками на волнах. Нырнула и поплыла против течения к пляжу – успеть до грозы.

Громыкнуло рядом. В ту же минуту обрушился ливень, будто еще одна река упала на нее. Воздух почернел. Плетью стегало по голове и плечам, волны били в лицо, слепили. Гребла с закрытыми глазами. Сносило вниз, в заросли осоки. Свело ногу. Прямо над головой треснул, загрохотал, оглушил и сковал ее страшный громовой раскат. Без перерыва полыхнула молния, извивалась под зажмуренными веками белым, красным, черным. Тело сжалось, окаменело в ожидании. Мурашками стянуло кожу.

Приоткрыла глаза. «Мимо, сука, мимо!» – выдохнула она, ликуя; от этого последний оплот, дыхание – раз-два-вдох, раз-два-выдох – сбилось. Волна заткнула ей рот, залепила глаза. Вода сжала, не давая вдохнуть. Река тянула вниз, и Катя всем телом почувствовала под собой глубину – цепкие водоросли, топкое дно, темное безмолвие.

В позвоночник змеей вползла паника. К берегу, пусть осока, пусть вся порежусь. Но где берег? Вода – снизу, сверху, вокруг. Отчаянно ударила

руками по воде, вынырнула по плечи, завертела головой. Ива! Ива тянула к ней ветки! Забилась, рванулась из силка, молотила чугунными руками в безумном невиданном стиле.

Теперь волны били сбоку, будто направляя ее к берегу. Река давала поблажку, река помогала, и Катя шлепала по ее поверхности, как ребенок в лягушатнике. Загрохотало ещё, но уже дальше от реки, молния ушла куда-то в берег, да хоть куда, только не в меня, пожалуйста, пожалуйста, спаси меня. Спаси-меня-спаси-меня, при каждом гребке. Катя вплыла под ивовый полог, выползла на берег, вся, чтоб даже ступня не осталась в воде – вдруг молния вернется – и затихла, щекой на мокром песке, не пытаясь справиться с дрожью. Перед глазами – след собственной пятки, оставленный полчаса назад, полный воды.

Далеко от нее, на горизонте, проступила, отодвигая тучи, яркая полоска синего, промытого, безмятежного неба.

Рассвет

Мария Александровна одна здесь сейчас, в спальне, в предрассветных сумерках. Она почти сидит в высоких подушках. Она проснулась от боли. Ее неподвижное тело болит. Нужно позвать дочь. Дочь даст лекарство. Мария Александровна терпит.

Стена напротив сантиметрах в пятидесяти от изножья кровати. Стена оклеена обоями, сверху узкая полоса между обоями и потолком. Потолок темный, продольная балка на нем чуть светлее. На обоях большой постер, под ним светлые полки. Справа от стены темные шторы закрывают окно. За окном невидимый сад, за окном туман, темные деревья в саду.

Мария Александровна одна здесь сейчас, в спальне, в рассветных сумерках. Нужно позвать дочь. Усталую пожилую дочь Нину. Мария Александровна терпит. Стена напротив покрыта бледно-персиковыми обоями с розовым и нежно-салатовым узором из веток и цветов, с узором из небольших букетов, расположенных так близко друг к другу, что трудно понять, где кончается один букет и начинается другой.

Шторы висят внахлест, по сторонам светло-серые, посередине, где одно полотно находит на другое – темно-серые. Над ними желтый металлический карниз, над карнизом, на потолке, полоса света, полоса света из сада, из невидимого сада за окном. Деревья зелены и неподвижны, только плакучая ива чуть шевелит ветвями. Солнца не видно, солнце за тучей, за плотной пеленой из туч и тумана.

Напротив Марии Александровны на стене висит постер. Постер висит неровно, левый край чуть выше правого. На постере жираф целует

жирафенка в макушку, наклонившись к нему сверху. На постере голова жирафа в профиль, пятнистая, рыжие пятна на бежевом. Жирафенок лежит, подогнув белые до колен ножки. На длинной шее маленькая голова. Чуть выше середины постера его макушка встречается с губами жирафа. Фон постера рыже-коричневый, рамка темная, внизу она шире, внизу что-то написано.

Под постером открытые полки из светлых досок и темных кирпичей. На полке видна фотография в деревянной раме и корешок лежащей книги.

Мария Александровна одна здесь сейчас, в спальне. Все ее тело болит. Скоро проснется Нина, ее терпеливая заботливая дочь. Войдет в комнату, раздвинет шторы, даст лекарства, вывезет в сад.

Поверх светло-серых штор и по бокам от них – яркие полосы света, слепящие полосы света, бегущие вправо и влево по потолку. За шторами не виден сад, августовский сад под солнцем, сад под ярким небом, деревья, залитые солнцем.

Стена напротив покрыта старыми обоями, грязноватыми, с пузырями. На стене висит постер. Постер висит неровно. На постере жираф целует жирафенку в макушку. У жирафа виден глаз, ухо и рог. У жирафенки глаза прикрыты. Он лежит на рыжих опилках. Позади них, фоном, широкие коричневые доски загона. Внизу, на черной рамке постера, надпись: The first kiss.

На полке цветная фотография, на ней Мария Александровна сидит в кресле, на коленях у нее правнучка, слева стоит дочь, справа – внучка. Все улыбаются. На оранжевом корешке лежащей рядом книги можно разобрать напечатанное черным «Юрий Левинг», белым – «Поэзия в мертвой петле», и снова черным «Мандельштам и авиация».

Никого сейчас нет в спальне. Шторы раздвинуты, окно распахнуто настежь, спальня залита светом, как сад за окном, как плакучая ива в саду. Ветки ивы стекают к земле, лежат на земле. В окно спальни влетает бабочка, маленькая бабочка со светлыми крыльями. Летает по спальне: над кроватью, у потолка, перед постером с жирафами. Садится на вазу, садится на полку. Садится на книгу «Поэзия в мертвой петле», на гладкую серую книгу с оранжевым корешком. Складывает крылышки, молочные крылышки с двумя темными точками на каждом.

Бабочка одна здесь сейчас, в спальне.

Три поколения

Она вышла в кухню. Муж возился с плитой – подбрасывал уголь. Тяжело склонялся, держась за поясницу, неловко орудовал совком, просыпая уголь на пол. «Старые мы стали. Время так быстро летит». Повязала ситцевую косынку, надела фартук и завела тесто на оладьи. «Подожду, когда плита нагреется». Посмотрела в окно. Белые граммофончики выюнка еще не раскрылись. «Не проснулись – значит, совсем рано». Из маленькой коробки репродуктора доносился бодрый женский голос, вещавший об успехах тружеников села, шахтеров Кузбасса и самоотверженных узбекских хлопкоробов. Отрывной календарь на стене торопил начать день с нового листа. Она оторвала вчерашний листок, перевернула: какое-то стихотворение. Пошла в комнату за очками. Присела на кровать отдышаться. Сердце билось неровными толчками. Граненая рюмка пахла корвалолом. Рядом с ней на этажерке громко тикал будильник «Пионер». Горнист на его циферблате задорно играл утреннюю зорьку. Утро, и правда, выдалось хорошее – тихое, солнечное.

Она надела очки. Листок календаря сообщал о круглой дате: «60 лет со дня рождения поэта Иосифа Уткина». Надо же! Вспомнила очень ясно, как над толпой появился Маяковский и прогремел: «А теперь выступит поэт Уткин». И все засмеялись: и фамилия смешная, и сам поэт – маленький, черненький. «Напрасно смеетесь, – гневно бросил в толпу Маяковский. – Он такой же поэт, как и я». Когда это было? В середине двадцатых? Она прочитала стихотворение на обороте листка.

Мы скоро вернёмся. Я знаю. Я верю.
И время такое придёт:
Останутся грусть и разлука за дверью
И в дом только радость войдёт.

И как-нибудь вечером вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств, перечтём.

1943 г.

Задумалась: «О войне. Хорошее. Трогательное. Нужно сохранить». Заложила листок в новую толстую книгу «Домоводство».

Залюбовалась чайником в руках опрятной хозяйки на обложке: фарфоровый расписной – прямо как в старину, в доме отца.

В квартире было холодно – сильно дуло из окон. «Надо бы замазать щели – рама рассохлась, стекло еле держится. А как приготовить замазку? Теперь и спросить не у кого – мамы нет». Она стояла у окна – за ним серел промозглый день, ветер раскачивал высокие березы во дворе и засыпал листьями одинокие новенькие «Жигули» – гордость благополучного соседа с верхнего этажа. «Посмотреть про замазку в старом «Домоводстве? Там есть полезные советы на все случаи жизни». Она поискала на полке секретера. Не сразу оторвала взгляд от яркой обложки журнала «Вокруг света»: на ней негритенок держал в руках большую черепаху. Он улыбался. Казалось, даже черепаха улыбается. Как не улыбаться в таком раю: все залито солнцем, а у ног плещется теплый океан. Она перебирала книги, мимоходом радуясь последним приобретениям, добытым по талонам за макулатуру. Наконец нашла растрепанное толстое «Домоводство». Открыла – на пол спланировал маленький листок отрывного календаря. Прочитала стихотворение о письме «в пылающий адрес войны». «Хороший поэт этот Уткин. Зря так надменно шутил Маяковский: «Пиши, старайся, Уткин – Гусевым станешь». А может, и неправда, что так шутил?» Она вспомнила с детства знакомый мамин рассказ о выступлении горлана-главаря с начинающим никому не известным Уткиным. Надо записать мамино воспоминание о Маяковском. Где это было? В каком году? Теперь уже не узнать. Вырвала листок в клетку. Написала коротенько. Положила в книгу вместе с листком календаря.

«Мама, мама, ты всегда меня оберегала, делала все сама – потому я так мало умею. На старости лет не знаю, как правильно солить огурцы. Интернет пестрит рецептами, и все разные. Не вызывают доверия. Может посмотреть в старом «Домоводстве»? Она поднялась на второй этаж. На полке старого секретера скучали сосланные на дачу книги. Вынула толстую ветхую: корешок отошел, пожелтевшие листы выпадают, обложка с хозяйкой, наливающей чай, почти стерлась. Осторожно полистала. «Кройка и шитье: трусы для мальчика, юбка-шестиклинка, платье-матроска для девочки». Как я любила свою розовую матроску! Быстро из нее выросла, но носила – не могла расстаться. «Из поношенного платья легко сделать два фартука». Ну, это не новость: бабушка так всегда и

делала. Глава «Практические советы. Выведение чернильных пятен. Очистка замерзших стекол. Как мыть дощатые полы. Как стирать капроновые чулки. Как приготовить оконную замазку». Со страниц книги вставала совсем иная, почти незнакомая жизнь.

Наконец нашла про огурцы. «Подготовьте бочку...» Какую бочку?! У меня кило огурцов. Из книги торчал сложенный листок бумаги: родной мамин почерк – крупный, торопливый. Вспомнились бесчисленные мамины записки на таких листках в клеточку из простых школьных тетрадок: «Оденься теплее. Рейтузы – обязательно», «На улице холодно. Не забудь шапку». Мама, я давно не хожу без шапки. Слово «рейтузы» уже мало кто знает. Зимы теперь не такие холодные, как раньше, но ты была права – с возрастом переживать их становится все труднее.

Она прочитала несколько скупых предложений о далеком воспоминании. «Жаль, мама не записала подробности. Я помню – бабушка рассказывала, каким высоким показался Маяковский. Читал он свои стихи очень хорошо, громко. Особенно понравилось и запомнилось «О солнце». И Уткина слушали всё с бóльшим вниманием. «Стихи у него такие проникновенные», – говорила бабушка». А я их не читала...

Она повертела в руках маленький листок отрывного календаря: 28 мая 1963. Целая вечность прошла с тех пор. На обороте стихотворение. Написано в сорок третьем, а кажется, будто сегодня. Опять война...

Спасться нельзя погибнуть

(Главы из документальной повести)

Известное стихотворение Евгения Евтушенко «Бабий Яр» начинается словами: «Над Бабьим Яром памятников нет...» Но в нашем родном Запорожье с 1964 г. на братской могиле стоял памятник – высокая бетонная стела с красной звездой в основании, под которой была надпись: «Советским гражданам, жителям г. Запорожья, жертвам немецко-фашистской оккупации 1941–1943 гг.» Возможно, она была поставлена под влиянием публикации в 1962 г. в «Литературной газете» упомянутого стихотворения, вызвавшего общественный резонанс и полемику. В 2001 г. на месте стелы установили уже гранитный мемориал со скульптурной композицией, менорой и надписями на русском и иврите: *«На этом месте в 1941–1943 годах немецкими фашистами было замучено более 36 тысяч мирных граждан Запорожья, из них более 20 тысяч евреев».*

Глава 1

В июне 1941 года мой будущий отец, двенадцатилетний Самуил Гамбург, только что окончивший 4-й класс, ждал поездку из Запорожья в Днепропетровск. Именно здесь последние пять лет он, в компании лучшего друга и двоюродного брата Марика, проводил каникулы в доме бабушки Рахиль-Леи и деда Ошера.

Воскресным утром 22-го июня Самуил сидел верхом на деревянном коне-каталке, держа в руке бильярдный кий. Мальчик воображал, что это кавалерийская шашка, с которой он, Самуил, боец Первой конной Будённого, идёт в атаку на белогвардейцев. Так воображение позволяло Самуилу хоть на время забыть об искалеченной правой ноге (после перенесённого в 2-хлетнем возрасте полиомиелита) и инвалидности 2-й группы.

В это время с базара вернулась встревоженная мама Роза и сообщила всем домочадцам о нападении Германии. Самуил не сразу осознал, что произошло.

– Мама, – спросил он и даже топнул ногой, – когда же ты меня отвезёшь в Днепропетровск? Ну и что, что война, подумаешь... А я хочу к бабушке, дедушке и Марикун!

Когда мама Роза принялась его ругать за легкомыслие, он даже вначале плакал и пробовал канючить, но вскоре понял, что происходит что-то ужасное и неотвратимое.

По радио и в газетах сообщали всё более тревожные известия – Рабоче-Крестьянская Красная Армия отступала. Одновременно с эвакуацией промышленных предприятий Запорожья начались налёты немецкой авиации и бомбёжки города. По ночам они выглядели, как фейерверки. Самуил с друзьями, несмотря на предупреждения и запреты взрослых, выбирались из специально выкопанных тесных щелей-бомбоубежищ и с азартом наблюдали за ночным небом... Лучи советских зенитных прожекторов стремились поймать гудящие в темноте вражеские бомбардировщики. Когда одному из прожекторов это удавалось, остальные сразу же присоединялись, ослепляя лётчиков. Пойманный прожекторами самолёт начинал отчаянно метаться в разные стороны, пытаясь вырваться из освещения, а по нему били наши зенитные орудия и пулемёты – тёмное небо пронизывали нити трассирующих пуль. Налёты немецкой авиации случались и днём, по самолётам стреляла зенитная артиллерия, но большой точности в этой стрельбе не было...

Ребята подружились с пограничниками, чей отряд отступал от самой западной границы и теперь защищал Запорожье. Мальчишки крутились буквально под ногами, но никто их не прогонял, а наоборот, кормили солдатской кашей и разрешали смотреть в бинокль. В самом начале сентября они стали свидетелями десантной операции Красной армии на Хортице. Остров был расположен на Днепре, в черте города, и в бинокль можно было разглядеть взрывы от снарядов и передвигавшихся перебежками солдат.

Когда стало известно, что Запорожье удержать не удастся, Роза и её отец Хаим Альтцигер, решили эвакуироваться. Баба Дора, мачеха Розы, начала было возражать, мол, незачем ехать куда-то в неизвестность, оставив дом и хозяйство. Дед наорал на жену, упрекая её в глупости, недалёкости и непонимании опасности, и она быстро согласилась, только тихонько проворчала: «Ша, ша, мишугене⁵... Хорошо, поедем!»

После эвакуации завода им. Баранова (так тогда называли Запорожский моторостроительный завод) осталось несколько забытых лошадей. Отчим Самуила Михаил Исаакович Бунин, раньше работавший на заводе заместителем начальника транспортно-гужевого цеха, привёл домой двух ещё довольно крепких лошадок; их запрягли в большую, гружённую одеждой, утварью и едой дощатую грузовую платформу, так называемый «шарабан», и выехали из Запорожья в восточном направлении.

Они медленно продвигались в большой колонне беженцев, преимущественно состоящей из еврейских семей. На одном из первых привалов известная всем запорожцам базарная торговка взобралась на

⁵ Мишугене (идиш) – сумасшедший.

свой шарабан и профессиональным голосом зазывалы заорала: «Уважаемые, а куда и зачем мы все сейчас едем?! Мы оставили свои дома, хозяйства, нажитое имущество и едем куда-то в неизвестность... А от кого мы бежим?! От немцев?! А что, мы с вами тех немцев не видели? Ну, ладно, молодёжь не видела или не помнит, но мы-то с вами их в восемнадцатом году видели! И что?! Люди как люди... К тому же дисциплинированные, аккуратные и чистоплотные! А что до того, какая власть – Советская или немецкая, – то нам, евреям, какая разница?! Нам что ни поп, то батька! Успешно торговать можно при любой власти!»

Некоторые семьи, поддавшись её призывам, начали готовиться к возвращению. Михаил Исаакович тоже решил, что разумнее будет вернуться, и начал уговаривать жену и её родителей повернуть назад. Роза не соглашалась, Михаил Исаакович продолжал настаивать. Тогда Роза, женщина горячая и острая на язык, не выдержала, вскипела: «Да пошёл ты!!! Иди, возвращайся, куда хочешь, только без нас!!!» Она схватила на руки сына Самуила, усадила его на шарабан, крикнула деду Хаиму и бабе Доре: «Папа, мама, залезайте!», сама вскочила на козлы и в сердцах ударила вожжами по лошадям. Перепуганные лошади рванули с места. Михаил Исаакович оторопел, потом побежал вдогонку, крича на ходу: «Стой, да стой же ты, сумасшедшая, успокойся! Всё, всё, я согласен!» Уже потом он признавался, что Роза, проявив мудрость и, главное, характер, оказалась права и спасла их всех от верной гибели.

Уже спустя годы Самуил вспоминал семью Коганов, которые решили остаться в Запорожье и не уехали. Соседи-очевидцы рассказывали, как после занятия немцами города его друг детства и одноклассник Гриша Коган бегал по мусорникам, пытаясь найти хоть какую-нибудь еду для младшей сестрёнки и родителей. А затем их всех увели на расстрел...

Баба Вера, мать Розы, с 16-летней младшей дочерью Симой тоже должны были эвакуироваться из Запорожья. Они уже сидели с вещами в вагоне поезда, когда нашлись «умники», призывавшие людей не уезжать из города. И баба Вера в последний момент передумала: они с Симой сошли с поезда и вернулись в свой дом. А вскоре их арестовали, посадив в полуподвальное помещение здания, в котором немцы разместили городскую управу. У входа висели флаг нацистской Германии со свастикой и жёлто-синий флаг организации украинских националистов (ОУН).

Подруги Симы решили её спасти. Каким-то образом узнав, в какой камере находятся она и мать, одной из подруг удалось подойти к узкому окну полуподвального помещения и передать через решётку своё свидетельство о рождении на имя Марии Свинаренко, с указанием национальности – «украинка». После этого баба Вера подняла шум, утверждая, что Сима на самом деле не её родная дочь, а дочка её покойного мужа от первого брака. Она заявила, что её покойный муж и его

первая жена, мать Марии, были украинцами. «После смерти мужа, – настаивала баба Вера, – эта девочка, его родная дочь, осталась жить со мной, а я и не возражала». Одновременно с этим подруги Сими занесли украинскому полицая, который сидел на входе и отвечал за задержанных евреев, «взятку» – бутылку с самогоном и продукты для застолья. Полицай подумал и выпустил Симу-Марию, сказав ей на прощание: «Ну, ладно... Я на самом деле знаю, что ты жидовка, но, так и быть, ты ещё совсем молодая, иди и живи...» Сима и её друзья попытались спасти и бабу Веру, но не успели собрать ещё одно подношение: поступила команда выводить задержанных из камер и присоединять к колонне евреев. Их вели за город под конвоем украинских полицаяв, одетых в штатскую одежду с жёлто-синими повязками на рукавах.

Баба Вера была совершенно ослаблена, у неё распухли ноги, и самостоятельно идти она уже не могла, поэтому её посадили на телегу с лошадьми. Сима то шла, то бежала вслед за колонной, а баба Вера, иногда поднимая голову и видя плачущую в отчаянии дочь, только махала рукой: «Спасай себя, дитятко, уходи!» В какой-то момент Сима слишком приблизилась к колонне, и рядом идущий полицай, замахнувшись прикладом, рывкнул на неё: «А ну, мать твою, пошла отсюда! Или, может, тоже сюда хочешь?! Так я тебе это быстро организую!»

Когда до места назначения осталось несколько километров, евреи увидели, что у дороги собрались люди из местных посёлков: то ли хотели посочувствовать евреям, то ли позлорадствовать. Неожиданно молодой парень-еврей внезапно выпрыгнул из колонны, проскочив между конвоирами, и нырнул в толпу, стараясь затеряться в ней. Полицай с бешеным остервенением бросился за ним, яростно избивая прикладами всех, кто попадался им на пути. Парня схватили и вновь швырнули в колонну смертников...

Симе удалось вырваться из Запорожья. Она ходила по окрестным сёлам, подрабатывая в крестьянских хозяйствах за еду. Ночуя в сарае в одном из сёл, она встретила молодого красноармейца-окруженца Георгия Грибова, прятавшегося от немцев. Теперь уже вместе они скрывались от немцев и полицаяв, помогая друг другу выживать на оккупированной территории. После освобождения Запорожья и Запорожской области в октябре сорок третьего Георгия вновь призывали в армию. При прощании они с Марией (ему она представилась как Мария и подробностей своего происхождения поначалу не рассказала) пообещали друг другу обязательно встретиться и пожениться после войны. Своё обещание они выполнили...

Глава 2

Яков Зельманович Марголис, мой дед по материнской линии, проделав двухсоткилометровый путь от Верхней Хортицы до Приазовья, возвращался домой, в родной Бердянск. В 1941 году его возраст был уже непризывным – точной даты своего рождения он не знал, что было в порядке вещей для живущих в беспросветной бедности и нищете семей в сельской глубинке Российской империи. Официально же, согласно советскому паспорту, отсчёт жизни Якова Марголиса начался с 20 февраля 1886 г., в селе Берестовое Бердянского уезда Таврической губернии. В многодетной еврейской семье Яков стал самым младшим ребёнком – шестнадцатым... Правда, до взрослого возраста из шестнадцати детей дожили чуть меньше половины – семеро, включая и самого Якова. Он на несколько десятилетий пережил своих братьев и сестёр, несмотря на все драматические, а порой трагические повороты и зигзаги судьбы, когда смерть не единожды стояла рядом, а порой заглядывала в глаза...

Уже в середине июля 1941 года Якова мобилизовали на строительство оборонительных укреплений под Запорожьем. Его направили на Верхнюю Хортицу, где до середины августа 1941 г. удалось построить эшелонированную оборону из противотанкового рва, траншей, блиндажей и дзотов. С 18 августа там начались ожесточённые бои. В конце сентября завершилась эвакуация промышленных предприятий Запорожья, и по всему было видно, что город собираются сдавать. Немцы вошли в Запорожье 3 октября. Иногородним жителям, находившимся в районе Верхней Хортицы в составе строительных бригад, руководители успели выдать справки об их нахождении на строительстве оборонительных объектов и официально распустили по домам. Сделано это было слишком поздно. Пока Яков добирался, где пешком, где «на перекладных», к бердянским окрестностям, прошла неделя. 7 октября, накануне его возвращения, город Бердянск, или, как его тогда называли – Осипенко, уже был оккупирован.

На рассвете Яков, переночевавший в лесопосадке, осторожно озираясь, знакомыми ему окольными тропинками подошёл к своему дому. Войдя во двор, он обнаружил запертую дверь. Похоже, что дом был пуст. Ключа на привычном месте под половичком тоже не оказалось. И тут он услышал призывный лай их дворовой собаки – доброй дворняжки Куклы. Лай доносился из соседского двора, где в своём доме проживала немолодая супружеская пара. Это были очень порядочные и честные люди, с которыми у Марголисов наладились прекрасные отношения. Яков постучался к ним в надежде узнать о своей семье.

Николай Петрович, увидев соседа, обрадовался и тут же, осторожно

оглянувшись по сторонам, произнёс:

– Яков Зельманович, вас кто-нибудь видел, когда вы сюда шли?

– Да вроде бы никто, я старался идти осторожно, незаметно, – ответил Яков.

– В таком случае, – продолжил Николай Петрович, – заходите в хату и слушайте. Все ваши уехали в конце сентября последним поездом, в котором эвакуировали работников нефтеперегонного завода. Ждали вас до последнего, но дальше ждать было уже опасно, немцы подходили к городу... Начались воздушные налёты и бомбёжки, уходили последние поезда. Ваша жена Сарра оставила мне ключи на случай вашего возвращения, а дома на столе вы найдёте её письмо. А теперь, Яков Зельманович, покажите ваши документы.

Яков достал из нагрудного кармана пиджака паспорт и справку о работе на оборонительных объектах, протянул их Николаю Петровичу. Тот, быстро пролистав паспорт и мельком глянув на справку, молча разорвал их на мелкие кусочки и бросил в печь. Яков от неожиданности оторопел, а затем возмущённо воскликнул:

– Что?! Что вы наделали? Как это понимать?! Вы в своём уме?!

– Спокойно, Яков Зельманович, – ровным голосом возразил сосед, – я всё сделал правильно, потому что в этих документах ваша смерть! В паспорте указано, что вы еврей. Да и по отчеству и фамилии всё понятно. По слухам, немцы массово уничтожают евреев, а для этого используют полицаев, набранных из наших местных предателей. Вот и вам грозит смерть... Вас могут арестовать и расстрелять...

– Как расстрелять? – изумился Яков. – За что? Я не вор, не бандит, ничего дурного немцам не сделал...

– Это уже не те немцы, которых мы с вами знали по империалистической войне и по восемнадцатому году здесь у нас, – вздохнул Николай Петрович. – Ваша жена очень правильно сделала, что решила вовремя эвакуироваться. Спасла детей и себя. Ну, а вам, Яков Зельманович, не повезло, так уж сложилось... Но вы тоже можете себя спасти.

– Но каким образом? – заволновался Яков. – Теперь у меня нет даже документов.

– Я помогу вам! – твёрдо произнёс сосед. – Вот, возьмите мой паспорт на имя Марченко Николая Петровича, украинца. Он у меня ещё без фотографии, и тем лучше! А теперь вот вам ключи, которые Сарра мне оставила, немедленно идите домой, соберите всё необходимое и как можно скорее уходите из города незамеченным. Да, вот ещё что, давайте я вас на всякий случай остригу налысо, чтобы ваши курчавые волосы не привлекали лишнего внимания. У меня как раз есть машинка.

В считанные минуты Николай Петрович постриг Якова, а его жена собрала в дорогу немного еды на первое время – хлеб, сухари, сало, лук и несколько варёных картофелин.

Войдя в дом, Яков нашёл письмо от Сарры, в котором она сообщала, что они отправляются с заводом в Краснокамск Молотовской области, что на Северном Урале. Значит, с женой будет всё в порядке, нужно подумать о себе. Он отправил в заплечный мешок немного одежды, положил туда же еду и несколько бутылок с водой. Подумав, прошёл в сарай, собрал аккуратно разложенные по полкам и мешочкам плотницкие инструменты, сложил их в два рабочих чемоданчика.

Яков поспешно ушёл теми же знакомыми тропинками – от его прихода к дому до ухода прошло меньше часа. Уходя, успел заметить, что Николай Петрович с женой куда-то вышли из дома...

Уже по возвращению из эвакуации осенью сорок третьего вместе со старшей дочерью Klarой, моей будущей мамой, Яков узнал, что его приход домой всё-таки не остался незамеченным. Одна из подруг Klары, пережившая оккупацию, рассказала ей, что одна из одноклассниц видела папу Klары Марголис, который вернулся и вроде бы шёл к себе домой. А ещё от своих спасителей-соседей Яков услышал, что одновременно с его уходом они специально, для собственной подстраховки, ушли на городской базар. Вернувшись после полудня, застали во дворе Марголисов местных полицаев, которые, заведя вернувшихся супругов, начали их расспрашивать о соседе-еврее, который будто бы вернулся домой. На что супруги ответили, что очень рано утром ушли на рынок торговать, уходя, никого не видели и вот только сейчас вернулись, поэтому ничего определённого сказать не могут. Полицаи несолоно хлебавши удалились.

Благополучно покинув город, Яков двинулся в сторону уходящего на восток фронта, намереваясь дойти до него и выбраться с оккупированной территории. Он не знал, как сумеет это сделать, но понимал, что другого пути для него нет. Он должен выжить, должен добраться к своим, найти Сарру и детей: Klару, Зяму и Аню. И он шёл, переходя из села в село: сначала на Мариуполь, затем дальше, в обход Таганрога, в сторону Ростова-на-Дону. Вспомнился опыт путешествия по Австро-Венгрии и по Украине после побега из лагеря для военнопленных весной 1918 года. Но тогда он был значительно моложе и, как ни странно, не чувствовал в такой степени смертельную опасность, постоянно нависавшую над ним теперь. В сёлах он привычно находил плотницкую подработку за еду и ночлег. Однажды подрядился поработать у одной сельской бабки. Вечером, окончив работу, поужинал и лёг спать. Проснувшись рано утром, оделся и только собрался позавтракать, как заметил, что хозяйка смотрит на него подозрительно. Перехватив его вопросительный взгляд, она вдруг

заявила на характерном для восточно-украинских сёл «суржике»: «Слухай, дед, а ты во сне якось не по-нашему балакав. А ты, часом, не жид?»

Как видно, во сне Яков заговорил на идиш... Сохраняя самообладание, он посмотрел с укором на бабу и, вздохнув, ответил: «Эх, сказал бы я тебе сейчас всё то, чего ты заслуживаешь! Ну да ладно, не привык я женщинам такое говорить... Тем более тебе, ведь приютила ты меня да накормила». Быстро собравшись, Яков отказался от завтрака и торопливо покинул дом, а затем долго и быстро шёл, свернув с просёлочной дороги...

Войдя в очередное село, уставший Яков увидел одиноко стоящий большой сарай с чердаком. Решив там отдохнуть, он зашёл и, осмотревшись, увидел лестницу, приставленную к входу на чердак. Поднявшись по ней, обнаружил сидящего на сене человека, испуганно и вопросительно смотревшего на него. Яков, дав понять незнакомцу, что его не стоит опасаться, выяснил, что перед ним – товарищ по несчастью, еврей, пытающийся спастись. Какое-то время, лёжа на сене, они рассказывали друг другу о себе, обсуждая возможности выживания, как вдруг услышали шум голосов. Осторожно выглянув из чердачного окна, увидели большой отряд вооружённых винтовками полицейских, которые прибыли на телегах и распределялись по селу, видимо собираясь провести облаву. Яков понял, что из сарая надо уходить: полиция сюда обязательно заглянет, а тогда – конец. Он предложил новому знакомому уходить вместе с ним, но тот, парализованный страхом, категорически отказывался, предлагая отсидеться, спрятавшись в сене. «Ну, смотри, дело твоё, а я здесь на верную гибель не останусь», – ответил Яков и незаметно выскользнул из сарая. Первой мыслью было уйти огородами, но Яков вовремя сообразил, что село, наверняка, уже окружено. «Эх, пан или пропал!», – отчаянно решил Яков и пошёл спокойной неторопливой походкой по центральной улице села, где перед зданием бывшего правления колхоза и сельсовета уже стоял полицейский блокпост.

Едва Яков приблизился к нему, его тотчас окликнули полицейские: «Хто такий?! Документи е?» – крикнул один из них, судя по всему, главный. Выросший в украинском селе Яков, как типичный селянин, заговорил на суржике, рассказав заготовленную легенду о том, что он жил в посёлке на окраине Бердянска, был мобилизован рыть окопы, вернулся домой, а дом разбит бомбёжкой, и жена с детьми пропали неизвестно куда. Полицейский начальник внимательно его слушал, рассматривая переданный ему Яковым паспорт на имя Марченко Николая Петровича, и при этом саркастически кивал. «Ну, а тэпэр, Николай Пэтрович, кажи правду», – обратился он к Якову, сощурившись и пронзительно глядя недобрым взглядом ему прямо в глаза. «Так я ж и кажу, шо я...», – попытался было Яков повторить свою историю, но тут же получил страшный удар кулаком

в лицо. Из разбитых губ хлынула кровь, во рту почувствовал выбитые зубы. Не давая опомниться, старший полицейский нанёс ему ещё несколько тяжёлых ударов. Его подчинённые, стоящие рядом, присоединились к главному. Пытаясь уклониться от посыпавшихся со всех сторон ударов, Яков присел и, прикрываясь руками, начал причитать: «Ой, ой, ой, хлопци, та за шо ж вы мэнэ бьете?! Та ну шо ж я вам такого поганого зробыв?! Та ну на шо ж вы так зи мною?! Та хибя ж мало мэни горя?! Жинкы нэма, дитэй нэма, хаты нэма!!! Хожу по селам як нэпрыкаяный, на шматок хлиба заробляю та шоб десь було хоч голову куды на нич прытулыты! Ой, горэ, горэ! Ой, божэ, божэ, та за шо ж мэни це всэ!».

В этот момент из сарая раздался звук винтовочного выстрела. Палачи приостановились. Ещё до начала избияния Яков заметил, что в сарай зашли двое или трое полицейских. Когда же ему удалось подняться, он увидел, как вышедшие из сарая направились к блокпосту. На вопрос начальника ответили: «Та прэдваляеш, там жиды знайшлы! На горыщи у сини ховався, думав не побачымо. А мы як на горыцэ пиднялысь, я чую, вроде шось шэвельтыся... Прыдывывся, и точно хтось е. Сино розкыдалы, а там жидыра сыдыты, з перяляку глаза вылупыв, руками машэ та шось скульпты...»

«Ну, я поняв, вы там з ним поришалы?» – спросил начальник. «А то як же, нэ пиднимэтыся!» – весело сказал довольный собой убийца. Главный снова вспомнил про Якова: «Ну, шо, чув, мои хлопцы тилькы шо в том сараи жиды вбылы?!» Превозмогая боль, Яков как будто оживился: «Хлопцы, я вам так скажу: никакой жизни вид жидів нэма: у начальстви кругом воны, у торгивли – воны. По больныцях и амбулаториях йих повно. А вспомнить, як мы о тридцять трэтьому годи голодувалы... А у них всэ було, воны нэ голодувалы! А чому? А тому, шо в начальстви йих полно, чи родычи або друзи е в начальстви. А скількы йих у милиции та цей ... НКВД ... чи, як там ще, ... ГПУ, ... чы як, ... тьфу, хто йих к чорту розбэрэ?!»

Полиции одобрительно заржали. Главный, смягчившись, посмотрел на Якова уже с симпатией. «Ну, ладно, Николай Пэтровыч, так и быть, иды, живы, заробляй на шматок хлиба... А можэ тоби ще й повезе, и знайдеш свою жинку та детей. Тилькы ж дывысь, як побачыш десь жиды чи ще кого нэбудь, хто проты нимцив шось кажэ чи робэ, так ты ж зразу сообщай нашим хлопцам з полиции або нимцам».

Яков вытер платком кровь с разбитых губ, выплюнул выбитые зубы, собрал вещи и побрёл по центральной улице села, потирая рукой ушибы от ударов... Его ещё дважды останавливали полиция, проверяли паспорт, допрашивали и на всякий случай, для верности, били. Но Яков держался, твёрдо стоя на своей «легенде», подтверждая её безукоризненным вхождением в образ. Опасался только, чтобы полиция не додумалась его раздеть. Но, на удачу Якова, никого из них такой мыслью не осенило,

скорее всего, потому, что образ местного украинского селяка воспроизводился Яковом с абсолютной натуральностью.

Так смерть в третий раз заглянула Якову в глаза. От удара австрийского штыка в коротком рукопашном поединке во время атаки в Галиции в сентябре 1914 года спасла кожаная сумка; от заражения тифом при оказании помощи тифозному больному в Одессе летом 1918 года, наверное, везение, а от расправы полицаев – неимоверная выдержка и природное умение перевоплощения.

К середине ноября 1941 года Яков находился уже в Ростовской области, недалеко от линии фронта. В это время на оккупированных территориях прошли слухи о якобы скором окончании войны на условиях отторжения Германией украинских, белорусских и прибалтийских территорий, подобно условиям Брестского мира марта 1918 года. Яков, опасаясь установления плотно охраняемой границы, через которую очень сложно будет перейти, поспешил к линии фронта, где в это время разворачивалось ростовское контрнаступление Красной Армии. Так Яков оказался теперь уже в тылу наступающих на Ростов-на-Дону красноармейских частей. Дальше был фильтрационный лагерь с тщательной проверкой того, что произошло с ним. Из Краснокамска пришёл ответ на запрос, полностью подтвердивший данные о семье Марголисов. Яков, получив удостоверение личности и проездные документы, приехал в Краснокамск, где разыскал барачный посёлок, заселённый эвакуированными с оккупированных территорий и узбекскими рабочими, мобилизованными из Средней Азии для работы на краснокамских предприятиях. И вот вечером, с отчаянно колотившимся от волнения сердцем, постучался он в дверь комнаты одного из жилых заводских бараков. Он не помнил, кто именно отворил ему. Помнил только, что все его родные были в сборе. Переступив порог комнаты, он остановился, увидев устремлённые на него изумлённые взгляды людей... Восторженный взрыв неопишуемой радости!!! Они едва не задушили его в объятиях. Радостные возгласы и растроганные рыдания... Не чаяли уже родные вновь увидеть мужа и папу...

Северный Урал. За окном суровый пермский край. Полная лишений, полуголодная, наполненная тяжким каждодневным трудом военная жизнь уральского тыла: «Всё для фронта! Всё для победы!» Но как же жарко разгорался домашний очаг, согревая в холодном бараке комнату семьи Марголисов! Наверное, не было более счастливой и тёплой семейной комнаты морозным февральским вечером 1942 года...

Из книги «Воспоминания прокурора-еврея из советской Украины»

В 2024-м году, в американском издательстве «Academic Studies Press», на английском, вышла книга Михаила Гольдиса (1926–2020) «Воспоминания прокурора-еврея из советской Украины» («Memoirs of a Jewish District Attorney from Soviet Ukraine»). Книга была переведена на английский, отредактирована и сопровождается предисловием и комментариями внуком Михаила Гольдиса, Маратом Гринбергом, известным исследователем литературы, кинематографа, профессором русской и сравнительной литературы в Рид-колледже («Reed College») (Портленд, Орегон, США), журналистом, переводчиком.

Прожив долгую, сложную, захватывающую жизнь, сорок лет из неё Михаил Гольдис проработал следователем и прокурором на районном и областном уровнях в Украине, в Хмельницкой области, а после иммиграции в США в 1993 году – написал яркие мемуары, ставшие глубоким и многогранным свидетельством эпохи. Познакомим вас с некоторыми избранными главами этой интереснейшей, захватывающей книги.

«Еврейский переполох»

Это произошло на Украине, в Красиловском районе Хмельницкой области, где я работал следователем районной прокуратуры.

Первый выстрел из боевого оружия прогремел в окно дома директора откормочного пункта Красиловского сахарного завода Вайсбурда летней ночью 1960 года.

С оперативными работниками милиции я выехал на место происшествия и обнаружил в комнате пулю, а снаружи на подоконнике листок из ученической тетради. На листке неграмотно, но старательно, письменным шрифтом было написано:

«Десять тысяч из тех, что ты имеешь от бычков, которых откармливаешь. Не вздумай отвертеться. Как дать деньги – скажем».

По тем временам, когда преступный беспредел первых послевоенных лет давно уже прошёл, а до нынешнего беспредела было ещё далеко, совершённое преступление выглядело крайне дерзким, коварным.

А спустя месяц – опять выстрел в окно тому же Вайсбурду и послание на подоконнике: «Если согласен дать деньги, напиши в районную газету какое-нибудь объявление. Тогда скажем, куда принести деньги».

Объявление мы сочинили, в газете поместили, но реакции на него не

было. А через какое-то время – выстрел в окно директора заготконторы Бермана с посланием: «Десять тысяч из того навару, что ты имеешь в заготконторе».

В январе 1961 года проводилось традиционное районное совещание правоохранительных органов по итогам прошедшего года. В своей начальственной речи о роли правоохранительных органов в проведении сева, уборки урожая председатель райисполкома вспомнил о выстрелах в окна домов. «Конечно, с этим еврейским переполохом нужно что-то делать», – закончил председатель, слегка улыбнувшись.

Оперативные работники облегчённо вздохнули. Если уж районная власть считает, что это всего лишь «еврейский переполох», то можно особенно не волноваться по поводу раскрытия этих преступлений.

Но не прошло и месяца, как прогремел следующий выстрел, но на сей раз не в еврейский дом, а в дом украинца, директора сахарного завода. Затем выстрел в окно дома прокурора района, конечно же, не еврея, с лаконичным посланием: «15 тысяч из тех взяток, что ты берёшь».

На имя начальника милиции поступили одно за другим два письма, в которых предлагалось умерить пыл по розыску стрелявших. Авторы писем сообщали, что они являются хорошо организованной, вооружённой группой, имеют транспорт. Предупреждали, что если следователи, работники милиции будут очень стараться, то взлетят на воздух вместе со своими домочадцами.

Тут уж было не до шуток и ухмылок по поводу «еврейского переполоха». Всполошились все, в том числе председатель райисполкома. Никто не знал, в чьё окно полетит следующая пуля.

Начальник областного управления внутренних дел был вызван в Киев к республиканскому начальству. Там ему предложили или раскрыть Красиловское преступление в ближайшее время, или освободить кресло начальника. Он выбрал первое. Оперативная работа по делу закипела.

Разоблачение.

Проведенными криминалистическими экспертизами было установлено, что во всех случаях стреляли из одного и того же нарезного оружия. Была собрана информация обо всех имевших место в области преступлениях с применением нарезного огнестрельного оружия. Так в нашем поле зрения оказался выстрел, произведённый при разбойном нападении на один из домов в селе Харитоновка Дунаевецкого района. Это примерно в ста километрах от Красилова. Мы истребовали из Дунаевца и изучили уголовное дело об этом разбойном нападении, оставшемся нераскрытым. Экспертиза подтвердила, что выстрелы в Красилове и выстрел в Харитоновке произведены из одного нарезного оружия. Стало очевидно, что в Красилове и Харитоновке действовали

одни и те же преступники. Поэтому внимание в первую очередь было обращено на выявление связей между жителями Красилова и села Харитоновка. Под контроль была поставлена и почтовая переписка.

И вот в одном из писем жительница села Харитоновка, некая Харькова, писала в Красилов некоему Процюку Ивану Семёновичу, что она убедительно просит оставить в покое её мужа Николая, который не может и не хочет больше заниматься тем, чем занимался с Процюком с молодых лет, что муж уже пожилой человек и хочет жить честно. Это письмо попало к нам летом 1961 года.

Огнестрельная осада районного центра, длившаяся год, была прекращена. Вначале Процюк, а затем и его соучастники, выданные им, были арестованы. Их было всего трое – Процюк, его племянник Андрей Заика, известный в Красилове как непутёвый человек, и Николай Харьков, учитель географии сельской школы.

Дело вступило в новую стадию. Началась кропотливая работа по установлению эпизодов многочисленных преступлений, сбору и закреплению доказательств. Для расследования уголовного дела на его завершающей стадии была создана постоянная следственно-оперативная группа в которую входили старший следователь прокуратуры области Сальников, я и несколько оперативных работников милиции.

Главарём бандитской группы был Процюк Иван Семёнович. К моменту ареста ему было 60 лет. Конюх местного колхоза, имел жену, детей, внуков. Не таким представлялся нам главарь банды, державшей нас в напряжении в течение года. Но затем мы увидели, как из-под маски пожилого, добродушного, малограмотного человека проглядывает матёрый волк. Он был выше среднего роста, жилистый, крепкий и быстро развеял все сомнения в отношении себя.

Он точно указал все места, где стрелял, где воровал и грабил, выдал два винтовочных обреза, нежно называвшиеся «котя» и «маруся». Признал, что собственноручно писал все письма, и экспертиза подтвердила это. Он изобличил своих компаньонов Харькова и Заику, пытавшихся поначалу выкрутиться. Его, что называется, «повело», словно он ждал, когда же, наконец, его возьмут, чтобы можно было выговориться.

Прощюк совершал преступления – кражи, грабежи, разбои – с ранней молодости и до дня ареста, и из-за это время ни разу не попался и не был судим. Это был уникальный случай. Он скрупулезно вспоминал все эпизоды своих преступных приключений. В порыве откровения выдал свою бывшую любовницу Дарью и её мужа, с которыми совершал преступления в послевоенные годы. Эти люди давно уже жили мирной жизнью в Киеве, честно работали.

Дарья упала в обморок, услышав, как прежний кумир изобличает её,

напоминая, как она врывалась вместе с ним в дома с «катей» или «марусей» наперевес. Придя в себя, она сказала ему: «Старый дурак, кто тебя за язык тянет? Кому нужны твои давние приключения?»

Под все свои деяния он подводил политическую базу. Он убеждал, что является лучшим последователем Ленина, чем мы все вместе взятые. Что делал то, чему учил Ленин: грабил только богатых. В годы войны – шуцманов, после войны – приехавших из Германии с барахлом, а в последнее время – начальство с деньгами.

Мы сбились с ног, работая над укреплением, оформлением всего того, в чем он исповедовался. Когда я спросил, почему он не добился выполнения своих угроз о получении денег, он, смеясь, уверял меня, что деньги его не интересовали. Он просто хотел пугать, шантажировать тех, кто, по его мнению, имел нечестные деньги.

Понадобилось 60 томов дела, чтобы вместить в них все эпизоды преступных деяний Процюка.

Наконец всё сделано. Подписано. Иван Семёнович снимает очки и с удовлетворением произносит: «Ну, кажись, всё», – и слышит совершенно неожиданное: «Всё ли, Иван Семёнович?»

Эхо прошедшей войны

За четыре года до изобличения группы Процюка в Красилове исчез местный житель Холод. Это был пожилой, но довольно ещё крепкий человек. Он был известен как специалист по устройству колодцев. Жил с женой в собственном доме. Его знали в Красилове и уважали как трудолюбивого, честного человека.

О том, что Холод исчез, сообщили в прокуратуру его сёстры. Жена исчезнувшего не проявила никакого беспокойства по поводу исчезновения мужа. Она объяснила, что муж имеет привычку надолго уезжать, путешествовать и не говорить, куда и на сколько. Мог поехать в Молдавию, в Сибирь. Но сёстры не успокаивались, считая, что брат убит.

Было возбуждено уголовное дело по факту исчезновения Холода. Оно наполнялось разными бумагами – запросами, но результатов не было. Дело входило в давность. Холод не появлялся.

Расследуя дело Процюка, мы установили, что жена Холода – это родная сестра Процюка, а Андрей Заика – сын сестры, пасынок Холода. Естественно, возникла версия о причастности Процюка к исчезновению Холода, т. е. к его убийству. Но как подойти к Процюку с этой версией, не имея никаких доказательств?

За долгие месяцы работы у нас с Процюком сложились хорошие отношения. Как говорят профессионалы, у следователя был контакт с

обвиняемым. Но как спросить о Холоде? Одно дело – рассказывать о кражах, грабежах, разбоях, а другое – об убийстве человека.

Я решаюсь сделать это без подготовки – иду на риск: «Всё ли, Иван Семёнович?» Процюк с удивлением смотрит на меня. Я беру клочок бумаги, пишу на нём: «Холод», сворачиваю трубочку и говорю: «На этой бумажке записан мой вопрос к вам. Познакомьтесь с ним, когда вернётесь в камеру, и завтра ответьте».

Процюк согласен. Я собираюсь вызвать конвоира и в это время слышу: «Зачем ждать до завтра, давайте я сейчас посмотрю», – и разворачивает бумажку. Не сводя глаз, я смотрю на Процюка и замечаю, что на его лице, не знавшем смущения, проступает румянец. Но не это главное. Главное то, что его молчание длится дольше, чем должно длиться молчание невинного человека.

«Иван Семенович, – говорю я ему. – Вы можете ничего не говорить, так как ответили на мой вопрос своим молчанием».

Мы закуриваем, и Процюк рассказывает об убийстве Холода. После очередной кражи Заика спрятал часть похищенных вещей на чердаке дома Холода. Тот случайно обнаружил эти вещи и пригрозил, что заявит в милицию. Заика рассказал об этом Процюку. Было решено убить Холода, и об этом Процюк сказал своей сестре. Он предложил ей «пожертвовать» мужем ради сына и брата, и та согласилась. Холода он удушил спящего в постели, накинув на шею проволочную петлю. Ночью Процюк и Заика на тачке вывезли труп Холода в поле километров за 7-8 от Красилова и там закопали.

На следующий день Процюк показал участок поля, где был закопан Холод. Были организованы поиски, но труп не нашли. Вероятнее всего, Процюк перепутал место, так как труп был зарыт на чистом участке поля, без примет.

На второй день поисков во время раскопок на поле были обнаружены многочисленные человеческие останки. Это было неожиданно и непонятно. Вызванные судебно-медицинские эксперты установили, что это останки детей разных возрастов, захороненные, примерно, 20 лет назад.

Так в деле Процюка появились особые материалы о гибели группы детей в Красилове в годы войны. А ещё через несколько дней, проведя расследование по этим фактам, мы уже знали, что эти дети были расстреляны фашистами и полициями. Это были дети от смешанных, украинско-еврейских браков. К нам приходили женщины – украинки, дети которых были отобраны у них и расстреляны, потому что отцы были евреями.

Невыносимо тяжело было слушать этих женщин, видеть их горе,

понимать, что спустя 20 лет мы невольно разбредили незаживающие раны. Женщины были допрошены, материалы о расстреле немцами и их пособниками детей в Красилове выделены в отдельное производство и направлены по подследственности в областное управление госбезопасности. По этим материалам было возбуждено уголовное дело, найдены, изобличены и осуждены полицаи, принимавшие участие в расстреле детей.

Так неожиданно через много лет после окончания войны прогремело над нами её печальное эхо...

Теломеры – биологические часы⁶

Здоровье — это ценность, во многом определяющая жизнь и деятельность человека. Оно зависит от множества факторов, окружающих нас в повседневной жизни. Среди них – влияние экологии природной среды, социальное окружение и материальное положение, доступность и возможность получения квалифицированной медицинской помощи, образ жизни и многое другое. При определенных обстоятельствах эти факторы в значительной мере могут негативно влиять на здоровье, сокращая тем самым годы жизни.

Но современная наука рассматривает еще и целый ряд причин, связанных с изменениями внутренних систем организма, ускорением биологического старения организма, нарушениями обменных процессов, а также сбоям в работе генетических структур – белков, хромосом, ДНК и других компонентов клеток.

Свободно-радикальная теория старения. Она была предложена американским химиком Денхамом Харманом в 50-х годах прошлого века [1]. Согласно этой теории в организме в результате обменных процессов образуются активные, а более точно реактивные формы кислорода и перекиси водорода (Reactive oxygen species, ROS), как неорганического, так и органического происхождения. Это небольшие молекулы – носители свободных неспаренных электронов кислорода на внешнем электронном уровне. Эти клетки и называют свободными радикалами, окислителями или оксидантами. Они обладают высокой активностью и исключительной реактивностью.

В своем стремлении восстановиться свободные радикалы атакуют здоровые клетки, забирают у них недостающие электроны, нарушая тем самым их стабильность. Связываясь со здоровыми клетками молекул белков, жиров и других образований, они вызывают их окислительные повреждения, изменяя тем самым структуры клеток, содержащихся в них ДНК, химические связи и процессы обмена. Оказывая свое губительное действие на биологические процессы, они препятствуют нормальному функционированию клеточных структур и органов в целом. Окисление – одна из важных причин процесса старения организма.

Измененные клетки вовлекают в процесс все новые образования, в результате чего возникает негативная цепная реакция, пагубно влияющая

⁶ Опубликовано в сборнике «Нанотехнологическое общество России» 18.09.2025. по <https://rusnor.org/pubs/articles/32488.htm>, Печатается в сокращении/

на здоровье. И как следствие – это развитие заболеваний различных органов и систем, воспалительные и дегенеративные процессы, болезни сердечно-сосудистой системы, суставов, желудочно-кишечного тракта и аутоиммунные нарушения.

Белковая теория старения. В организме человека постоянно синтезируется значительное количество белков. Они необходимы для жизнедеятельности организма, восстановления и обновления клеток, органов и тканей. Процесс их образования происходит согласно информации, закодированной в ДНК, причем эти белки должны быть правильно свернуты и уложены. Их правильное складывание осуществляет фолдинг – процесс, посредством которого они становятся полноценными и функционально активными. Это сложный процесс биосинтеза белка из аминокислот с участием рибосом происходит по заданной матрице на основе генетической информации, предоставляемой матричной РНК (мРНК). Он называется трансляцией [2].

Вместе с тем в силу ряда причин по ходу жизни в организме могут происходить нарушения процессов обмена, вследствие чего и накапливаются испорченные белки, нежизнеспособные клетки, мутации в ДНК. Это загромождение ненужными белками способствует преждевременному старению организма и возникновению целого ряда заболеваний [3].

Теория изнашивания как обоснование процесса старения организма. Она изложена в работах Маупаса (С. Maupas) (1888) и Р. Гертвига (R. Hertwig) (1914). Они считали, что «организм в процессе жизни изнашивается как "машина". Современные ученые пытаются заглянуть глубже. Его системы, органы и ткани, процессы обмена постепенно ухудшаются, и прекращение жизнедеятельности происходит исключительно потому, что структурные компоненты, особенно те из них, которые не обновляются, приходят в негодность. Особое внимание обращается на изнашивание коллоидных структур молекул коллагена, что приводит к уменьшению свободной энергии молекул и их активности, нарушению репродукции РНК и белков в стареющих клетках [4]. Обращалось внимание и на генетический материал. Ряд ученых полагают, что длительное пребывание ДНК в клетках организма, не сопровождаемое ее делением, приводит к утрате активности отдельных участков, нарушению репродукции РНК и белков в стареющих клетках. Широкое распространение имеет теория иммунологического старения организма, базирующаяся еще на идеях И.И. Мечникова. Предполагается, что у организма подавлена возможность синтеза антител на свои белки и вместо процесса созидания они постепенно начинают разрушать клетки собственного организма, что также способствует нарастанию процесса старения [5].

Молекулярно-генетические теории, согласно которым причиной старения являются изменения генетического аппарата клетки. Одни ученые рассматривают возрастные изменения генома как наследственно запрограммированные. Другие считают, что старение – результат накопления случайных мутаций. Отсюда следует, что процесс старения может являться или закономерным результатом роста и развития организма, или следствием накопления случайных ошибок в системе хранения и передачи генетической информации.

Единой теории старения нет. Процесс старения следует рассматривать как совокупность взаимосвязанных генетических, регуляторных и трофических изменений. И тем не менее появляется все больше доказательств того, что центральная роль в возрастной дегенерации тканей и уменьшении резервов стволовых клеток принадлежит именно теломерам.

Теломерная теория старения. Ее многие исследователи считают наиболее убедительной. В 1938 г. американский генетик Н. J. Müller, работая в Эдинбургском институте генетики (Великобритания), в своих исследованиях установил, что под воздействием рентгеновских лучей гены, расположенные на концах облученных хромосом, в отличие от других генов, не претерпевают изменений в виде делеции – потери участка хромосомы или инверсии – перестановки [6]. Причиной этому является наличие защитного «колпачка», который он назвал «защитным геном», а позже «теломером» (от греч. telos – конец и meros– часть) (рис. 1,2).

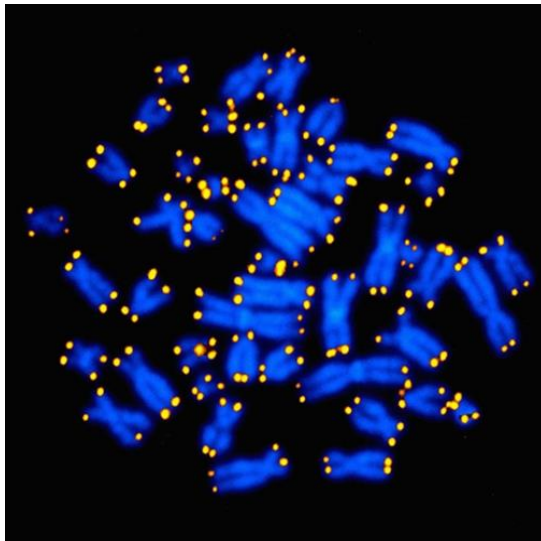

Рисунок 1. Светящиеся окончания хромосом–теломеры
(электронная микроскопия)

Рисунок 2. Хромосома с концевыми теломерами

Хромосомные ДНК вместе со специфически связывающимися с этими концевыми ДНК теломеров образуют нуклеопротеидный комплекс, состоящий из повторных белковых структур. Эти сотни или тысячи повторов одной и той же короткой последовательности ДНК передают генотип и сохраняют их свойства при делении. Таким образом теломеры защищают концы хромосом, где записано наше генетическое наследие. Этот код ДНК используется и для передачи информации клеткам, чтобы они производили определенные белки (гормоны, ферменты и т. д.), обеспечивающие их правильное формирование и функционирование. Теломеры защищают от слияния хромосом и выполняют защитную функцию.

В 1961 году Леонард Хейфлик экспериментально установил, что соматические (телесные) клетки могут делиться только ограниченное число раз. И как будто какой-то молекулярный счетчик фиксирует, сколько делений уже сделано и ограничивает их деление до определенного предела. Ученый установил, что клетки соединительной ткани кожи делятся примерно плюс-минус 50 раз, после чего это деление останавливается. Пойдя еще дальше, он взял клеточные культуры, которые были заморожены после того, как клетки разделились 25 раз. Оттаяв, эти клетки продолжили делиться, пока не достигли предела в 50 делений, а затем все же погибали. После этого «предела Хейфлика» – максимально возможного количества делений – начинается старение.

Функции теломер:

сохранение целостности генома;

облегчение гомологичной рекомбинации при делении (мейозе);

участие в архитектонике и строении клеточного ядра;

регуляция экспрессии генов, чтобы контролировать передачу наследственной информации вновь образующимся структурам РНК или белка, их собственную структуру и функцию, что и является основой морфогенеза дифференцировки клеток;

определение репликативного потенциала клетки.

Хромосомы, лишённые теломер из-за разрывов, подвергаются слиянию, деградации и перестают выполнять свои функции.

Теломеры после каждого деления и удвоения хромосом становятся немного короче, и в какой-то момент они укорачиваются настолько, что клетка уже не может делиться. Было выяснено, что длина теломер (концевых участков) хромосом зависит от возраста человека. Чем старше человек, тем средняя длина теломер меньше. Таким образом, при каждом делении клетки ДНК и ее теломеры укорачиваются, что служит «счетчиком» числа делений и, соответственно, продолжительности жизни. Если клетка не может делиться, тогда она постепенно стареет и теряет способность к жизнеспособности. И именно в этом, согласно теломерной теории ученого А. Оловникова, и состоит старение клеток [7]. Он, предсказавший это открытие, удостоенное Нобелевской премии, остался без награды.

Рисунок 3. Укорочение участков теломер в процессе деления соматической клетки

Теломеры и старение (Рис.4). Исследованиями установлено, что к 80 годам теломеры с рождения сокращаются вдвое. Их длина связана с потенциальной продолжительностью жизни человека, коррелирует со скоростью старения и по ее величине можно определить биологический возраст человека. При этом укорочение теломер во многом обуславливает

Теломеры укорачиваются из-за следующих факторов:

нездоровое питание и лишний вес (переизбыток сахара и жиров в рационе, употребление переработанных продуктов);

загрязнение окружающей среды (химическое, электромагнитное, звуковое);

плохие эмоциональные и социальные отношения с другими людьми;

малоподвижный образ жизни;

недостаток сна;

постоянные стрессы;

хронические боли;

курение;

резистентность к инсулину;

хроническое воспаление;

дефицит витамина D.

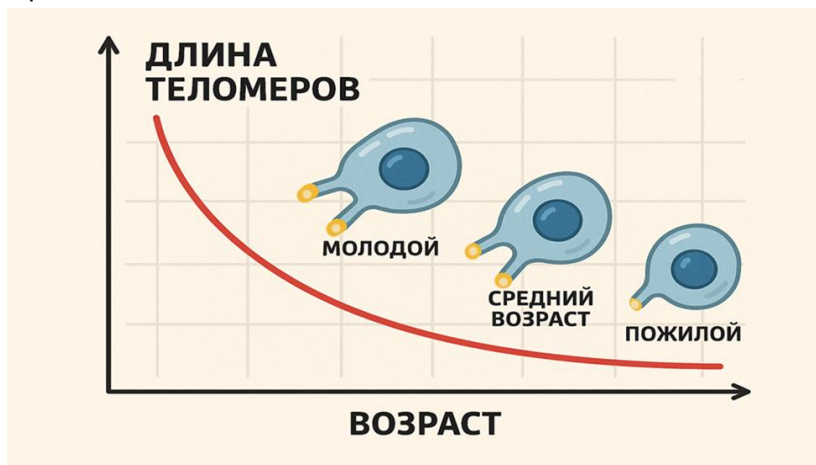

Рисунок 4. Укорочение теломер в зависимости от возраста

Перечисленные выше и другие факторы независимо от возраста человека разрушительно влияют на теломеры. При коротких теломерах, которые образуются в связи с повышением возраста, возрастает риск развития дегенеративных, онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний, диабета, снижения иммунитета и восприимчивости организма к инфекциям [8].

Современные исследования указывают на прямую связь укорочения концевых участков хромосом – теломер – с процессами клеточного старения. Профессор Ципи Штраус подчеркивает, что после завершения 50-разового цикла деления клетки перестают нормально

функционировать, и при их избытке они превращаются в «зомби-клетки», увеличивающие количество свободных радикалов и выделяющие цитокины, запускающие воспалительный процесс. Такой скрыто текущий «тихий» воспалительный процесс способствует развитию хронических заболеваний, постепенно усиливая естественные процессы старения [9]. Сочетание воспаления и старения — это инфламэйджинг (Inflamaging) — термин, получивший распространение в медицине и в популярной научной литературе.

Так у пациентов с более короткими лейкоцитарными теломерами в 3 раза чаще наблюдалась смертность от сердечно-сосудистых и в 8,5 раза от инфекционных заболеваний [10].

S. Brouillette и его группой исследователей было показано, что у молодых людей с более короткими теломерами риск развития преждевременного инфаркта миокарда был увеличен в 2,8–3,2 раза [11].

В работах L. Hong и M. Sampson продемонстрирована взаимосвязь между длиной теломер и риском развития деменции, а также сахарным диабетом [12].

Постепенное укорочение теломер приводит к старению клеток и к утрате их способности к делению и репликации. Если клетка не может делиться, тогда она и теряет способность к жизнеспособности. И именно в этом согласно теломерной теории, и состоит старение клеток. Почему же тогда жизнь вообще не прекращается?

Исследования на животных показали, что ряд заболеваний могут быть устранены благодаря восстановлению функции теломеразы. Это и пониженная сопротивляемость иммунной системы инфекциям, и диабет второго типа, и атеросклеротическое повреждение, а также нейродегенеративные болезни, тестикулярная, селезеночная, кишечная атрофия [13].

Если клетки с каждым делением неизбежно стареют, то должен быть и механизм омоложения, должен существовать какой-то специальный белок, тот фермент, который способен восстанавливать укоротившиеся кончики хромосом. Существование такого фермента было предсказано

Алексеем Оловниковым, и это предсказание впоследствии блестяще подтвердилось. Был найден фермент, синтезирующий и восстанавливающий теломеры, который может возвращать им «молодую» длину. Он получил название теломеразы. Она состоит из рибонуклеиновых (РНК) и белковых компонентов. Для индуцирования теломеразной активности необходима экспрессия белкового компонента, который и является каталитическим компонентом теломеразы. Теломеразы экспрессируются в стволовых, половых и других клетках организма, которым необходимо делиться, формируя ткани и органы. Этот

фермент позволяет клеткам быстро размножаться без старения, преодолевая при этом предел Хейфлика. Он способен компенсировать износ теломер. Установлено, что под действием теломеразы длина теломерных участков хромосом клетки увеличивается или сохраняется на постоянном уровне, компенсируя таким образом концевую недорепликацию и позволяя клетке делиться больше обычного [14]. Доктор Элизабет Блэкберн, открывшая теломеразу, получила мировую славу и Нобелевскую премию. Она сравнила теломеры с пластиковыми наконечниками на концах шнурков, которые не дают им распутаться.

Каждое деление клеток организма уменьшает их длину и приводит к прогрессирующему укорочению. А это влечет за собой снижение функций органов и систем, повышает риск и возможное развитие таких заболеваний, как гипертония, атеросклероз, инфаркт миокарда, инсульт, сахарный диабет, ожирение, онкологические болезни [15]. При длине теломер менее 2000 пар нуклеотидов (п. н.), когда они становятся критически короткими, прекращается деление клеток, и жизненный цикл организма подходит к своему естественному завершению.

Как можно сохранить или удлинить теломеры. В своих статьях и выступлениях автор обращал внимание своих читателей и слушателей, что для сохранения и укрепления здоровья необходимо вести здоровый образ жизни. Физическая активность, контроль стресса и психоэмоциональное равновесие, социальная поддержка и благополучие способствуют удлинению теломеров, что в свою очередь снижает вероятность болезней и способствует долгой жизни.

Рациональное сбалансированное питание с включением продуктов, которые содержат полиненасыщенные жирные кислоты и антиоксиданты. Среди пищевых продуктов с доказанной способностью продлить здоровье и долголетие ученые называют бананы – источник калия, защитника сердечно-сосудистой системы; малину – стимулирующую нормальное клеточное деление; чернику – благоприятно влияющую на память и когнитивные способности; томаты – богатый источник антиоксидантов [17].

Среди активных антиоксидантов, увеличивающие длину теломеров в клетках и замедляющие процессы старения ученые особенно выделяют – ресвератрол. Это вещество содержится в красном винограде, вине, чернике и темном шоколаде.

Роль витаминов в предотвращении укорочения длины теломер и активации фермента теломеразы. Это – «удлинитель», его функция – достраивать концевые участки линейных молекул ДНК, «пришивая» или добавляя к ним нуклеотиды (структуры, из которых построены молекулы ДНК и ДНК). Благоприятное воздействие на активность теломеразы и на сохранение теломер может способствовать и правильное питание. Целый ряд продуктов и витаминов препятствуют их укорочению [19].

Витамин D способен снизить скорость деления и истощения теломер. Он оказывает стойкое противовоспалительное и антипролиферативное действие, способствует активации теломеразы, которая, замедляя процессы старения, способствует сохранению и восстановлению концевых участков ДНК – теломеров. Витамин D отодвигает развитие старческих заболеваний: диабета, сердечно-сосудистые заболевания, аутоиммунные болезни, борется с раком, предотвращает переломы и возрастную деменцию, помогает в восстановлении иммунитета. Для его пополнения следует включать в питание такие продукты как сардины, сельдь, семга, тунец, говяжья печень и другие.

Комплекс витаминов B помогает организму избавляться от гомоцистеина – аминокислоты, разрушающей теломеразу. Обеспечить ими организм поможет употребление мяса и субпродуктов, яиц, грецких орехов и фундука, фасоли, чечевицы, зеленых овощей, кисломолочных продуктов.

Витамин E обладает способностями исправлять неисправности в теломерах и уменьшать повреждений ДНК. Ученые допускают, что альфа-токоферол – витамин E может значительно тормозить укорочение теломер, которое происходит с возрастом. Им богаты семена подсолнечника и подсолнечное масло, шпинат, миндаль, арахис, красный сладкий перец.

Витамин C – мощный антиоксидант. Он способен уменьшать повреждения, наносимые клеткам свободными радикалами (окислительные молекулы) и тормозить процесс укорочения теломер. Получать витамин C, помимо цитрусовых, можно из красного болгарского перца, шиповника, киви, клубники, листовой зелени и других. Таким образом витамины способствуют сохранению теломер, увеличению продолжительности жизни и укреплению здоровья.

Регулярная физическая активность, занятия спортом, а при заболеваниях – выполнение специальных упражнений лечебной физкультуры. Движение – важное и эффективное средство, помогающее активизировать резервы и жизненные силы организма. Систематические занятия стимулируют действие теломеразы и удлиняют теломеры [20]. Различные виды физической активности, в том числе ходьба, улучшают функциональное состояние сердечно-сосудистой, дыхательной, мышечной систем, стимулируют иммунитет в его противостоянии с болезнями и замедляют процессы старения [21].

Избегать хронический стресс и соблюдать психоэмоциональное равновесие. Это эффективные способы предотвратить укорочение теломер. Так исследование показало, что женщины, которые испытывают значительный стресс, имеют настолько укороченные теломеры, что они

соответствуют возрасту на 10 лет старше. Установлено, что в условиях стресса организм увеличивает продукцию кортизола, который подавляет способность иммунных клеток активировать белок–теломеразу. Это объясняет тот факт, что у людей, испытывающих хронический стресс, характерна аномально короткая длина теломер, а, следовательно, и ускоренное старение [22]. Длительное сохранение высокого уровня гормона в крови истощает иммунную систему, вследствие чего повышается предрасположенность людей к различным, в том числе и к вирусным, заболеваниям. Профилактика и преодоление стрессовых ситуаций является важным фактором продления жизни.

Хромосомами можно управлять и даже обмануть. Ученые предлагают многообещающий метод омоложения, называемый «активацией теломер».

Деление клеток обновляет наш организм. Вместе с тем после каждого деления теломеры становятся короче, клетки и ткани органов изнашиваются, а мы – стареем. Скорость этого процесса отмирания зависит от образа жизни и генетики. Чем больше клеток умирает, тем быстрее ухудшается работа органов, в которые входила клетка. Сегодня один из многообещающих методов омоложения называется «активация теломер». Открытие основано на механизме деления клеток.

Группа генетиков из Института Солка, расположенного в Калифорнии, установила, что некоторые, в том числе стволовые клетки, вырабатывают фермент теломеразу, которая тормозит укорочение теломер, достраивает, восстанавливает их длину и увеличивает продолжительность процесса деления клеток. Теломеразы имеет режим «включения/выключения», в момент деления клетки она «включается» на короткий промежуток времени. То есть теломераза «контролирует» процесс и присоединяется, когда необходимо обеспечить процесс деления и восстановить концы хромосом. После завершения этого процесса деления она прекращает свое действие и мешает клеткам делиться бесконечно.

Вместе с тем уже определен ряд веществ, способных активировать теломеразу. В ее реактивации проявляется свойство аспирина защищать эндотелиальные клетки сосудов. Активный компонент Силимарин, полученный из расторопши, известный своим защитным действием на клетки печени, также считается активатором теломеразы.

Подводя итоги, о значимости теломеров и теломеразы для организма человека, предупреждения процессов старения и продолжительности жизни можно констатировать следующее:

1. Концы хромосом ДНК заканчиваются повторяющимися последовательностями нуклеотидов – теломерами, которые синтезируются рибонуклеиновым ферментом теломеразой.

2. Теломеры обеспечивают поддержание целостности хромосом, которые в свою очередь регулируют и контролируют жизненно важные процессы деления клеток, нормальное физиологическое развитие и функционирование органов и тканей организма.
3. Теломеры являются индикаторами старения сердца, сосудов, кожи, мускулов, других органов и тканей человека. Укорочение теломер – ключевой фактор, запускающий развитие дегенеративных процессов, заболеваний и уменьшающий продолжительность жизни.
4. Длина теломер является прогностическим показателем риска заболеваний, их прогрессирования и снижения продолжительности жизни, включая выживаемость при ишемической болезни сердца, сосудистых, инфекционных и других патологиях.
5. Измерение активности теломеразы может обеспечить более ранний прогноз геномной стабильности долгосрочной жизнеспособности, чем длина теломеров.
6. Оценка различных аспектов состояния теломер может помочь в прогнозировании течения различных заболеваний и предоставить новые возможности для профилактических и терапевтических вмешательств, включая и временную активацию теломеразы.

Нами рассмотрены важные вопросы, касающиеся процессов возрастных изменений организма, в том числе теломерная теория старения. Раскрыта роль теломеров в процессе этих изменений и развитии в этой связи многих хронических заболеваний. Показана роль и значение сохранения теломер в клетках, поскольку чем они длиннее, тем больше потенциал долголетия у человека.

Указаны профилактические меры, предупреждающие их укорочение, возможности и перспективы их сохранения и даже удлинения, которые подтверждаются современными достижениями науки. Подробно представлены основные методы и способы его реализации в повседневной жизни.

И всё-таки автор считает, что одним из самых важных, доступных и физиологичных путей к активному долголетию остаётся доказанный многими учёными здоровый образ жизни. Он включает в себя целый комплекс факторов, направленных на профилактику заболеваний и замедление процессов старения. Эти методы и пути их практической реализации были рассмотрены в настоящей статье. Только желательно поторопиться с претворением их в жизнь – ведь дорог каждый день.

А теломеры... Они тонко улавливают сигналы нашей жизни. Им важно, как мы двигаемся, дышим и живем. И если мы действительно выберем путь осознанной заботы о себе и о своем здоровье – возможно и теломеры ответят тем же: замедлят своё укорочение и, словно в знак благодарности, подарят нам несколько лет долгой, здоровой и счастливой жизни! Искренне надеюсь, что изложенное в этой статье, поможет читателю

сделать шаг к собственному здоровью и долголетию.

Литература:

1. Harman D. The aging process. (англ.) Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. — 1981. — Vol. 78, no. 11. — P. 7124—7128. — PMID 6947277.
2. Ученые выяснили, как синтез белка влияет на старение <https://ria.ru>
3. Теория старения организма. Геронтология. <https://works.doklad.ru> › view › all.
4. Теории старения на организменном уровне интеграции. <http://sciencevsaging.org>.
5. О генетических аспектах старения, возрастной патологии. <https://cyberleninka.ru> › article › o-g... by НА Малыгина · 2011 · Cited by 9
6. Muller H.J. The remaking of chromosomes // Collecting Net. — 1938. — 13. P. 181—198.
7. Оловников А. М. Старение является результатом укорочения “дифферотены” в теломерах благодаря концевой недорепликации и недорепарации ДНК // Известия АН СССР, серия биологическая. 1992. Т. 4. С. 641—643
8. Егоров Е. Е., Зеленин А. В. Погоня за клеточным бессмертием, теломеры, теломеразы и мера здоровья. Онтогенез, 2011, том 42, № 1, с. 62—66.
9. <https://www.vesty.co.il> › main › article › rkhpmtmvle. В Израиле назвали причину быстрого старения: скрытое воспаление. Что делать?
10. Cawthon R.M., Smith K.R., O'Brien E., Sivatchenko A., Kerber R.A. Association between telomere length in blood and mortality in people aged 60 years or older // Lancet. — 2003, Feb 1. — 361(9355). — P. 393-5.
11. Brouillette S., Singh R.K., Thompson J.R., Goodall A.H., Samani N.J. White cell telomere length and risk of premature myocardial infarction // Arteriosclerosis. Thromb. Vasc. Biol. 2003, May 1. — 23(5). — P. 842-6.
12. Honig L.S., Schupf N., Lee J.N. et al. shorter telomeres are associated with mortality in those with APOE e4 and dementia // Annals of Neurology. — 2006
13. Sampson M.J., M.J., Winterbone M.S., Hugles J.C. et al. Monocyte Telomere Shortening and Oxidative DNA Damage in Type 2 Diabetes // Diabetes Care. — 2006. — 29. — P. 283-289.
14. Взаимосвязь «живого питания» с теломерами и теломеразой. <https://vegetarian.ru> › articles › vzaimosvyaz-zhivogo-p...
15. А.А. Мельник. Система «теломеры-теломераза» как молекулярно-генетический индикатор старения у человека <https://health-ua.com> › article › 3608...
16. Здоровый образ жизни удлинит теломеры MedPortal.ru <https://medportal.ru> › Медновости › Здоровье
17. Определены продукты, которые замедляют старение на ...<https://www.mk.ru> › science › 2017/04/25 › opredelen.
18. Синий краситель, вино и шоколад. Ученые знают, как ...<https://severpress.ru> › 2018/12/16.
19. Названы витамины, которые действительно способны тормозить старение... <http://www.19rus.ru> › more.

20. Tucker L A. Physical activity and telomere length in U.S. men and women: An HANES investigation // Preventive Medicine. — 2017. — Vol. 100. — P. 145–151. DOI: 10.1016/j.ypmed.2017.04.027.

21. Семен Златин. Движение и физическая активность: от теломер и генов — к здоровью и долголетию. журнал НБИКС-Наука. Технологии 24 2025 (8) с.14-24

22. Стресс старит: Генетическая основа- Популярная механика <https://www.popmech.ru>

23. TA-65 - активатор теломеразы. Свойства, польза и вред. <https://www.baobablife.net> › finiti.

24. Майкл Фоссел. Теломераза. Как сохранить молодость, укрепить здоровье и увеличить продолжительность жизни. «Эксмо» 2015 Медицинские книги @medknigi. УДК 613 ББК 51.204.0 ISBN 978-5-699-93227-6, стр. 320

Тогда в Шушане

И вечный гой! Покой нам только снится!

Незаметный для окружающих, он прижался лицом к колонне, ощупывая взглядом середину синагоги, где сгрудились слушатели. Ряды обитых бархатом сидений казались ветвями какого-то дерева, а бледные после поста лица евреев нависали над этими ветвями, точно гроздьях кислых ягод. Голос чтеца, в начале чтения свитка Эстер такой звонкий, уже начинал дрожать, уже в нем чувствовалась надтреснутость.

«...А в столице Шушан иудеи убили и погубили пятьсот человек И Паршандату, и Далфону... и Вайзату, десятерых сыновей Амана...»

Снова этот многоголосый рев. Снова топот ног, стук кулаков о столы и пюпитры. Крики, свист и скрежет трещоток. Какой-то мальчишка заранее соорудил специальное устройство и всякий раз, как звучит имя Амана, устраивает негромкие взрывы, отчего в воздухе отчаянно начинает вонять то ли порохом, то ли пистонами. Не выдержавшие издевательств прихожане на этот раз выводят его из синагоги.

Он проводил мальчишку взглядом и почувствовал, что кулаки у него сжаты до боли. Сволочи! Вам мало того, что они убили Амана и десятерых его сыновей, вам надо глумиться над трупами. Согласно варварскому вашему обычаю, вы хором орете, заслышав во время чтения свитка имя Амана, а видели ли вы настоящего Амана? Видели ли вы его лицо – лицо обиженного мальчика, у которого от обид заветвились по коже ранние морщины? Вы стучите ногами при упоминании имени жены Амана, Зереш, а видели ли вы, как озарялось любовью лицо ее, когда она бросала взгляд на мужа, нежностью, когда она обнимала младшенького, Вайзату, того самого, чьей гибели вы так бурно радуетесь?!

...Чтение закончилось. Зазвучал праздничный гимн «Шошанат Яаков».

«Проклят Аман, желавший моей гибели,

– бесновались евреи, -

Благословен Мордехай, иудей,

Проклята Зереш...

Благословенна Эстер...

И вновь и вновь и вновь

И вновь и вновь и вновь!

И вновь и вновь и вновь и вновь и вновь и вновь и вновь

Харбону, Харбону, Харбону помянем добром!»

Добром, значит, помянете? Ну что ж, спасибо!

Тогда в Шушане... Дворец начальника городской стражи Харбоны только назывался дворцом – а так – дом он и есть дом – обычный дом из крупных кирпичей, очень большой, но все равно – дом. В народе его так и называли – дом Харбоны. Находился он не поблизости от царской резиденции, а на отшибе. Это место еще считалось центром Шушана, но сразу же за ним начинались бедные кварталы, где вдоль петляющих узких улочек теснились друг к другу глинобитные хижины.

...Из темного квадратного дверного проема со столь резко очерченными благодаря мраморной облицовке углами, что они казались не прямыми, а острыми, вынырнул и всплыл *калли* – слуга в полосатом халате с коротко подстриженной круглой бородкой и в шапке, оставляющей открытой часть прически спереди. На бронзовом блюде он принес свежую почту и другие документы. Там же был украшенный чеканкой, изображавшей сцены охоты, изящный медный кувшинчик с холодным вином, а рядом – расписной глиняный стаканчик, стенки которого были не толще скорлупы куриного яйца. Первым делом Харбона, приподнявшись на ложе, налил себе вина. Паршивое вино. Нет, не из-за привкуса меди – он почти не чувствуется, видно, что вино совсем недавно в кувшинчик налили. Просто в Эламе не умеют делать хорошее вино, не то, что в его родном Шхеме. Правда, он уже давно оттуда – жить там было просто невозможно – эти КУТЫ, так называемые самаритяне, не лучше евреев. И при этом...

Предавшись воспоминаниям, Харбона вскочил и начал ходить по зале от одного квадратного окна к другому. Нет, боги явно благоволят к нему. Во-первых, они помогли ему двадцать лет назад покинуть Шхем, который заповили КУТЫ, а во-вторых, сделали так, что в Империи у власти оказался такой человек, как Ахашверош, который не тащит наверх старую персидскую знать, ворчливо претендующую на роль опоры державы, а дает копье в руки людям любого происхождения, лишь бы голова на плечах была. И вот, пожалуйста, он, Харбона, сын провинциального скотовладельца командует стражей в столице Персии и вхож к царю. Вот только никак он не может привыкнуть к обычаю новой здешней аристократии вкушать пищу, расположившись на ложе. Он привык домашнему – стол, стул... Правда, в Шушане такое поведение считается простонародным; человек знатного происхождения в таких случаях, скривившись, произносит «*Сабе*», мужичье.

Ну ладно, вино он, так и быть, выпил возлежа, но уж бумаги разбирать он точно за столом будет. Твердо ступая по мозаичному полу, начальник стражи двинулся к столу, затем резко повернул назад и пошел за подносом. Дойдя до ложа, наклонился, взял кувшинчик, повертел в руках,

задержал взгляд на бронзовой фигурке львицы, у которой в боку торчала стрела, а взгляд был полон боли, и плеснул себе еще вина. Паршивое, конечно, да другого нет. Опять нагнулся, взял поднос. Ого, сколько тут всего! И глиняные таблички, и пергаментные свитки, и свитки папируса. Ну, на клинописных табличках, конечно же, написано по-персидски. Или по-эламски. А на пергаменте и на папирусе – наверняка по-арамейски – последнее время все большее распространение получает этот язык... Впрочем, встречаются, особенно в южных провинциях высокомеры, которые пишут по-египетски. Ладно, сначала посмотрим таблички. Усевшись за стол, Харбона взял первую.

Ага, понятно, снова муссируют это тухлое дело с побегом из городской тюрьмы. Уже и царскому куратору представлял он рапорт, и лично первому министру Аману. Нет, теперь сам царь Ахашверош требует, чтобы перед ним отчитались. А чего скандалить-то? Ну, собрались узники под командой храмового пастуха Наргии, устроили пролом в стене и вырвались на волю. Ну, Наргию и его приспешника *ширку*⁷ Нидинти поймали, а остальным удалось разбежаться. Дело-то прошлое, только вот чьи же это козни, что его, Харбону, продолжают трясти? Что еще? Так, рыбаки продолжают отказываться платить десятину храму Эанны за ловлю рыбы в канале. А когда к ним явились храмовые чиновники, те их избили и заковали в цепи. Ха-ха. Нет, некрасиво, конечно, но... но приятно. И вообще, правительство объявило, что будет решать этот вопрос миром, так что его, Харбоны, помощь пока не требуется. Хотя послать к храму Эанны десяток-другой стражников для наблюдения не помешает.

Возиться с глиной Харбона не любил, поэтому достал острый *стиль* и быстро набросал на пергаменте соответствующее указание. Пергамент он оставил на подносе – Табия придет и заберет. А что у нас еще?

Ишь ты, новое заведение у Ворот смесительниц открылось. Увеселительное и питейное. Интересно, интересно... И кто же его содержит. Ну конечно же, рабыня! Там все кабаки и притоны содержат рабыни. Подают смеси из крепких напитков, прибывших от разных народов в столицу Империи, потому ворота так и прозваны. А звать владелицу Исхуннатум, принадлежит она семейству Эгиби. Значит, выкупиться из рабства хочет, денежку собирает. Небось и собою еще приторговывает. Что ж, мешать не будем! Только...

Харбона взял очередной клочок пергаменты и написал записку начальнику поста у Ворот смесительниц, чтобы тот самолично поскорее к нему явился. Надо сказать ему, чтобы выяснил, какая выручка у этой девушки, а дальше, как обычно – десятую часть ему самому, десятую –

⁷ Раб, принадлежащий храму.

Харбоне.

Какая-то мысль засела в голове. Было что-то очень важное, чем он собирался заняться еще до получения почты. Ах да, *навруз*⁸! Новый год, или точное его название – «Новый день».

Он уже совсем на носу – речь идет о дне весеннего равноденствия, первом дне месяца фарадин! Это ж какие пиры по всему городу пойдут! *Достархан* называется. А у него, у начальника городской стражи, еще ничего не готово. Правда, обычно праздник протекает тихо – в канун его все друг с другом мирятся, а чтобы много дождей было и будущий урожай удался, наполняют кувшины зерном, молоком да ключевой водой. Но расслабляться все равно нельзя – праздник есть праздник, и патрулирование надо усилить. Пожалуй, стоит поручить это дело Багасару. Пусть обеспечит порядок, пока горожане будут украшать свои дома гранатовыми и яблоневыми ветками да гостей созывать.

Харбона начертал приказ на папирусе, запечатал свиток и тоже положил на поднос. Все. А вот теперь самое. важное? Опасное? Тонкое?

Харбона хлопнул в ладоши и крикнул: «Табия!»

На пороге вырос *калли* в полосатом халате и, скрестив на груди руки, низко поклонился.

– Табия, – сказал Харбона, – кто бы ни пришел, я не принимаю. Сам встаешь на пороге Зала встреч и ко мне никого не пропускаешь. Если что, поднимаешь крик.

«А Шула, Римут и Базуз, они в случае чего всегда наготове», – успокоил он себя.

Оставшись один, Харбона стал одну за другой срывать печати с пергаментных и папирусных свитков, и чем дальше читал он, тем больше хмурился. Наконец не выдержал, вскочил, забежал взад-вперед по зале, время от времени подходя к большому квадратному окну и поглядывая на уходящее в сторону окраины скопище лачуг, над которыми, словно педагог в остроконечной шапке среди кубоголовых ребятишек, то тут, то там вставал многоэтажный дом с двускатной крышей.

– Табия! Та-би-я!

Появился слуга. Его лицо было, как всегда, бесстрастным.

– Кудурру у себя в канцелярии? – коротко спросил начальник стражи.

– Должен быть, господин, – ответил, поклонившись, Табия.

– Приведи его ко мне, – бросил на ходу Харбона, отправляясь к дальнему окну, выходящему на площадь. Посреди площади на циновках,

⁸ Вопреки распространенному заблуждению, *Навруз* – праздник домусульманского, древнеперсидского происхождения.

тюфяках и кусках холстины лежали больные, у которых не было денег, чтобы лечиться у врачей. По обычаю, прохожие подходили к ним и спрашивали, что с ними. Если оказывалось, что сам подошедший некогда страдал такой же болезнью или видел другого такого же больного, то он мог дать необходимый совет. Проходить мимо больного молча было запрещено.

Харбона задумался. Дело в том, что помимо официальной должности он выполнял еще одну очень важную и очень деликатную работу. Всесильный главный министр Аман, правая рука царя Ахашвероша, стал просить у «царя царей» дать ему возможность разделаться с неким народом, рассеянным среди других народов, но при этом от них обособленным, не выполняющим законов царя, ибо законы у них другие, чем у всех народов. Поскольку просьба сопровождалась передачей в царскую казну десяти тысяч талантов серебра, «царь великий, правление которого любят боги, расчувствовался и подмахнул указ, даже не поинтересовавшись, что сие за народ такой и каким образом добрый министр собирается с ним разделаться. Тогда господин Аман вызвал Харбону к себе в *ападану*, дворец, состоящий из большого переднего зала и портиков, которые вместе с потолком поддерживались семьюдесятью тонкими изящными колоннами из камня высотой в сорок локтей. Там министр в присутствии Харбоны написал на папирусе второй указ в разъяснение первого. Сатрапы царские и начальники областей, и сановники каждого народа уведомлялись, что в тринадцатый день двенадцатого месяца, то есть месяца адар, по всей империи велено истребить, убить и погубить всех иудеев от отрока до старца и детей и женщин. После чего министр велел принести вина, фиников и винограда и, задумчиво поглощая пурпурные грозди, тихим голосом предложил Харбоне организовать и возглавить штурмовые отряды, кои в ста двадцати семи подвластных могучему царю странах проведут эту операцию.

Признаться, Харбона слегка опешил. Не то, чтобы он любил евреев – нет, он их ненавидел. Он ненавидел их в первую очередь за неистребимость – казалось бы, в детстве в родном Шхеме живи и радуйся – евреев уже почти двести лет как нету, но дух их, мерзкий дух их никак не выветривался. Народ, никогда евреев в глаза не видевший, какие-то *куты* с предгорий Кавказа, будучи переселены в Самарию, вдруг начинают именовать себя евреями, принимают Тору, правда, и от родных, кавказских, богов не отказываясь, и сразу же пошло-поехало: – «Ты, Харбона, чужой! Ты истины не знаешь и не хочешь знать! Ты Б-га богов не признаешь!» Надоело ему это всё, решил он податься на север, в Шушан, приезжает – и пожалуйста вам! – «несчастные» еврейские переселенцы живут припеваючи, куда лучше, чем коренное население, нахapaли

земель, конфискованных персами у вавилонян, причем получили их за то, что якобы несут военную службу, хотя на самом деле никакую службу не несут, откупаются налогами, скупают у разорившихся вавилонян имения, захватывают посты в государстве. Так что он, Харбона, с великой бы радостью их всех, когда бы не одно обстоятельство.

Семейное предание гласило, что его дальний предок по имени Акки, отправился вместе с племенем Амалек за тридевять земель отомстить евреям за расправу, некогда учиненную теми в Шхеме. Там он и сложил косточки. Но это еще не всё. Харбона знал, что неумные амалекитяне объявили на все времена войну и евреям, и их несправедливому Покровителю. Ну, и где сейчас амалекитяне? Всех эти негодяи истребили, подчистую. Последнего, царя Агага, его еврейский коллега Шауль вроде бы пожалел, так и того на следующий день ихний жрец по имени Шмуэль разрубил мечом. Так стоит ли связываться?

Когда Харбона откровенно поделился своими сомнениями с симпатичным Аманом, тот посмотрел куда-то в никуда поверх его головы, поверх ряда огромных каменных ваз, украшающих просторный зал, и глухо произнес: «Я потомок Агага».

– ...Вы меня звали? – буквально на бегу крикнул влетевший в залу человек в подпоясанной на вавилонский манер рубахе-юбке, из цветной ткани с пестрой отделкой. Это был Кудурру. Видно, Табия объяснил вавилоняну, в каком состоянии пребывает его начальник и посоветовал поторопиться, а, явившись, тот не стал тратить лишнее время на раскланивание и расшаркивание – когда Харбона в дурном настроении, он терпеть не может все эти условности.

– Звал, – мрачно сказал Харбона, подошел к столу и сел на стул. Кудурру остался стоять. – Звал, – повторил он, копаясь в грудe лежащих на подносе распечатанных свитков. – И вот что я тебе скажу. Ты проделал большую работу. Я рад, что ты составил списки практически всех евреев, живущих в Шошане. Тебе даже удалось разыскать старуху Мирьям, вдову резника Леви с улицы горшечников, которая уже семь лет жила в пальмовой роще у Большого канала вместе с остальными безумными, нищенствовала и сама не помнила, как ее зовут. А ты ее нашел и внес в список. Честь и хвала тебе за это! Кудурру напрягся, почувствовав легкий налет иронии в словах Начальника стражи.

– И пройдоху Бэл-яу, сменившего имя на арамейское «Баллатсу», ты тоже вывел на чистую воду. Молодец!

На сей раз это было сказано от души, и Кудурру позволил себе немного расслабиться.

– И всех, кого ты не обнаружил в Шушане, я, разослав депеши по разным городам, с помощью тамошних наших людей смог разыскать, так

что никуда им не деться – все они внесены в списки, – продолжал Харбона.
– Все, кроме одного человека.

– Хадасса! – выдохнул Кудурру.

– Хадасса, – подтвердил Харбона. – Эта девушка, уроженка Шушана, пропала бесследно. Мои люди обшарили всю империю, все двадцать сатрапий, мои гонцы на почтовых лошадях носились из Шушана в Сард и из Сарда в Шушан, из Шушана в Персеполис и из Персеполя в Шушан, из Шушана в Вавилон и из Вавилона в Шушан, из Шушана в Иудею и из Иудеи в Шушан. Среди мертвых она не обнаружена. Среди евреев она не обнаружена. Среди нищих, сумасшедших, воровок, потаскух она не обнаружена. Мы перетряхнули купчие на рабынь по всей Империи. Не обнаружена. Пойми, Кудурру, это не пустяк. Ты знаешь историю Агага, предка нашего блистательного главного министра. Ты знаешь, что плененный еврейским царем Шаулем, он прожил лишь одну ночь прежде, чем Шмуэль казнил его, но эту ночь он провел со своей рабыней. Благодаря этому сохранилось в мире ~~мире~~ Амалеково семя, благодаря этому мы под командой светлоокого Амана готовимся сейчас истребить подлое племя. Пойми, мы не имеем права допустить, чтобы история повторилась зеркально! Ни одно еврейское чрево не должно уцелеть! И вот еще что – эта Хадасса – родня не какому-нибудь там резнику...

Кудурру втянул голову в плечи.

– ...А Мордехаю, сыну Яира из рода Биньямитяна, главному вожаку евреев. Она его племянница, и не просто племянница, а та, которую он воспитывал, как дочь. Куда он ее подевал? Не нравится мне это дело, слышишь, Кудурру! Темное оно, ох темное!

– Если блистательный Харбона позволит обратиться... – робко начал Кудурру.

Харбона устало поднял глаза, дескать, ну что ты мне еще можешь рассказать.

– Уже несколько недель мои люди, переодевшись евреями, бродят по их кварталам... И сегодня утром один из них, Сукайя зовут... Не знаю, где и что он там наловил, только... Вот что мне принес три часа назад его посланник, мальчишка-мидянин.

Кудурру протянул Харбоне кусочек глины, на которой по-аккадски было выдавлено: «Кажется, получил важные сведения про Х. Как только удостоверюсь в их истинности, тотчас же явлюсь и поведаю лично». Харбона вопросительно посмотрел на подчиненного.

– Еще не пришел? – Разве что пока мы здесь беседуем, – ответил вавилонянин, одновременно пожимая плечами и отрицательно мотая головой. Видно было, что он тоже нервничает, но все равно эти вопросительно-отрицательные телодвижения смотрелись донельзя

комично.

«Табия!» – крикнул Харбона. Возник *калли* со скрещенными на груди руками. – Табия, – неожиданно осипшим голосом не приказал, а прямо-таки попросил начальник стражи. – Сделай милость, отправь кого-нибудь в канцелярию блистательного Кудурру, и пусть выяснят, не ожидает ли там в приемной его человек по имени... э...э...э... Сукайя. И если он там, приведи сюда. Надо же, имя какое странное, – добавил он, когда Табия удалился.

– Это не имя, это кличка, – пояснил Кудурру, продолжая стоять перед своим повелителем. Сукайя, то бишь «уличный». Вообще-то его зовут Ахушуну.

– Уличный, значит, – задумчиво произнес Харбона. – У меня была рабыня, к которой приклеилась кличка Шинбана – «Прекраснозубая».

Кудурру понял, что пустым, ничего не значащим разговором его начальник пытается успокоить себе нервы и скоротать время до прихода Сукайи. Он решил поддержать его в этом.

– На вверенном мне участке, – сказал он, – в кварталах, прилегающих к берегу Сузианы жил некто Набу-туль-табши-лишир. И была у него рабыня, которую звали Табатум, Добрая. Дед этого господина был кузнецом, но сам он так и не научился выковывать себе благосостояние. Окончательно запутавшись в долгах, Набу-туль-табши-лишир отобрал у бедняжки ее имя и дал ей новое – Шалам-дининни – Присуди-мне-благо. Но не помогло. Пришлось рабыню продавать вместе с ее именем. Впрочем, имя продать не удалось. Покупатель, богач Иддин-Мардук переименовал девушку обратно в Табатум.

Кудурру ожидал, что Харбона расхохочется, но тот лишь вежливо улыбнулся. В зале повисла тяжелая пауза. К счастью, длилась она недолго. Из тьмы вновь проступил бесшумный Табия и провозгласил с таким достоинством, будто возвещал о прибытии «царя четырех стран света»: «Господин Ахушуну, исполнитель особых поручений начальника восьмой канцелярии господина Кудурру!»

Исполнитель особых поручений, судя по внешности, был тоже вавилонянином. Впрочем, с равным успехом он мог быть халдеем или эламитянином. Да и в еврейском плаще с накладными пейсами он, должно быть, запросто сходил за еврея. Хотя, внимательно взглянув на него, Харбона понял, что никакие накладные пейсы не нужны были – достаточно было зачесать соответствующим образом его собственные черные кудри. Несмотря на обилие морщин, Сукайя стариком не выглядел. Что еще любопытно было, так это то, что перед тем, как явиться в канцелярию, он успел сменить еврейский костюм – полотняную рубашку с непременно поясом, передник с кистями-цицит по углам и головной платок – на

широкий с длинными полами пурпурный мидийский кафтан.

– Будьте веселы, ослепительные! – произнес он традиционное приветствие и отвесил низкий поклон. Харбона не торопил его. В отличие от Кудурру, хотя и подчиненного, но принадлежащего к вавилонской знати, этот Ахушуну был явно рангом намного ниже, чем он сам, и проявлять нетерпение значило уронить достоинство царского наперсника в глазах сабе. А Сукайя тем временем стоял, почтительно изогнувшись, и не торопился начинать свой доклад, только поглядывал снизу, из-под мохнатых бровей, и чувствовалась в этом взгляде издевка, дескать, я бегал, собирал сведения, пока вы, высокородные господа, здесь прохлаждались, да и сейчас вы восседаете на полированных стульях с инкрустацией из золота, серебра и слоновой кости, а я перед вами выплясывай, ну ладно, ладно, вы у меня сейчас сдохнете от любопытства. – И ты, блистательный Кудурру, сын прославленного Шамаш-икби и ты, Харбона, которого любят боги Бэл и Набу...

Он на ходу придумывал новые и новые восхваления, играл сравнениями, не скупился на славословия. Кончилось тем, что Харбона поднялся и крикнул: – Табия!

Бесшумно вырос Табия, и Харбона, косясь на приумолкшего исполнителя особых поручений, скомандовал: – Циновку господину Сукайе.

И это сочетание клички «Уличный» с уважительным обращением, и главное, то, что с одной стороны ему вроде бы как милостиво предложено сесть, а с другой – сесть не на стул, а, по сути, на пол у небрежно расставленных ног аристократа, вновь заставило его вспомнить, кто он, а кто они. Поэтому, когда Ахушуну уселся тощими, затянутыми в пурпур, ягодицами на жесткую циновку, сплетенную из ивовых ветвей и тростника, во взгляде его вместо насмешки уже сквозило привычное подобоострастие. – Ну, – сказал Харбона жестким, как циновка, голосом, – узнал, куда запропастилась молодая еврейка по имени Хадасса?

– Узнал, – скорбно отозвался Сукайя. – Но лучше бы ни мне, ни вам этого не знать.

– ...Блистательный, – раздался голос Табии.

Все обернулись. Раб стоял на пороге, изогнувшись в почтительном поклоне. В руках у него был золотой поднос со свитком папируса, перехваченным золотой ленточкой, обрамленной красной нитью. Это означало: начальник городской стражи срочно вызывается в царский дворец.

Из торца высоченной галереи, выросшей напротив царского дворца,

высовывал скуластую рожу сфинкс с бутылеподобной бородой. А у ворот дворца стояли гигантские каменные фигуры стражей порога с такими же бородами. На головах у них были какие-то замысловатые фески. Из стен дворца торчали головы большеглазых каменных быков. Проезд к воротам обрамляли стеллы, на которых застыли барельефные шеренги полуголых бородатых воинов с копьями и колчанами. Стены дворца также изобиловали рельефами, цветными изразцами, яркой росписью, золотыми орнаментами и инкрустацией из слоновой кости.

На всё это Харбона давно уже не обращал внимания. К дворцовым воротам он подъехал верхом на своем Халдее – несейском коне золотисто-рыжей масти или, как говорили льстецы и прихлебатели среди подчиненных, цвета утренней зари. При этом начальник стражи пребывал в плохом настроении. Мало того, что неожиданный вызов во дворец прервал на самом интересном месте его беседу с Сукайей, не дав выяснить, почему лучше бы и ему, и Кудурру и самому Сукае не знать, что случилось с бесследно исчезнувшей молодой еврейкой по имени Хадасса, и теперь Харбона терзался в догадках. Помимо всего он еще чувствовал, что поганец исполнитель особых поручений мог бы одной фразой разрешить его любопытство, и не сделал это исключительно из собственной сабе страсти при любой возможности измываться над аристократами.

Впрочем, через минуту он был настолько потрясен, что забыл и про хитрую рожу Сукайи, и про загадку таинственной Хадассы.

Не может быть... Ведь это Астиаг, царский любимец, горбоносый красавец тогарамской породы, пылкий, быстрый и выносливый, легко повинующийся удилам, мягко ступающий, высоко несущий гордую голову. Вот он опускается на землю... Из ворот выходит человек в шароварах и пурпурном в зеленую полоску кафтане. Постойте, да уж не Аман ли это? С чьим еще можно спутать это обрамленное коротко подстриженной круглой бородкой лицо обиженного мальчика с маленькими глазками, слегка приплюснутым носом и здоровенными ушами? Он встает на колени рядом с конем, и в этот миг ворота распахиваются, и из дворца в сопровождении царедворцев, один из которых держит над ним остроконечный солнечный зонтик, другой – опахало, а остальные – копья и луки, выходит сам повелитель четырех стран света, любимец богов Бэла и Набу, великий царь Ахашверош, чье владычество приятно для их сердечной радости. В одной руке у него жезл с набалдашником в виде лилии, в другой – букет цветов. На голове – корона с острыми зубцами. Одет он в длинную мидийскую одежду, которая у бедер подобрана и уложена ниспадающими складками. У него длинная борода, носить которую, в отличие от остальных персов, разрешается только царю. Но постойте – это не его борода! У царя борода аккуратно заплетена в

косички, а у этого – широкая, окладистая и слегка взлохмачена. И ростом этот повыше, чем царь царей и поплотнее будет... *это не Ахашверош!* Это кто-то иной, кого он, Харбона тысячу раз видел, но сейчас не может вспомнить.

Харбона покачнулся, сидя на Халдее, в чьей золотой гриве захлебнулось весеннее солнце. Ему показалось, что сейчас он потеряет сознание. Объяснение напрашивалось лишь одно – пока он возился с Кудурру и Сукайей, пока обдумывал, как подоить предприимчивую рабыню Истуннахум и подготовиться к ДОСТАРХАНу, в Империи произошел государственный переворот, и теперь властвует новый монарх. Небось уже выполнил все обряды коронации – торжественно надевал одежду, которую, не будучи царем, носил Кир, съел сушеных фиг в окружении соратников, выпил кислого молока, имитируя таким образом основателя Империи. Вон как перед ним пройдоха-Аман стелется. А вот Харбона, судя по всему, опоздал к раздаче фиников, а возможно, поспел как раз в срок к раздаче плетей или чего похуже. На это властители Империи всегда были щедры и изобретательны. Новые хозяева обычно со слугами прежних не церемонятся. Хорошо, если отсечением головы ограничится. А то могут быть отрубленные руки и ноги, выколотые глаза, или положат голову на один камень, а другим будут плющить. Неизвестно, куда бы завело воображение несчастного начальника стражи. К счастью, тут к нему подскочил старый подлиза, но незаменимый шпион, киликиец Аппуашу, одевающийся куда более по-персидски, чем сами персы, предпочитавшие все иностранное, особенно мидийское. На нем были длинные штаны, куртка с поясом и староперсидская длинная юбка. На голове красовалась кожаная шапка, а обувь завязывалась на подъеме. У пояса висел короткий меч, и вельможа, невольно отшатнувшись, крепко сжал правой рукой рукоять своего собственного меча, потому что Аппуашу, долгие годы верно служивший Харбоне, получи он сейчас от новых правителей приказ проткнуть мечом насквозь своего недавнего повелителя, не колебался бы ни минуты. Но губастый Аппуашу, сверкая черными глазами и трясая седыми локонами, схватился за стремя и горячо зашептал:

– О блистательный Харбона, все очень просто! Сегодня ночью сон не шел к царю, и сказал он, чтобы принесли памятную летописную книгу, и зачитывалось то перед царем. И обнаружилась запись, что поведал Мордехай...

Мордехай? Мордехай! Вот кто опускает обутую в кожаный сапог ногу на спину подобострастно вставшего на четвереньки Амана. Полный бред! Неужели царем стал Мордехай? Еврей?..

– ...что поведал Мордехай о стражах порога, которые задумали убить царя Ахашвероша, да продлят Бэл и Набу его дни!

При этих словах Харбона испытал облегчение – значит, Зерван, Время,

еще не сошло с ума, и мир продолжает жить по прежнему распорядку с невеликим (Харбона повертел головой, никто ли не пытается прочесть его мысли, отразившиеся на его лице), но предсказуемым Ахашверошем. Аппуашу меж тем продолжал:

– И сказал царь: «Что содеяно из почестей и величия Мордехаю за это?» И сказали отроки царские, слуги его: «Ничего с ним не содеяно». И сказал царь: «Кто во дворе?» И сказали царские отроки ему: «Вот Аман стоит во дворе». И сказал царь: «Пусть войдет». И вошел Аман.

– Слушай, – не выдержал Харбона, – ты рассказываешь так, будто сам при всем этом присутствовал.

– Не я, – важно отвечал Аппуашу, – но собеседники мои, люди, с которыми я теснейшим образом общаюсь, имеются среди придворных. Они в тот час пребывали во дворце, все видели, все слышали, обо всем мне доложили.

Странное чувство вдруг охватило Харбону. Ему вдруг показалось, что на площадку перед воротами, на дворцовые стены, сложенные из тщательно отполированных каменных кубов, на людей, копошащихся возле коня, разлегшегося у ворот, на себя самого, заговорщицки перешептывающегося с продажным Аппуашу – на все это он смотрит с небес, населенных бесчисленными вавилонскими, персидскими и прочими богами, с высоты веков – тех, что проплыли и уплыли, и тех, которым суждено проплыть и уплыть, увидел и подумал: «Вот, мы суетимся, плетем интриги, а куда все это просыпется, словно песок? Поощадит ли Зерван, Время, хотя бы величайшее из наших дел? Народы, целые народы исчезли с лица Земли – ханаанейцы, филистимляне, моавитяне! И еще исчезнут! Да есть ли что-либо вечное в этом мире? Есть ли в нем носители вечности? И кого будет волновать спустя тысячелетия, что там сегодня во дворце сказал царь Аману?»

– А царь Аману сказал, – с жадностью до чужого внимания верещал Аппуашу, – что бы такое сделать тому человеку, которого царь хочет отличить почестью?» И подумал Аман...

– Ну что ты врешь? – возмутился Харбона. – Ты-то откуда знаешь, что блистательный Аман изволил подумать?

– Да говорят, у него все на мор... на лице было написано! – воскликнул Аппуашу. – Надулся, как мех с воздухом, с которым наш солдат в походе реки переплывает, и в позу встал, как покойный правитель вселенной, любимец Бэла и Набу, царь царей Кореш на барельефе, украшающем стеллу в Урукской *ападане*. Так вот блистательный Аман подумал, что это его властитель всех стран, царь царей Ахашверош отличить почестью хочет, и отвечает: «Пусть представят одеяние царское, в которое одевался царь, и коня, на котором ехал царь, когда возлагали царский венец на главу его, и пусть подадут одеяние и коня в руки одному из

первых князей царевых, и облекут того человека, которого царь хочет отличить почестью, и выведут его на коне на городскую площадь и провозгласят перед ним: «Так делается человеку, которого царь хочет отличить почестью». Стоит блистательный Аман перед царем царей, повелителем четырех сторон света, а плечи-то под мидийским кафтаном так и ходят ходуном, словно в предвкушении того сладчайшего мига, когда на них нежно опустится пурпурная царская мантия... И вдруг он слышит: «Вот-вот, возьми сейчас же у Эгая, который хозяйством во дворце занимается, мою нижнюю рубаху – знаешь какую – пурпурную с широкой белой полосой от шеи до подола, возьми мою пурпурную мантию и ярко-красные штаны, возьми мою «митру» с округлым верхом, украшенную золотом и драгоценными камнями, возьми моего Астиага, ничего не забудь...» Досточтимый Аман прямо вперед подался – вот, вот, сейчас! А блистательный царь как ни в чем не бывало, продолжает: «...И сделай все это Мордехаю, еврею, сидящему у царских ворот!» Эх, блистательный Харбона, много я повидал за свои сорок восемь лет, но клянусь, все бы, не раздумывая, отдал за то, чтобы одним глазком увидеть, как в этот момент вытянулась мор... лицо блистательного Амана!

Аппуашу собрался было расхохотаться, да осекся, увидев, что у Харбоны мор... лицо тоже вытянулось.

– Мерзавец! – сжав плеть в руке так, что побелели костяшки пальцев, прошептал Харбона. – Всегда они вывернутся! Ну ничего! Ничего! Скоро! Очень, очень скоро!

А в это время Аман, встав на четвереньки, изобразил из себя ступеньку, на которую шагнул еврей Мордехай, прежде чем оседлать царского коня. Конь поднялся, Аман взял его под узцы и закричал не своим обычным роскошным басом, вызывавшем верноподданную улыбку у мужчин и душевно-телесный трепет у женщин, а каким-то надтреснутым, полным боли голосом:

– Так делается человеку, которого царь хочет отличить почестью!

Теперь они двинутся через весь город, через улицы, над которыми, точно опахала, качаются разлапистые ветви финиковых пальм, через площади, окаймленные рядами квадратных колонн, каждая из которых увенчана двумя каменными бычьими головами, по берегам Хоаспа и Эвлея, где растут лилии, в честь которых и назван город, и всюду эту процессию будут встречать толпы персов, эламитян, халдеев, вавилонян и, конечно, ухмыляющихся евреев, и все будут глазеть, и все будут показывать пальцем, а всесильный министр Аман будет, глотая слезы, вести под узцы белоснежного Астиага, на котором восседает ненавистный Мордехай, и надрывно кричать:

– Так делается человеку, которого царь хочет отличить почестью! Так делается человеку, которого царь хочет отличить почестью! Так делается

человеку, которого царь хочет отличить почестью!

– Блистательный Харбона? – произнес царский слуга в блиноподобной шапке с ярко-красным околышем, подбежав к Харбоне и протягивая ему пергаментный свиток с царской печатью. У слуги за спиной подобно одинокому крылу выросстал красивый изогнутый лук, а рядом топорщился колчан, тоже подобный большому свитку, только не пергаментному, а обтянутому льняной тканью, с простроченной золотой нитью.

Сломав печать, Харбона развернул маленький свиток. Царь всех стран предписывал начальнику городской стражи немедленно взять на себя организацию почетного конвоя, который будет сопровождать процессию, состоящую из Первого министра, белого царского коня Астиага и восседающего на нем еврея Мордехая. То есть прямо сейчас необходимо было достать из-под земли минимум шестерых стражников для охраны, а потом еще расставить по пути следования посты... А какой он, путь следования? В какую сторону Мордехаю придет в голову направить коня или Аману потянуть за узцы? Этого не знал никто. Как всегда, Царь царей облакал в форму указа очередной свой сиюминутный каприз, который и выполнять следовало сиюминутно. К счастью, перемещаться Аман с Мордехаем и Астиагом будут торжественно, а следовательно, медленно, и можно пустить параллельно их движению своего заместителя, который, увидев, куда направляется эта тройка, будет срочно на ее пути организовывать посты. А почему заместителя, почему бы самому не заняться организацией почетных караулов? Ведь если кто-то сдуру накинется с ножом на Амана, любимца царя, или от большой, а главное, вполне заслуженной, любви к иудеям выпустит стрелу в Мордехая, голову снесут не безвестному заместителю, а ему, Харбоне! Но что-то подсказывало – нет, главная опасность кроется не здесь, не на каменных улицах Шушана с его многоязыкой и многоцветной толпой, а там, в его собственном кирпичном «дворце», в зале, где его дожидаются Кудурру и Сукайя, владеющий какой-то страшной тайной, связанной с бесследно пропавшей еврейской девицей Хадассой. Кроме того, он, конечно, не потомок Амалека, в отличие от Амана, и не собирается отдавать жизнь ради того, чтобы лишить жизни хотя бы одного еврея, но и потеть, чтобы обеспечивать охрану еврейскому вожаку, которого он бы с удовольствием своими руками придушил – это уж, увольте, выше его сил!

Так-то оно так, но и все дела быстро переделать не удалось. Пока Харбона рассылал гонцов, разъяснял подчиненным задачи, проверял, как эти задачи выполняются, время шло, солнце, словно изжарившись за долгий день, побагровело и начало клониться к кристальным водам Эвлея, которые, как всем в стране было известно, подавали, словно драгоценный напиток, в серебряном кубке самому царю. Казалось, оно тянется к воде иссохшими губами, роняя тяжелые лучи, словно капли пота.

В кирпичный дворец Харбона приехал уже затемно. Масляные светильники и факелы, зажженные Табией, отбрасывали на стены залы пляшущий свет. Глаза Кудурру и Сукайи, коротавших время над пивом, блестели в полутьме так, что Харбона усомнился в том, что они вообще смогут сейчас членораздельно разговаривать. И вообще, не изгнать ли немедленно Кудурру, который уронил свою и всей Шушанской знати честь тем, что пировал с сабе. Кроме того, Сукайя явно поведал Кудурру тайну, и теперь начальник стражи столичного города Шушан Харбона выглядел ничего не ведающим недотепой на фоне всезнаек-подчиненных.

Но прежде, чем он успел что-то сказать или сделать, Сукайя вскочил и, не дожидаясь, пока глава стражников сядет, взволнованным и, кстати, звучащим (увы, лишь звучащим) совершенно трезво голосом заговорил:

– Если блистательный Харбона позволит, я начну свой рассказ, столь грубо прерванный... – тут он поперхнулся собственной фразой, поняв, что выглядит так, будто он обвиняет капризного царя в том, что тот беспричинно дергает своих подчиненных, а это уже пахло, и закончил скорбным, – ...роковыми обстоятельствами, не позволившими опоре трона удовлетворить свое любопытство и услышать...

Он остановился, почувствовав, что вновь сморозил что-то фамильярное, но с пьяных глаз не сообразил, что именно, и, похоже, был счастлив, когда Харбона вместо того, чтобы разразиться гневом, лишь, плюхнувшись на ложе, крикнул:

– Табия! Принеси мне тоже пива!

В этом не было ничего особенного. День прожит был тяжелый; пока Кудурру и Сукайя прохлаждались в зале, Харбона выполнял задачи государственной важности, и сейчас кубок-другой пива могли пойти ему лишь на пользу. Отхлебнув из кубка, Харбона кивнул Сукайе:

– Рассказывай.

Сукайя начал с предыстории. Соседи Хадассу в последний раз видели девять лет назад, когда по всей стране собирали девушек, дабы найти среди них ту, что сможет сменить на троне и на брачном ложе оскорбившую царя и за это казненную царицу Вашти. Большинство соседей склонялись к мысли, что Хадасса не желала проводить ночь с царем Персии, что было неременным условием конкурса невест, и сбежала из дому. Куда? По одной версии, поддерживаемой большинством соседей, сбежала она в Иудею и жила сейчас в какой-нибудь полуразрушенной, вернее, полутстроенной деревушке среди еврейских репатриантов из Персии, отпущенных, вернее, отправленных туда царем царей Киром восстанавливать храм под руководством Зерубавеля бен Шалтиэля и Иеошуа бен Иоцадака. По другой, вообще укрывается где-то за пределами Империи. Обе эти версии никакой проверки здравым

смыслом не выдерживали. Конечно, на окраинах Империи, будь то Иудея, Самария или Египет, порядка было поменьше, чем в столицах, что в Шушане, что в Экбатане, что в Пасаргаде, и уж, конечно же, в главной из столиц – Персеполе. Но и не такой уж хаос творился в дальних сатрапиях, чтобы туда не дотянулись руки слуг царя царей с тем, чтобы приводить девиц на царское ложе. Другое дело, что не желая оказаться в объятиях венценосного иноверца, дура могла срочно выскочить замуж, но это проще было сделать, не выезжая из Суз, где евреев, к сожалению всех присутствующих, было предостаточно. Ну, а добраться незамеченной из центра Страны стран до ее границ, было вовсе нереально, да еще на просторах, кишасших разбойниками, сохранить жизнь, не говоря уже про девственность. Кто-то из чиновников, с которыми удалось пообщаться Сукайе, высказал предположение, что ее забрали-таки в царский дворец на высочайшую проверку. Но в таком случае, куда она делась? Ведь все девушки, собранные по разным сатрапиям в местные царские АПАДАНЫ, а затем свезенные в Шушан, были со временем возвращены по домам, а царицей была объявлена красавица Эстер. Куда же делась Хадасса?

– На всякий случай, – глотнув пива, продолжил Сукайя, незаметно для поглощенного его рассказом Харбоны усевшийся на стул, – я отправился к Хегаю, который в те времена заведовал набором и отбором девиц, и, предъявив ваше послание, испросил разрешения заглянуть в архив тех времен и поглядеть все списки и прочие документы, касающиеся отбора невест. Я поначалу решил, что евнух сам то ли еврей, то ли чересчур... э-э-э... положительно, что ли, относится к этому племени. То есть, когда я сказал, что ищу некую еврейку, он как-то занервничал, стал спрашивать, зачем мне это надо, затем сослаться на занятость, на то, что у него сегодня аудиенция во дворце и ему нужно к ней готовиться. И вдруг вижу, у него капельки пота по лбу, как роса летней порой. Ну, думаю, это неспроста! Чего это ты испугался, дорогой? «Помогите мне, – мысленно говорю, – Мардук и Иштар! Ведь один неверный жест, и всё сорвется!» и хватаю его за капюшон-воротник, то бишь платок, которым он голову и шею обмотал. «А ну, – говорю, – сознавайся во всем! И учти – нам и так все известно, и судьба твоя зависит от твоих ответов». Говорю, а у самого поджилки трясутся – вот сейчас посмотрит невинными глазами и спросит: «О чем это вы, господин исполнитель особых поручений?» Что мне тогда делать?! Но нет, эта туша с бабьим лицом возьми да и бухнись мне в ноги. «Прости, – говорит, – на денежки польстился! Ее двоюродный брат, иудей Мордехай, глава евреев, предложил мне тогда две мины и два шекеля серебра⁹ за то, чтобы я все ее документы изъял и провел ее под другим именем».

⁹ Два шекеля серебра – 1, 019 кг.

– Зачем ему это нужно было? – не выдержал Харбона.

Кудурру, который на этом самом месте шесть часов назад издал тот же возглас, лишь усмехнулся в бороду, по которой текли струйки пива – густой вавилонской *сикеры*.

– А затем и нужно, – махнул рукой Сукайя, – чтобы не захотел царь царей приближаться к красотке. Ну сам посуди, блистательный, может ли монарх жениться на девушке, происхождение которой окутано мраком.

– Может! – уверенно воскликнул Харбона. – Ведь женился же он в конце концов на другой девушке, Эстер, которая сирота и непонятно какого роду-племени.

Сукайя как-то загадочно посмотрел на начальника стражи и ничего не ответил.

– И потом, – продолжал Харбона, – когда его величество узнал бы, что она еврейка...

– ...Ничего бы не было, – вставил Кудурру, – Царь царей постоянно подчеркивает равенство всех народов и вер, входящих в Империю, а лично ему безразлично, кому поклоняется женщина, были бы бедра у нее достаточно широки.

Харбона невольно взглянул туда, где чернел арочный вход в галерею и поморщился. Хотя Табия все эти годы не демонстрировал ничего, кроме преданности, Харбоне не хотелось бы, чтобы его собеседники в присутствии Табии говорили о царе в таком тоне, но он не стал одергивать Сукайю, лишь вяло возразил:

– Ну, не знаю... Одно дело просто женщина, а другое – жена.

– О, – поднял палец Сукайя, – в этом-то все и дело! Хадасса не просто девушка, не просто еврейка! Среди ее предков затесался Шими бен Киш, ближайший родственник Шауля – первого из еврейских царей. Так что наша плутовка сама царского рода. А вы, господа, знаете, что основные колебания по поводу того, стоит ли расставаться с царицей Вашти после ее грубой выходки, были связаны с тем, что покойная являлась внучкой вавилонского царя Навуходоносора.

– Правнучкой, – машинально поправил его Харбона.

– Виноват, правнучкой, – почтительно склонившись, признал Сукайя. – И вот теперь вставал вопрос – кто придет на смену ей? Простолюдинка? Местная аристократка? Девушки, ведущие свой род от монархов, на улице не валяются. Еврейская принцесса, дочь одного из основателей прославленного царства, чьи границы дотягивались до самого Евфрата, могла бы оказаться замечательным выходом из положения.

– А почему же Мордехай этого не захотел?

Сукайя и Кудурру почти что хором расхохотались.

– Да евреи они, вот почему! И мы для них не люди! И любой еврей

предпочтет, чтобы его дочь, будь она трижды принцесса, вышла замуж за раба, но еврея, чем за царя царей, но чужака.

– Гм... Пожалуй, – согласился Харбона. – Что ж, осталось выяснить три вопроса. Во-первых, под каким именем укрылась эта Хадасса, во-вторых, где она все-таки пребывает сейчас, и в-третьих, что такого страшного и ужасного во всей этой истории – я имею в виду твое странное заявление о том, что лучше бы нам не знать, где Хадасса.

– Что ж, – задумчиво произнес Сукайя, закинув голову и разглядывая потолок, с которого смотрели вырезанные по камню орлы с бородатыми человеческими лицами и распластанные львы, и пантеры. – Я отвечу на первый вопрос, и необходимость отвечать на два следующих, думается, отпадет сама собой. Какое имя взяла Хадасса, чтобы скрыть свое происхождение? Короткое. И он назвал имя. Это было страшнее всего.

– Да нет же, клянусь Бэлом и Набу! – горячо уверял Аман своих советников, друзей и домочадцев. – То, что сегодня произошло, было лишь нелепой случайностью! И не потому царь четырех стран света Ахашверош, да продлятся дни его, заставил меня вести под узцы коня, на коем восседал... – Аман зажмурился, скривился и скорбно выдохнул, – Мордехай-еврей...

Помолчал и закончил: – ...что счел клеветой мои обвинения в адрес сего зловредного Мордехая. Да собственно, никаких обвинений и не было – я ведь и рта раскрыть не успел, как царь задал мне вопрос – что сделать мужу тому, коего почтить царь желает.

Витиеватая речь, некогда, после бунта строптивой царицы Вашти, снискавшая Аману столь большой успех в Царском совете, сейчас действовала на присутствующих усыпляюще. Не то, чтобы обстановка располагала к дремоте. Во-первых, в зале было светло благодаря обилию факелов. Во-вторых, все стояли, за исключением находившегося за день Амана, который впечатался в стул, поместив короткие ножки на скамеечку из черного дерева, инкрустированную слоновой костью. И тем не менее, то тут, то там можно было видеть, как над очередной коротко подстриженной круглой бородой веки опускаются... опускаются... и р-раз! Сомкнулись!

– Я-то, – продолжал Аман, – в простоте душевной сказал в сердце своем: – Кому пожелает царь содейть почесть большую, чем мне?»

Эта фраза, действительно полная простодушия, граничащего с идиотизмом, разбудила всех до одного, и в коротких круглых бородах засверкали плохо спрятанные насмешливые улыбки, а Зереш, супруга блистательного, ничего и никого не стесняясь, громко захохотала.

– Ну, я, – ничуть не смущаясь, продолжал Аман, – я и ответил: «Муж,

когого царь многих княжеств, царь великий, царь могучий почтить желает... Гм... Да одно лишь желание царское есть величайшая слава и почеть».

«Хитроумен, – подумали все. – Не так-то прост!»

– Но коль скоро царь четырех стран света спрашивает, отвечу: надлежит возвестить, что это есть муж, чьей славы возжелал царь, а превыше сего нет ничего. А посему пусть доставят облачение царское, в которое облачался царь, и коня, на коем верхом ездил царь...»

И Аман рассказал едва ли не слово в слово историю, поведенную утром продажным Аппуашу Харбоне, завершив ее описанием своего шествия в роли Мордехаяева слуги и глашатая, да еще восклицающего: «Так делают мужу тому, почтить коего царь возжелал!»

– Вот и все, – закончил он свое повествование, ожидая всеобщего вздоха облегчения, мол, ну ладно, было и прошло. Но вздоха облегчения не последовало. Все – и друзья, и мудрецы, и домочадцы и Зереш – особенно Зереш! – смотрели тревожно и мрачно. Глядя из ниши, где он уселся на каменную приступку, Харбона увидел, как те, что стояли поодаль, тенью скользнули к выходу, прозорливо сочтя, что сегодняшняя близость к ныне всесильному министру может завтра стать поводом к опале. Первым заговорил вавилонский банкир Итти-мардук-балату, старый друг главного министра.

– Плохо дело, – объявил он. – Этот еврей теперь – царский любимец.

– Но это же временно... – как бы оправдывался Аман, трясая от волнения ушастью головой.

– Любимцем трудно стать, – поддержал банкира маг Набу-зер-укин, – еще труднее перестать им быть.

– Но я ведь тоже любимец! – возопил Аман.

Все молчали. Все молча смотрели. И во всех взглядах Аман читал одно и то же – «бывший».

Подытожила Зереш:

– Если, – молвила она, – из племени иудеев Мордехай, пред кем ты начал падать, то тебе не одолеть его. Падешь ты, падешь пред ним.

И тут Аман, коротконогий Аман, ушастый Аман, проявил воистину чудеса духа. Он гордо поднял глаза, обвел мужественным взором публику и твердо сказал:

– Ну и пусть. Пусть я погибну. Зато хоть сколько-то врагов уничтожить успею.

Когда зала опустела и даже Зереш удалилась, и лишь всесильный глава государства с видом человека, которому лекари сообщили о неизлечимой болезни, остался стоять посреди залы, залитой светом факелов, из ниши вышел Харбона. Даже в свете факелов казалось, что

тьма, в которой он так долго находился, впиталась в него. Возможно, так оно и было.

– Харбона, – грустно сказал главный министр, – ты здесь тоже находился все это время?

– С тех пор, как наш блистательный главный министр изволил впустить в эту залу друзей, мудрецов и домочадцев.

– «Друзья! Мудрецы! Домочадцы!» – с презрением передразнил Аман и уши его задрожали. – Неужели ты с ними согласен, Харбона?

– Увы, о блистательный! – сокрушенно сказал Харбона. – Я бы рад был не согласиться, но... похоже, евреи в очередной раз выкрутились, и теперь не их губить надо, а шкуру свою спасать!

– Харбона! – возмутился Аман.

– Да, я Харбона! – вдруг резко заговорил начальник городской стражи. – Я Харбона, но я уроженец Шхема, а не амалекитянин. При всем уважении к великому министру я жить хочу!

– Но Харбона, – возопил Аман. – Нас с тобой пока что, слава Бэлу и Набу, никто не собирается убивать. Я еще возглавляю правительство, я вхож к царю множеств, любимцу богов Ахашверошу, я сегодня пировал с ним и прелестной царицей Эстер...

– Ну, если с самой царицей... – иронически восторгнулся Харбона, поглядывая на торчащую из-за стены внутреннего двора виселицу высотой в пятьдесят локтей. Виселицу эту по приказу Амана строили всю предыдущую ночь, и предназначалась она лично для Мордехая.

– А чем тебе не нравится царица?! – запальчиво крикнул Аман.

– Да нет, – задумчиво ответил Харбона. – Как мне может не нравиться царица? Да будет ведомо достопочтенному Аману... – Харбона не только резко перевел разговор на другую тему, но и столь же резко изменил стиль речи, – что мы денно и ночью работаем над составлением списков сынов и дочерей проклятого богами народа и достигли значительных успехов. Так, в Шошане мы составили полный список проживающих здесь иудеев вместе с адресами. Всех, за исключением юной еврейки по имени Хадасса, двоюродной сестры господина Мордехая, для которого вчера блистательный Аман изготовил столь почетный постамент... – Харбона указал на чернеющую в темноте гигантскую виселицу. – Девица сия исчезла аккурат в те дни, когда по всей гигантской империи собирали девушек, дабы повелитель четырех стран света, великий царь Ахашверош, остановил на одной из них свой выбор и осчастливил, обратив ее в царицу. В списках, составленных исполнителем особых поручений евнухом Хегаем, никакая Хадасса, впрочем, не значится. Зато имеется протокол, – он потряс пергаментным свитком, – из коего явствует, что некая молодая уроженка города Шошан, отказалась отвечать на

вопросы о ее происхождении и родне. Тем не менее, волею царя она была приведена в Голубой покой.

Голубым покоем называлась одна из спален Ахашвероша, стены которой были обтянуты белым льном, тканью узорчатой и синеватой. В прочих спальнях он, как правило, почивал в одиночку, а в этой любил принимать женщин.

Аман, прищурившись, посмотрел на начальника стражи. Похоже, он кое-что начинал понимать. А тот продолжал:

– Так что найти Хадассу нам не удалось...

– Как не удалось? – возмутился Аман, забыв на мгновение о своих собственных бедах. – Как это не удалось? Ты помнишь мое повеление? Всех до одного! Чтобы не получилась неудача, подобная той, что у самих евреев вышла с моими предками! Тогда их царь Шауль моему прапрадеду дал еще одну ночь пожить, а тут как раз служанка подвернулась, и вот, пожалуйста, я перед вами! А у тебя бесследно исчезла женщина! Целое, можно сказать, чрево...

– Я прошу у блистательного дозволения продолжить. Так вот, найти Хадассу нам не удалось. Но удалось найти ее портрет. Всезнающему Аману, конечно, ведомо, что евреи избегают изображать все живое. Вместе с тем они позволяют художникам-иноверцам писать их портреты. Что касается Хадассы, то ее портрет писала женщина, знаменитая Гигитум. Вот он.

Харбона быстрыми шагами пересек залу, залитую светом факелов, нырнул в черную нишу и вновь появился, сжимая в руках плоский прямоугольный предмет в красивом кожаном чехле.

– Да обратит свой взор блистательный Аман!.. – произнес Харбона и, опустившись на одно колено, протянул предмет Главному министру. Тот принял его из рук Начальника городской охраны и прочел надпись на чехле, сделанную изящными арамейскими буквами: «Портрет Хадассы из рода Шими, сына Киша. Написано рукой Гигитум-художницы». Харбона помог Аману вытащить из чехла дощечку из эбенового дерева, прочного, не подверженного гниению и не склонного к растрескиванию. Едва Аман взглянул на дощечку, его глаза остекленели, челюсть отвисла, а уши, казалось, стали еще больше. Он устремил на поднявшегося с колен Харбону взгляд даже не вопрошающий, а прямо-таки умоляющий: «Ну скажи, что это неправда, что это кошмарный сон, что я вот-вот проснусь!»

– Да, – сказал неумолимый Харбона. – Хадасса стала царицей Эстер!

– Это невозможно! – прошептал Аман.

– Это так, – подтвердил Харбона. – Царица еврейка. И чтобы исчезли всякие сомнения, блистательный может посмотреть полученный мной сегодня через моих людей у старого евнуха Хегая протокол беседы с ней

в те времена, беседы, во время которой она отказывается сообщить хоть что-либо о своем происхождении.

– Если открыть Ахашверошу глаза... – пробормотал Аман, с перепугу забывая сдобрить царское имя набором титулов.

– То он будет счастлив, – закончил Харбона. – Пусть мудрый Аман не строит иллюзий насчет повелителя четырех стран света – увы, он перс, а не амалекитянин, и к евреям относится так же, как к персам, вавилонянам, ассирийцам и всем прочим – ведь нам до сих пор приходится скрывать от него, кого мы собираемся истреблять в пятнадцатый день месяца Адар. А вот узнав, что девица без роду-племени, которую он несколько лет назад взял в жены и произвел в царицы, сама является наследницей царского рода... – да-да, о блистательный, она происходит от Киша, отца еврейского царя Шауля...

– Того самого, который истребил весь наш народ, кроме моего предка Агага, убитого сутки спустя их шаманом Шмуэлем! – вновь перешел на шепот Аман.

– Что ж, уважение подданных лишь возрастет.

– Вашти была внучкой Навуходоносора, – с надеждой произнес Аман.

– Это не помогло ей, а скорее, помешало.

– Мне кажется, – вкрадчиво сказал Харбона, – нам сейчас следует думать не о превратностях судьбы царских сожительниц, а о том, как самим выпутаться из этой истории. Мы не можем отменить приказ, подписанный самим царем и выполнить его тем более не можем.

– Почему не можем выполнить? – удивился Аман.

– То есть как «почему»? – Харбона растерялся. – Да ведь сама царица...

– Ты ведь сам говоришь – царский приказ отменить нельзя...

А значит, отряды, которые мы сколотили, никто не распустит и не разгонит, и в пятнадцатый день месяца Адар мы начнем действовать, как и было намечено. Все, чего сможет добиться царица Эстер, да будет она проклята!.. – Харбона при этих словах вздрогнул, – отчаянный Аман даже не понизил голоса. – Это того, что войскам будет приказано помогать не нам, а евреям.

– Но ведь они же перебьют нас всех до единого! – вскричал Харбона.

– Вероятно, – согласился Аман. – Зато сколько евреев мы успеем до тех пор уничтожить!

Харбона взглянул на Амана. Тот был воистину велик в это мгновение. Расправив узкие плечи, он сжимал в руках портрет царицы Эстер так, будто готов был броситься с ним в атаку. Глаза его горели. Зубы были стиснуты. Во всем его облике сквозила готовность умереть, но совершить задуманное. Харбона почувствовал, как у него по спине струится пот.

Голова кружилась. Он ощущал себя на краю огромной воронки, на дне которой шевелила гигантскими челюстями неотвратимая гибель. Он чувствовал, как сползает в эту воронку навстречу дрожащим от нетерпения челюстям, и не за что зацепиться, и не во что упереться ногами. Этот безумец готов умереть и послать на смерть тысячи и тысячи. Но он, Харбона, умирать не хочет. И он должен сейчас об этом объявить.

– Я не согласен, – тихо произнес Харбона.

Аман посмотрел на него с изумлением. Это насекомое смеет ему противоречить?

– Я не согласен, – твердо повторил Харбона. – Я не буду в этом участвовать. Я хочу жить.

Интересно, что предпримет против него Аман? Ведь Харбона всегда может прибегнуть к защите царицы! Правда, придется сознаваться, что сам участвовал в заговоре. Ну что ж, у него уже наготове отмыкающие сердце повелителя слова «но когда я узнал, что наша блистательная царица принадлежит к сему великому народу»... Главное, и лгать почти не надо. Сейчас только бы из дома Амана живым выбраться.

Самое удивительное, что Аман не проявил никаких признаков гнева. Он внимательно посмотрел в лицо Харбоне и спокойно сказал:

– Ладно. Ты останешься жив. Ты останешься жив и продолжишь мое дело. Сегодня, когда я отправлюсь на пир, ты иди следом. Царица, говоришь? Сегодня этой царице придет конец! Сам погибну, но одной иудейкой станет меньше.

Где-то в галерее дворца послышался шум. Мужские хорошо поставленные голоса что-то громко вещали. Различно было лишь одно время от времени повторяемое слово – «Аман! Аман!»

– Это за мной, – скороговоркой забормотал Аман. – Сейчас на пир поведут.

Он перешел на шепот:

– Спрячься в переходе неподалеку от залы, где мы будем пировать. Ахашверош имеет привычку во время пиров выходить в сад и там прогуливаться. Как только он выйдет и скроется из глаз, сразу заходи внутрь. А я...

В это время дверь в залу распахнулась, и появились слуги Ахашвероша.

«С пира все началось, пиром все и заканчивается, – подумал Харбона, прикладывая ухо к трещинке в стене, которую недавно заботливые руки Амановых слуг расширили до размеров слухового окошка. – Только тот пир, на котором царица Вашти отказалась предстать перед царем, что

привело к ее гибели и возвышению с одной стороны Эстер, а с другой стороны Амана, был порошнее этого. «*Тикта*» назывался он, что означает «отличный». Присутствовало – Харбона по роду службы точно помнил – шесть тысяч пятьсот семьдесят четыре человека. Украшения, кубки, ложа, на которых возлежали гости – все сверкало серебром и золотом. На столы подавали свиней, быков и баранов, зажаренных целиком. В этот день единственный раз жители Суз увидели Царя Царей, Повелителя вселенной и любимца богов с умощенными волосами. Длилось же пиршество сто восемьдесят дней.

А сейчас все было скромненько. На мраморном полу, расчерченном на черные, желтые, красные и белые квадраты, высились три отделанных бирюзой и сердоликом ложа, на которых возлежали Аман, Ахашверош и Эстер. Трудность заключалась в том, что стены в *Аладане* были очень толстыми, и, когда он смотрел в широкую щель, то практически ничего не слышал. Приходилось прикладывать к окошку попеременно то глаз, то ухо.

А потом и вовсе пришлось нырнуть за колонну да прикрыться свисающим со стены ковром, на котором был выткан свирепый единорог с телом быка, покорно припадающий к стопам обнаженной девственницы. Ибо мимо шел часовой, и, хотя считалось, что является этот часовой его, Харбона, подчиненным, но между ними на служебной лестнице был еще посредник в лице Начальника дворцовой стражи, который, подними стражник крик, дескать, блистательный Харбона подслушивает беседы еще более блистательного Царя Царей, немедленно использовал бы это, дабы занять уютное место Начальника городской стражи, предоставив предыдущему обитателю его куда менее уютное место где-нибудь на колу. Когда шаги стихли в дальних переходах *Аладаны*, Харбона поспешил на свой наблюдательный пункт, опасаясь, что пропустит самое важное. А в том, что оно сегодня будет, он не сомневался – вся империя кишела слухами о грядущем истреблении иудеев, и можно было не сомневаться, что до царицы Хадассы-Эстер тоже дошли эти слухи. А раз так, для чего еще она могла пригласить Амана на пир, как не для того, чтобы на этом пиру натравить на него Царя царей? Такой опытный царедворец, как Аман, не мог не понять этого в то самое мгновение, когда ему сообщили, что Эстер – иудейка, и должен был бы те минуты, которые ему отпустил *Зерван* прежде, чем за ним явятся слуги царя, использовать для того, чтобы пуститься в бег. А вместо этого он...

Что происходит с Царем царей? Как это в общем-то худое лицо умудрилось расплыться, точно полная луна? Он ведь уже восемь лет женат на проклятой еврейке, он еще недавно по несколько недель не принимал ее у себя – откуда же этот влюбленный взгляд, откуда же – Харбона приложил к окошку ухо – это слюнявое «Проси, Эстер, что хочешь! Хоть половину царства!»?

Женский голос зазвенел в тиши резко, как тончайшая из натянутых струн.

– Если Повелителю угодно...

Глубокий вдох. Всё. Решилась.

– ...пусть он сохранит жизнь мне и моему народу.

Вот оно. Харбона напрягся изо всех сил. Он не смотрел, он слушал, но при этом живо представил себе, как и без того всегда горящие холерическим блеском глаза Ахашвероша, еще ярче засверкали в глубоких глазницах, словно факелы в пещерах, а крохотные глазки Амана от ужаса выпучились и заняли чуть ли не половину побелевшего лица.

– Ибо я и народ мой проданы...

Струна звенела все выше.

– ...на истребление, на убийство и на уничтожение.

И это трижды повторенное, в сущности, одно и то же усилило воздействие ее слов не в три, а в триста тридцать три тысячи раз. Так что прозвучавшее вслед за тем верноподданное «если бы нас продали в рабство, я бы смолчала, ибо ради Повелителя моего...» уже ничего не прибавило к полной победе. Наступила тишина. Харбона заглянул в щель, и увидел, что долговязый царь навис над женой и, воздевая руки, что-то у нее спрашивает, а Аман, отчаянно подмигивает, смотрит прямо на него, на Харбону, словно видит, что тот подглядывает.

Харбона опять прижал ухо к трещине.

– Кто он?! Где он?! – рычал Ахашверош. – Покажи мне его! Покажи мне его! Покажи мне его!

Когда, в полном соответствии с предсказанием Амана, разъяренный Ахашверош, слегка пришаркивая толстыми подошвами кожаных башмаков, дабы слегка остыть, прошагал в сад мимо ковра, за которым скрывался Харбона, последний бросился в залу, как и было договорено. Но стоило ему с усилием отворить тяжелую дверь, как разучившийся, казалось, за последние сутки изумляться, Харбона застыл, потрясенный. Эстер уже на своем ложе не возлежала, а просто лежала. А рядом лежал Аман, скрутивший ее и зажимающий ей рот. На полу валялась сорванная кружевная накидка с золотой вышивкой.

– Скорее, – забормотал Аман. – Я ее подержу, а ты стаскивай платье! А потом аккуратно развесь на стуле! И диадему не забудь на мраморный столик положить! И быстро зови царя и кричи, что ты застал нас в объятиях друг друга! Он нас казнит, но озлится на Эстер и указа об уничтожении иудеев отменять не будет. И ты доделаешь мое дело. А-а-а! – воплем

закончил он свои инструкции, потому что Эстер впилась острыми зубками ему в палец. Привыкший повиноваться всесильному министру, Харбона потянулся было к задравшемуся отделанному розовой каймой подолу вышитого шелкового платья царицы, но тут же отдернул руку. Аман потомок Амалека. Этим сказано все. У него просто нет выбора. Он посвятил жизнь борьбе с евреями и идет до конца. Он отдал все свое богатство, которое скапливал десятилетиями, на снаряжение боевых отрядов, которые под командой Харбоны должны были уничтожить евреев. А что делать Харбоне? Что, если в тот момент, как он будет стаскивать с Эстер платье, в залу войдет Ахашверош?

Решение было принято за доли секунды. Сжав кулаки, Харбона с криком «На помощь!» бросился на Амана.

«Негодяй! – думал Ахашверош, шагая впереди остальных по коридору мимо ковра с единорогом и девственницей. – Мало того, что пытался мою жену вместе с ее народом уничтожить, так еще ее прямо во дворце силою обесчестить пытался».

«Значит, Харбона меня предал, – думал Аман, шагая по коридору мимо ковра с единорогом и девственницей. – Похоже, моя жертва оказалась напрасной. Кто же теперь их передает?»

«Какой молодец этот Харбона! – думала Эстер, шагая по коридору мимо ковра с единорогом и девственницей. – Мне все казалось, он меня ненавидит, а он жизнь спас... и мне, и нам всем».

«Если начнется следствие, то все пропало, – думал Харбона, шагая по коридору мимо ковра с единорогом и девственницей. – Как бы это заткнуть ему рот прежде, чем он поведает царю о том, что я был его правой рукой?»

«Поспать бы!» – хором думали стражники, которые вели Амана по коридору мимо ковра с единорогом и девственницей.

Единорог и девственница ни о чем не думали. Просто смотрели.

– О царь! – возопил Аман, вырываясь из рук стражников и протягивая собственные руки к Ахашверошу. – Взываю к твоей справедливости! Прошу честного суда!

«Ага, – подумал Харбона, – суда, во время которого ты всех нас, и меня в первую очередь, выдашь с головой. Нет, дружище! Надобно тебя опередить!»

– О великий властитель, – воскликнул он. – О каком еще суде толкует сей убийца и насильник? У него ведь далеко идущие планы. Не далее, как три часа назад мне стало известно, что построил он у себя во дворе виселицу высотой в пятьдесят локтей, чтобы повесить благородного Мордехая, который, как известно, спас жизнь великому повелителю, и

которому, как известно, по приказу великого повелителя были возданы особые почести. Собственно, с сообщением об этом я и спешил к царю царей, когда и застал столь непотребную сцену. И еще к вопросу о «честном суде», – царедворец Харбона все более и более распалялся, – говорил он, что ничего не боится, ибо на суде всегда вывернется, а без суда великий Царь царей, любимец Бэла-Мардука и Иштар, не изволит его казнить, поелику...

Тут Харбона замолчал.

– Почему не изволю? Ну! Отвечай же! – сгорая от нетерпения, закричал царь Ахашверош, останавливаясь у колонны высотой в сорок локтей, украшенной капителью с изображением бычьей головы.

– Не смею... – потупившись, прошептал Харбона.

– Я повелеваю! – капризно взвизгнул монарх, неслышно топая обутой в кожаный сапожок ногой.

– Он сказал... – выдавил Харбона. – Он сказал... он сказал, что казнить его без суда у великого Царя царей духу не хватит. Он сказал: «Как-никак не Навуходоносор! Всего лишь Ахашверош».

– Ах, вот как?! – заорал царь. – Повесить его немедленно на той самой виселице, которую он приготовил для благородного Мордехая!

Что и требовалось доказать.

В тот день, начавшийся бессонной ночью, конца которой так и не увидел Аман, Харбона, покончив с делами, зашел ко вдове Амана. Рыдающая Зереш не знала о роли, которую Начальник городской стражи сыграл в судьбе ее покойного мужа, и, удивившись его мужеству, что не побоялся войти в опальный дом, одарила Харбону взглядом, исполненным благодарности. Харбона отказался от любых угощений и попросил провести его во двор, где Аман взошел на свою последнюю вершину. Старший из сыновей, Паршандата, с маленькими, как у отца, глазками и крючковатым, как у матери, носом, распахнул перед Харбоной ворота во внутренний двор и негромко произнес:

– Все равно мы победим! Под вашим руководством.

Харбона ничего не ответил, а сам подумал, что Паршандата и девять его братьев на очереди. Потом он поднял голову. Аман чернел в вышине маленький и жалкий, похожий на куколку на ниточках, вроде тех, с которыми играют дети и выступают бродячие актеры. Но нет! На самом деле при всей своей внешней нелепости покойный главный министр был велик. Он шел до конца, он боролся до конца, и проигрыш его был величественнее, чем у иных бывает победа.

– Прости меня, Аман, – прошептал Харбона, когда Паршандата оставил

его одного под виселицей. — Прости меня за то, что... за то, что... за то, что я не амалекитянин. Прости меня за то, что я слишком люблю жизнь и не готов жертвовать ею ради уничтожения ненавистного племени! Прости меня за то, что я сорвал весь наш грандиозный план спасения человечества! Да, я предатель, но увы, Аман, мир состоит из предателей. Какая-то высшая сила заставляет даже тех, кто их ненавидит по самым разным причинам, приходить к ним на помощь. Именно поэтому евреи, несмотря на ненависть со всех сторон, всегда выплывают, выживают, побеждают! Они бессмертны! Наше дело не может победить ни сегодня, ни через сто лет, ни через тысячу! Слишком мало в мире тех, кто готовы идти до конца! Слишком мало тех, кто все готов поставить на карту! Слишком мало в мире аманов!

Ключ в замке повернулся, и голоса зазвучали все глуше и глуше, удаляясь от опустевшей запертой синагоги. Только один задержавшийся почему-то прихожанин еще долго распевал под окном:

«Харбону, Харбону
Харбону помянем добром!
«Харбону, Харбону
Харбону помянем добром!...»

В окно потянуло табачным дымом, Харбона ненавидел эту вонь — пародию на воскурения его времен.

Наступила тишина. Харбона прошелся по синагоге, поднялся на возвышение, где читают Тору, затем спустился по обитым войлоком ступенькам и плюхнулся на сиденье. Крикнул: «Мордехай!» и застучал ногами. Крикнул: «Эстер!» и в ярости засвистел. И крики, и свист, и топот как-то жалко, сиротливо звучали в пустом помещении. Харбона задумчиво проплыл сквозь стену, потоптался на пороге и взмыл туда, где на востоке черная туча обволакивала полную луну. Улицы были пусты. Жители сидели за праздничными столами и праздновали День чудесного спасения. Дул восточный ветер.

Святыми далями дышу...

Благодарить творца посмею,
Чтоб подтвердить: пред ним в долгу.
О прошлом вовсе не жалею,
Кого люблю – о том радею,
Святой землёй переболею,
А Родиною – не смогу!

Святыми далями дышу,
Святым настоем.
Уже почти и не спешу,
Да и не стоит.
Ну, а куда спешить, скажи?
Я отспешился.
Вдали остались миражи –
К ним не решился.

Святой землёй не бредил я.
Само собою
Всё разрешилось так, друзья...
И я не скрою,
Что поначалу я не мог
Себе представить
Тот магнетизм святых дорог,
Который править
Судьбою может... И всерьёз,
А не на время.
Душевный шок я перенёс
Вместе со всеми.

Я убеждён, что мысль моя верна.
На то есть подтверждение Бога,
Что мест для проживания много,
А Родина у нас одна.

А меня и не спросили,
Сыт ли я, живу ль в тепле...
Я здесь – зёрнышко России
На Святой – для всех – Земле.

А сердце под сурдинку
всё ноет по былому,
И дышится с трудом мне –
перед дождём, поди...
Как будто я в станице,
у старенького дома,
Слезоточить сквозь крышу
он норовил в дожди.
Но я любил свой домик
любовью селянина –
И ставеньки со скрипом,
пристроенный навес...
Любил его безмерно,
любил любовью сына,
Как будто бы тогда в меня
любви вселился бес.

Суету всю не выразить словом...
Перед хатой орех, словно гриб...
И калитка с железным засовом,
И зелёненькой ставеньки скрип.
Дни былого, во мне возрождаясь,
Ностальгируют, в юность зовут...
Каждый раз всё сильнее убеждаюсь:
С малой родиной в сердце живу.

Всё мне чудится берег, мой дом,
Где затеряна даль в ковылях,
Где берёза стоит под окном
На изогнутых двух костылях.

Часто слушал её я тайком,
Сберегая секреты, как мог:

Мне берёзовый шёпот знаком,
Он предвестник волнений, тревог.

Без претензий я жил, без обид
И без суетных всяких интриг.
Мне листва нашептала: «Люби!
Но в любви впопыхах не сгори!»

Грусть осенних тополей,
Звонница церквушки древней...
Людям в городе теплей,
Мне ж уютнее в деревне.
Не в деревне, а в станице,
Не найти её родней,
Мне бы надо повиниться
Честно, искренне пред ней.
Повиниться, что я редко
Гостем был в краю родном:
Рифмы, суета, соседка...
Помолюсь я перед сном.

Ароматом цветущих акаций
Я пропитан на несколько лет.
Но в себе не могу разобраться,
Не под силу осмыслить всё, нет.

Я под вербой густой над Кубанью
Слушал шёпот проснувшихся волн,
Приходил туда раннею ранью,
Чтобы чувствовать радости звон.

Здесь, на Ближнем востоке, не волен
Сбросить грузы прошедшего с плеч:
Я берёзовой памятью болен
И здоров ожиданием встреч.

Всё это явь, всё здесь не сон.
Но кто поверит?

Святые камни, небосклон,
Святой Кинерет.
Святых могил святой покой –
Свежо преданье.
И я, взволнованный такой,
Как на свиданье.

Как облаков ленивый бег,
Кинерета течение вяло.
Я, кажется, один из тех,
По ком рыбалка тосковала.
Бегу туда, где раньше был,
Где волны прыгали по звёздам,
Где рыбку с рифмами ловил –
Тогда рюкзак был счастья полный.
За всё судьбу благодарю:
За строфы, рифмы и пейзажи,
За клёв и ветерок в зарю
И за жены ворчанье даже.

Галилейский апрель. На душе потеплело.
И мимозное золото взоры магнитит.
Я весной занятой: до всего есть мне дело.
Я назойлив весной, извините.

И Кинерет, сединами волн потрясая,
Вновь настойчиво манит меня.
На манок я слабак. Понимаю и каюсь,
И бреду, свою слабость кляня.

Обниму рябину я
и взгрустну слегка,
Что надежда – длинная,
радость – коротка,
Что любовь порушена...
Но в ночи кричу:
«Я для милой суженой
горы сворочу.
Хваткою станичную

разгоню туман,
Чувства – дело личное,
часто и обман».
Их я не напрасно
сдерживаю еле...
У рябины красной
щёки заалели.
Обниму рябину,
сердцем пламя чужа...
Или всё ж берёзку,
как жену чужую?

Не напрасно, пойми, столько вёсен подряд
Я им брежу, душой молодея.
Подарю я берёзовый белый наряд
Тебе в день твоего юбилея.

Я берёзовой ранью к тебе прилечу
И берёзовым счастьем с тобою
Поделиться сердечно, душевно хочу,
А за верность берёз я спокоен.

Мы берёзовым лесом ступаем в зарю,
И она к нам стремится, целуя...
А улыбку её я тебе подарю
И любовь, бесконечно земную.

Клянусь бессонницей глубокой
И мелководьем сна:
Очаровал твой чёрный локон
И глаз голубизна.
Люблю твой тихий нрав и голос,
Звучащий нараспев.
К слезинкам, чья прелестна морось,
Привыкнуть не успел.
За нежность женскую без позы,
За сердца доброту,
За сладость той последней дозы,
Вот именно – за ту.

Когда вчера я с удочкой
Бежал на свой причал,
На тверианской улочке
Тебя я повстречал.
Откуда ты в такую рань
В судьбу мою вплелась?
Мой ангел, сердце не порань
Мне блеском этих глаз.

Теперь я каждый день бегу
С надеждой на улов...
Иглу не отыскать в стогу
И не найти двух слов.
Двух слов нежнейших, как родник,
А можно и без слов...
Как важен в жизни встречи миг –
Важнее всех основ.

Какой я всё-таки чудак!
Любимая, прости,
Что слова главного никак
Не мог произнести.

Смягчает души мягкий знак
В том слове, не секрет...
Какой я всё-таки чудак:
Сердечней слова нет.

Перед тобою я в долгу,
Твой каждый взгляд ловлю...
Признаюсь: больше не могу –
Я так тебя люблю!

Губы помнят маки-губы,
А щека – щеки тепло...
Неужели всё на убыль?
Неужели всё прошло?

Нет, не верю, быть не может!
Согласиться нету сил.
А в висках одно и то же:
«Помню, помню, не забыл!»

Не забыл я сердца стуки
И метания души...
Ну, возьмите на поруки:
Я ж любил, а не грешил!

Ах, эти яблоки на снегу!
Ах, этот снег слепящий!
Я без яблок твоих не могу,
Я без них не настоящий.

Я ласкаю их, нежно любя,
И боюсь невзначай потерять их.
Зацелую безбожно тебя,
Чтоб ты помнила искры объятий.

И алость губ, и блеск волос
Волнуют душу мне серьёзно.
Зачем, скажи-ка, довелось
Узнать тебя до боли поздно?

Твой взгляд пронзил меня насквозь –
На жалость вовсе нет намёка.
Зачем, скажи-ка, довелось
Мне не услышать зов порока?

О чём мечтал я – всё сбылось.
А повезло совсем немногим.
И мне, признаюсь, довелось
Счастливым быть в конце дороги.

Мне и надо совсем-то немного:
Чтобы мир был в дому и в стране,
Светофор зеленел у дороги,

Чтобы внуки спешили ко мне.
Чтоб удачливы были, здоровы
Все родные мои и друзья,
Тяжелы были рыбы уловы,
И легко на душе! Но нельзя,
Чтоб душевным напрасным расстройством
Омрачён был весь день без причин,
Чтоб безумство предстало геройством,
Обнажая пороки мужчин.

Чтобы мне не согнуть
В суматохе лживой,
Распрямлю я спину,
Натяну я жилы.
Непогодь осилю,
Ветер прекращу...
Дай, творец, мне силы –
Всё, о чём прошу!

Другие

Предисловие автора

Долгое время моя жена, дипломированный дефектолог, работала в учреждении для людей с ограниченными возможностями. Работа эта психологически совсем не простая. И для того, чтобы стряхнуть с души негатив, накопившийся за день, она мне вечером о событиях дня подробно рассказывала. Так, постепенно в голове стала накапливаться информация. Да и на улице я стал обращать внимание на то, что раньше автоматически пропускал. А когда информация начала постепенно превращаться в картинки, сел неспешно писать о том, что уже стало частью ежедневных моих размышлений. Так цикл «Другие» постепенно и образовался. Мир этих людей закрыт намертво. Чужим там нет места. Надеюсь, вы от меня узнаете много такого, о чем раньше даже не подозревали, инстинктивно отодвигаясь. Станете к этим людям относиться иначе, чем до этих пор¹⁰.

Кики

Его зовут Кики. Нет, Кики – это не настоящее имя. Так попугайчика звали, который жил в его комнате, еще когда он был маленький, еще когда родители были живы. Попугайчик умел говорить и по сто раз на дню произносил свое имя, вот он его и запомнил. Никаких других слов, к сожалению, больше так и не выучил.

Когда не стало родителей, и он вынужден был переселиться в дом для инвалидов, то по всякому поводу произносил, да и произносит, любимое слово – так оно к нему вместо имени и прилепилось.

Кики маленький, кругленький и почти как две капли воды похож на своих сородичей из племени даунов. Впрочем, мы японцев с китайцами тоже друг от друга не очень-то отличаем, но это я так...

Кики добрый. Улыбается целыми днями и готов всегда выполнить все, что бы ни попросили.

Кики трудолюбивый. Он работает в маленьком цехе, где собирает

¹⁰ Еще один рассказ Александра Крамера на эту тему – «Сергей» – принадлежит одновременно двум сериям и был опубликован ранее в Сонаре номер 20 в серии «Фрагменты немецкой жизни».

коробочки из заготовок картонных. Сто коробочек, двести коробочек в смену, а то и все триста. Неделями, месяцами, годами... Уму просто непостижимо, сколько это коробочек наберется за все эти годы, но его привели однажды сюда, посадили, показали, что надо делать – и он собирает.

Кики прилежный и аккуратный. Все, что нужно ему для работы, стоит у него на столе в строго определенном порядке; стоит хоть чуточку этот порядок нарушить, он тут же это заметит, тщательно все поправит и лишь после этого продолжит работать.

Кики собирает коробочки и ни на что почти не отвлекается. Разве что на пару минут, когда, например, бабочка в цех залетит или зайдет незнакомый кто, или... Впрочем, все достаточно однообразно, поводов для отвлечения не слишком-то много, а так иногда бывает приятно на что-нибудь переключиться, когда ты день за днем собираешь и собираешь одни и те же коробочки.

Периодически, раз, а то и два раза за день, коробочки эти Кики осточертевают, достают до печенок прямо. Тогда он внезапно срывает с себя очки, швыряет их на пол (благо, пол с мягким покрытием и стекла из пластика не разбиваются), затем, что есть силы, швыряет в пространство очередную коробочку и начинает вопить на одной единственной ноте: «Ай-яй-яй-яй-яяяй...». Замолкнет на секунду – и снова: «Ай-яй-яй-яй-яяяй...». И снова... И кулаками размахивает. И слезы текут по щекам.

Так кричит, бедолага, пока не устанет ужасно или пока, с ухищрениями всякими, на него снова не наденут очки. Тогда Кики стихает, сникает, голова опускается, и он задремывает на считанные минуты. Очнется и вновь, как ни в чем не бывало, начинает очередную коробочку складывать.

Мне однажды захотелось понять, что же это такое с ним происходит. Я нашел себе стол, принес ящики с заготовками и стал, как и Кики, из заготовок коробочки складывать. Какое-то время было мне даже и интересно: я старался работать как можно быстрее, точнее, даже соревнование сам с собою устроил. Но развлечением это оставалось недолго. Стало надоедать. И чем дальше, тем больше. И когда через неделю Кики заверещал в конце смены свое «ай-яй-яй», мне вдруг непреодолимо захотелось швырнуть все к чертовой матери и заорать вместе с ним – что есть силы. Больше я после этого на себе эксперименты не ставил.

До чего же хорошая штука – свобода выбора. Жаль, что Кики об этом никогда не узнает.

Лиза

Под каким только соусом не подают человека: и разумный он (homo

sapiens), и производящий (homo faber), и играющий (homo ludens), и общающийся (homo communicans)... Я тоже этим изобретательством заразился и хочу внести посильную лепту в настоящую классификацию. Предлагаю вам ввести в употребление разновидность: человек собирающий или коллекционирующий – homo congestus или homo collectionis, выбирайте, как больше нравится.

Добро бы еще всякими там бонистами, нумизматами, фалеристами и филуменистами все ограничивалось. Так нет же, ведь разную, честное слово, дрянь человеки безумные собирают! Какие-то баночки-скляночки, паровозы и автомобили, корабельные рынды и бачки унитазов, вазы ночные и телефонные карточки... Ведь вплоть до ксерофилии зараза эта распространяется.

Редко при этом кто из собирателей в средствах не ограничен. Оттого и идут они на всяческие ухищрения и даже бессовестности, чтобы коллекцию вожаемую малой – дармовой, то есть – кровью пополнить. И никакие методы при этом зазорными не считаются. Страсть, одним словом!

Лиза тоже из той же породы коллекционеров. И, как у всякого уважающего себя собирателя, были у нее свои тайные способы, свои маленькие секреты, без каких настоящую коллекцию собрать никому никогда не удастся.

Да, я забыл вам сказать, что Лиза говорит очень плохо, а читать и писать совсем не умеет. Зато умеет расписываться. Закорючку такую ставит – куда там министру! А живет Лизавета на полном государственном обеспечении и из-за этого в средствах ограничена много жестче любого из своих сотоварищей по собирательству. Но страсть – это страсть, и ни с какими преградами и ограничениями она считаться не хочет, да и не должна.

Лиза очки собирает. Не оправы, заметьте, а очки – это важно, потому что основное удовольствие состоит в том, чтобы примерить очередную добычу и увидеть, как мир в очках этих выглядит. Похоже, что она не очки даже, а всевозможные изображения мира коллекционирует, ну и свои изображения в зеркале, разумеется, потому что ужасно хохочет, до колик просто, когда в зеркало смотрит, попеременно снимая и надевая очередную обнову.

Вот теперь рассказать пришло время, как коллекция Лизина пополнялась. Этого долго никто не понимал. Просто Лиза являлась с очередной прогулки вся сияющая, покрасневшая, возбужденная... И все тогда знали – в коллекции пополнение. Но однажды за Лизой вслед явилась шикарная дама вся в растрепанных чувствах, в истерике просто, и орала как ненормальная, что у нее только что, наглость какая, отобрали очки, которые стоят...

В общем, так это происходило. Увидев очки, возжелав их, Лиза с милой улыбкой подходила к несчастной жертве, выказывая последней свое величайшее расположение и восхищение, пыталась даже обнять и поцеловать... Таким образом усыплялось внимание, появлялась возможность подобраться к очкам вплотную. Затем очки неожиданно с жертвы сдергивались и, эффект неожиданности увеличивал преимущество, – хитрая Лизавета сломя голову убегала.

С тех пор, как тайное стало явным, Лиза гуляет только под неусыпным надзором, но из уважения к ее страсти, чьи-нибудь старые очки ей иногда отдают, а иногда – это немисливо просто – она все равно исхитряется пополнить свою коллекцию старым испытанным способом.

Юрик

Юрик пришел к нам в пятом классе. Папа у Юрика был очень известный ученый-химик, профессор, автор бесчисленных книг и изобретений... А вот мамы не было. Она, вскоре после рождения сына, мужа с ребенком бросила и сбежала неизвестно куда, потому что Юрик инвалидом родился, умственно неполноценным, и не смогла она, и не захотела с таким ребенком жить и возиться.

Юрик пришел к нам в пятом классе потому, что папа-ученый долго не мог смириться с неполноценностью своего ребенка, в специнтернат его отдавать не хотел ни за что, воспитывал дома с помощью своей старшей сестры-педагога. По той же причине и в нормальную школу отдал (как уж он все препоны, связанные с инвалидностью мальчика, обошел – остается только догадываться). Думал, наверное, что так будет лучше, что так, среди нормальных детей, разовьется он больше. Да мало ли что он думал. Я ведь все это только предполагаю.

Я помню, как все это началось. Мало того, теперь понимаю, что это неизбежно должно было произойти, ведь в любом классе обязательно есть завистливое, мерзкое шакальё, которому слезы чужие в радость, кому чужая боль – сладкий праздник.

Однажды, я запомнил уже по какому поводу, нас – всех мальчишек – пригласили в профессорский дом. Ах, какие игрушки там были! Я до сих пор помню всехний щенячий восторг от невиданной никогда огромной железной дороги, радиоуправляемых и электрических автомобилей, работающих экскаваторов и подъёмных кранов, огромных оловянных солдатиков в какой-то необычайной амуниции, а пушки стреляли, а танки и автомобили двигались... Ещё там роскошный был, удивительный просто, аквариум, и колли, и кот персидский...

На другой день нас вывели в сквер напротив школы, и Юрик каким-то

образом, или же с чьей-то помощью, отбился от класса. Его стали искать и нашли сидящим на другом конце сквера в кустах, с землею за шиворотом, измазанного какой-то дрянью. Так и пошло. Юрика все время старались как-то унизить. Но основным развлечением было, тихонько подкравшись, сдернуть с него штаны и толкнуть в спину; тогда неловкий и толстый Юрик барахтался с голым задом посреди коридора на потеху многочисленной публике. Еще адрессировали, что когда подносят кулак к лицу и спрашивают, чем пахнет, то отвечать нужно, что салом, а чтоб побыстрее дрессировался – били. Еще множество и других имелось придумок, но первые две были основными и пользовались неизменным успехом, а потому и применялись чаще других.

Когда я перешел в седьмой класс, родители получили квартиру, мы переехали, меня перевели в новую школу, и Юрик на время из моей памяти выпал. Я перешел на последний курс политехнического, когда какое-то дело привело меня в мой старый район. Я остановился возле молочного магазина, чтоб прикурить, и вдруг из него вышел Юрик – растолстевший ужасно, огромный; он крутил над головой пустую авоську и мурлыкал под нос непонятно что.

– Юрик, привет, – окликнул я.

Он остановился, продолжая крутить авоську, и замолчал, свесив голову набок.

– Юрик, ты меня помнишь? Как дела, как папа, как тетя?

Юрик похлопал себя ладошкой по голове, ухмыльнулся и стал по порядку, монотонно, отвечать на мои вопросы.

– Не помню. Дела хорошо. Папа работает. Тетя умерла. Послали за молоком. Молока нет. Сказали прийти в три. Сколько времени?

Я хотел посмотреть на часы и непроизвольно сжал левую руку в кулак. Увидев мой жест, Юрик переменялся в лице, отступил поспешно назад и с этого, как ему казалось, безопасного расстояния выпалил:

– Пахнет салом! Салом пахнет! Сам знаешь!

Потом ткнул в меня указательным пальцем и прошептал:

– А штаны, пожалуйста, не надо снимать.

Страус

Вначале было больно и страшно. Будто наказали – неизвестно за что – и забыли простить. И не захотели простить. А потом он стал страусом. И все страхи, и боль ушли понемногу. И, казалось, совсем, навсегда.

1

ЗПР иногда называют – задержка развития. Это когда твои сверстники болтают уже давно смешные всякие глупости, а ты все молчишь и молчишь, все малыши рисуют уже и лепят, а ты все никак... Это когда ты почти совсем такой же, как все, но только почти.

А ужасное самое, что эту задержку и ты сам, по тому, как относятся, тоже чувствуешь, понять только не можешь, за что, отчего же так!

2

Отставание было совсем-совсем крошечное, так что и читать, и писать, и считать – всему выучился, вот только с логикой выходило всегда плоховато, но школу, пусть специальную, по облегченной программе, закончил все ж таки.

После, когда стал жить в маленькой общежитской комнатке – сам, даже не сразу привык, что больше никто задевать, потешаться, бить и мучить не станет. Но внутри еще долго какое-то гадкое ожидание оставалось, что сейчас войдет кто-то и что-нибудь очередное пакостное и выкинет. А когда стучали, аж вздрагивал. Но понемногу проходить опасения эти стали, и внутри заживало все, успокаивалось.

3

Долго не мог ни к какому делу прибиться, никакой работы не находилось, никак. Очень хотелось, во-первых, чтобы получалось все сразу, сразу и замечательно, но так не выходило, а его, как казалось, донимали за это, подначивали, и смириться не мог, понять, что это нормально, что у всех поначалу так... Слишком уж в интернате досталось, чтобы снова терпеть. А во-вторых, где попало работать не мог и не собирался. Обдирающий руки ржавый и жирный металл, вонючие жидкости, гудящие конвейеры, грохот кузни – все это было ужасно, отвратительно, казалось бездушным и потому – безобразным.

Так много месяцев продолжалось, пока не занесло однажды в парк аттракционов. Здесь и остался работать, страусом, потому что никто не шпынял, не дергал, да и учиться ничему особенному не пришлось: он ходил по аллеям, раздавал воздушные шарики и играл с малышами – все просто и замечательно.

4

Он отчего-то выделил ее, сразу; ужасно понравилась, просто не передать; все замирало внутри, когда видел; иногда переходил потихоньку

за ней с аттракциона на аттракцион – любовался; и даже дома светился потом, будто праздник.

Она чуть не каждый день приходила, после обеда, и уже, почти что всегда, до закрытия оставалась. Вот только он все никак подойти познакомиться не осмеливался – стеснялся.

Наконец отважился, и вечером, в свой выходной, дождался у выхода, подошел, протянул темно-красную розу и застыл – безмолвный, смущенный, весь внутренне сжавшись от робости, переживания... Но она ничего, только хмыкнула с надменной улыбочкой, глазки широко-широко открыла, плечиком повела, губками пошевелила, будто сказать что хотела, да передумала, и удалилась, как вроде его и не было; а он следом пошел, поодаль чуть; проводил до самого дома, счастливый и этим – донельзя.

И наавтра пришел. Тоже с розой. И когда цветок протянул, вдруг смутился необыкновенно, еще больше, чем в первый раз, пунцовый такой сделался... даже сам нестерпимый жар этот чувствовал. А она снова хмыкнула, распахнула, повела, гримаску капризную скорчила... Протянула небрежненько:

– Ладно, поклонник, пойдем, где-нибудь посидим. – И пошла себе не оглядываясь, с вялой полуулыбочкой.

5

Пять раз уже виделись. Только она никогда веселой такой не бывала, как на качелях и горках. А так хотелось развеселить, увидеть замечательную улыбку, услышать, как хохочет от удовольствия... Тем более, что не сказал, где работает.

Он подошел неожиданно к ней на аллее в своем страусином нарядном костюме, преподнес галантно всегдашнюю красную розу и внезапно... вместе с шеей снял страусиную голову.

Она сначала совершенно оторопела, как вкопанная замерла, а потом на губах вдруг гримаса прорезалась – чудовищная, уничтожающая, хохотать начала – презрительно, и смотрела, как на пакость какую-то, и стучала себя по лбу, и у виска крутила, и такую гадость сказала!.. Так к выходу и направилась: оборачиваясь, гримасничая и крутя у виска; а он без сил на лавочку опустился и застыл – подавленный, уничтоженный – полуживой...

6

– Ты что, сломался, сломался, – строго спрашивала огненно-рыжая девчушка в замечательном розовом платье, настойчиво теребя его за

рукав, – сломался, да? Почему ты молчишь как рыба! Отвечай!

– Нет, не сломался. – Он, наконец, вынырнул из ниоткуда и мотал головой, не в силах сосредоточиться, осмыслить, кто же это и что от него хотят. Наконец, удалось все же взять себя в руки, собраться:

– Ты глупая, человек сломаться не может. Он не машина, – и внезапно улыбнулся непроизвольно, такая она была серьезная и смешная, – я просто устал, понимаешь?

– Понимаю, конечно. Только почему ты сидишь здесь без головы? Разве без головы отдыхают? Ладно, я вижу, ты уже хорошо отдохнул. Надевай свою голову снова и идем искать мою маму. Я, кажется, потерялась.

– Ну вот, с головою намного лучше. Теперь бери меня за руку и идем, наконец, искать, а то мама, конечно же, вся избегалась. А тебя каждый день здесь можно найти?

– Почти каждый, я же работаю.

– А выходные?

– Выходные у меня в понедельник и вторник, а в другие дни я обязательно (под ноги смотри), обязательно в парке.

– Я смотрю. Мы тебя здесь тогда в невыходные найдем и будем вместе гулять – я, ты и мама. Договорились?

Ревнивый

У него была маленькая круглая голова на длинной жилистой шее, широкий зад, узкие покатые плечи и большой отвислый живот. Теперь, когда он сидел, живот растекся у него на коленях бесформенным студенистым холмом, и он изредка нежно и сосредоточенно оглаживал его двумя руками.

Когда он вошел и сел на свободное место в последнем ряду, лицом к задней стенке троллейбуса, надменного вида дама, рядом с которой он сел, немедленно встала и отошла, сделав брезгливую мину. Поэтому он сидел теперь совершенно один, разместившись свободно посередине сидения, и что-то беззвучно сам себе объяснял, слегка размахивая руками и вяло гримасничая. Иногда, когда обычных доводов не хватало, он вдруг начинал неистово жестикулировать, и гримасы его становились ужаснее и выразительнее. Временами он поднимал руки вверх и бурно раскачивал ими так, будто это – трава под ветром в степи. Было видно, что он получал от этого какое-то особенное, ни с чем не сравнимое удовольствие, потому как на лице его тотчас появлялось выражение благодати и блаженства.

Так коротал он время за чудесной беседой, пока взгляд вдруг не упал на двух изящных вертушек – рыженькую и блондинку, – стоявших

справа у окна, на площадке. Вертушки громко смеялись, щебетали и были и вправду по-весеннему чудно милы. И от этой неожиданной красоты он даже как-то затормозился, невероятным змеиным движением, ап, поправил, ставшую вдруг помехой, шею, и, срочно закатав до колена брючину вельветовых синих штанов, стал подтягивать канареечный носок и шнуровать красный ботинок – прихорашиваться. Покончив с этой, важной во всех отношениях, процедурой, снова, ап, поправил змеиным движением шею и медленно стал переводить взгляд с одного чудесного видения на другое, с одного – на другое... Видимо, рыженькая понравилась ему больше, потому что он уставился на нее и застыл, свесив руки и приоткрыв в обожании рот. Наконец, рыженькое создание окончательно утвердилось в его душе в качестве фаворитки, и внезапное чувство пустило волшебные корни. Grimасы блаженства стали набегать на лицо его волнами, руки стали крутиться быстро-быстро, как крылья ветряных мельниц... Он был влюблен! Он был счастлив необыкновенно!

Откуда он только взялся, этот патлатый верзила! Гнусность какая! Поцеловал ее даже! И вторую! Это было ужасно, это было с ее стороны такое предательство, такая измена... Он немедленно "сделал шеей", нахмурился, гневно выпятил губы, вытянул ногу и топнул. Он ревновал! Он мучился! Он бил кулаками воздух и грозно скрипел зубами!.. Он... Но все было напрасно. Измена была очевидна! Постепенно стало поселяться понимание тщетности, пока, наконец, окончательно в нем не утвердилось. И такая тоска появилась на лице, безысходность такая... А потом он как будто смирился. Не то чтоб покой, но успокоенность пришла в его душу. Он взял свою левую руку правой и погладил себя ею по голове, одновременно мурлыкая что-то под нос. Постепенно светлая грусть овладела им, глубокая светлая грусть. Откинувшись на сиденье, он погладил живот, повелительно стукнул себя кулаком по колену и принял решение.

– Встать! – скомандовал он себе – и резко поднялся.

– Штаны подтянуть! – скомандовал он себе – и штаны были срочно подтянуты.

– Шеей ап! – скомандовал он себе – и она подчинилась.

Теперь все было кончено. Трудности преодолены. Пора было двигаться дальше. Гордо закинув голову, он вышел на остановке, подошел к каштану, цветущему у обочины, обнял его... и горько-прегорько заплакал.

Музыкант

Когда одним и тем же автобусом едешь изо дня в день, к одному и тому же времени, то большинство пассажиров узнавать начинаешь и даже

здороваясь. Вот мы с ним таким образом около года и сталкивались.

Он где-то раньше садился. Когда я входил, он уже сидел на своем излюбленном месте в центре салона и, отрешенно уставившись перед собой, слушал какую-то музыку.

Был он ужасно худой, нескладный, щеки запавшие, узкие губы совершенно бескровные, жидкие волосы висели длинными прядями и редко бывали расчесаны, а в руки вьелось какое-то бурое вещество, с которым он, видимо, постоянно работал; и всегда у него на шее висел яркий плеер, а в ушах торчали наушники.

Спокойно он не сидел ни минуты, что-то все время беззвучно напевал, осторожно, боясь зацепить соседа, водил перед собою руками – дирижировал, даже подпрыгивал несколько от возбуждения; при этом некрасивое, длинное лицо его постоянно менялось: он улыбался – восторженно, осторожно, саркастически и вдохновенно... он гневался и печалился, отчаивался и вновь надеялся... Лицо его отражало бесконечную гамму чувств и их всевозможных оттенков. Я за это про себя называл его «музыкантом».

Дважды мне удалось музыканта увидеть вне автобуса. Первый раз он шел с какой-то седой женщиной – такой же, как он, худой и к тому же невероятно высокой. Плеера в этот раз на нем не было и, может быть, потому музыкант выглядел жалким, чем-то невероятно напуганным: голова его была низко опущена, бедняга шарахался от прохожих, вздрагивал, если вдруг к нему кто-то нечаянно прикасался, двумя руками цеплялся за руку худой великанши, зябко жался к ней... Так карманная собачонка, спущенная на землю, без всякого повода в страхе жметя к ноге хозяйки.

А второй раз музыкант был один, и родной его плеер был с ним. Двигался музыкант довольно плохо: ноги при ходьбе заплетались, тело раскачивалось, голова на худой длинной шее моталась как маятник... Но при этом он даже не шел, а летел, глаза были полузакрыты, руки двигались широко и свободно, точно он управлял невероятно огромным оркестром; еще, казалось, он пел - восторженно, упоенно, и лицо его при этом освещалось ликующей, победной улыбкой.

День был субботний, центр кипел праздным, хаотично шатающимся народом, но ему было все равно: в своем самозабвении он люд этот просто не замечал; он врзался в него, как форштевень врзается в воду, и толпа, как вода, расступалась, не в силах устоять перед этим напором, перед этой энергией всепоглощающего вдохновения.

И я поймал себя вдруг на том, что завидую музыканту, завидую остро тем удивительным чувствам, которые он, должно быть, теперь испытывает. Правда, должен признаться, что зависть моя продолжалась

всего одно только микроскопическое мгновение.

Нинель и Ираклий

Когда-то она была очень красива! Удлиненное лицо обрамляли волнистые волосы цвета гречишного меда, глаза были светло-зеленые, колдовские, а веснушки придавали лицу чудесную прелесть и просто сводили с ума. А потом она заболела. Так же, как и брат, которого теперь уже нет. Болезнь неумолимо заковывала ее тело в панцирь, почти сразу отняла возможность ходить, а теперь уже даже руки двигались еле-еле. Недуг прогрессировал, но происходило все мучительно медленно, и каждый новый день нес новую, невыносимую боль; никто во всем мире ничем не мог ей помочь.

Чтобы не оставаться все время одной и хоть как-то отвлечься от боли, она попросилась на работу в маленький цех предприятия для инвалидов, где укладывала какие-то инструкции на дно картонных коробочек – это она могла пока еще делать. Здесь они и познакомились.

В равнодушной своей жестокости природа дала ему силу и красоту, а разум отняла почти весь: он не разговаривал, не читал, не писал, но понимал и мог делать довольно много. И работа в прачечной была у него, по меркам этого заведения, сложная и ответственная.

А тут он ее увидел, и с ним что-то случилось – непонятное, необъяснимое, что оказалось сильнее ущербного разума, выше издевательской воли природы. Будто душа его непонятным образом разглядела в этом бесплотном, неподвижном почти существе с реденькими тусклыми волосиками, ввалившимися щеками и узким беззубым ртом – изящную, удивительную красавицу, какой была она множество лет назад, и прикипела к ней, и больше ни есть, ни пить, ни дышать без нее не могла.

Он носил в кошельке ее фотографию, ту, где она сидит в кресле, протягивает к нему руки и улыбается, и всем подряд – знакомым и незнакомым – фотографию эту показывал. Подойдет, достанет бережно из портмоне, подержит недолго у вас перед глазами, будто жалуясь, разведет руками недоуменно и пойдет, сокрушенно качая кудлатой большой головой.

Стоило выпасть свободной минуте, как он немедленно шел в упаковочный цех, к ее столику. Подойдет, снимет с нее пепельный паричок (не любил отчего-то), натянутый, точно шапка, до самых бровей, и гладит, гладит по голове, потом поцелует осторожно бескровные губы и пойдет по своим делам.

На этой работе, как и на всякой другой, людям положен отпуск. Ну, и ему дали отпуск, две недели сказали на работу не приходить. Но он, к

удивлению многих, все равно приходил, каждый день, точно к началу рабочего дня, и стоял неподвижно у двери, и подолгу, неотрывно смотрел на нее.

С тех пор, что он появился, жизнь изменилась так сильно! Стоило ей его только увидеть, только почувствовать его приближение, как на серых щеках проступала бледная краска, на бескровных губах появлялось подобие слабой улыбки, боль отступала, и она вся подавалась ему навстречу.

Какое же это необыкновенное счастье, когда есть замечательный друг, которого можно попросить о чем только угодно. Он часами катал ее по дорожкам парка, осторожно кормил мороженым из ложечки, водил в кино, гулял с ней по городу, завозил в магазины и безропотно ждал, пока она насладится чудесным видом нарядной одежды, обуви, украшений... Боже мой, сколько же удовольствий и радостей пришло вместе с ним! Изредка они даже отправлялись в маленькое путешествие: он закатывал ее в электричку, и они ехали, ехали... Он даже домой к ней заходил иногда, но только вел себя очень странно: сядет в низкое кресло, упрется локтями в колени, обхватит лицо ладонями и сидит неподвижно часами, смотрит не отрываясь, не дыша, а потом встанет вдруг и уйдет; даже не поцеловал ее дома никогда, ни единого раза.

Работа – это работа, от нее устаешь, особенно когда неподвижно сидишь в инвалидном кресле, и даже позу переменить нет ни малейшей возможности. Когда эта усталость становилась невыносимой, она протягивала к нему худенькие, бессильные руки, и он немедленно, сломя голову спешил к ней на помощь. Поднимет из коляски, прижмет к себе, как драгоценность, нежно и крепко, и ходит, и ходит кругами по цеху, будто танцует, а она положит голову к нему на плечо, обнимет за шею и улыбается тихо, и глаза сияют, будто два тихих, чудесных огня, будто два тихих, чудесных, уже нездешних огня.

Мартин

1

И всегда одни и те же унылые стены. И всегда одни и те же опостылевшие, невзрачные, постные лица. И вечно одно и то же, одно и то же! Совершенно ничего, никогда в тоскливой, безнадежной этой и безотрадной жизни не происходило. И так годы, и годы, и годы...

И вдруг в этом заурядном, безотрадном, мышинном существовании возникает – парк аттракционов! Карусели, качели, паровозик и горки; океан сумасшедшего, необузданного веселья, заразительного, неудержимого

хихота; нескончаемый парад клоунов, карнавальные шествия, уморительные кортежи; и петарды, и гроздья разноцветных шаров, и толпы беспечального люда... и музыка, музыка, живая развеселая музыка, до самых бездонных, голубых с зеленым небес...

А перед самым уходом – в громадном кафе под разноцветными зонтиками – их напоили превкусными, ароматными соками и накормили мороженым в огромных вафельных фунтиках, которые, хохоча и заигрывая, разносили по столикам расфуфыренные огненно-рыжие клоунессы и игривые ведьмочки; и было так весело, так необычайно весело...

И на память об этом ошеломительном, волшебном событии остались у Мартина оранжевый резиновый шарик с какого-то аттракциона и чайная ложечка, которой он ел мороженое.

Ложечка была из блестящей красной пластмассы и такая необыкновенно красивая, что он моментально прикипел к ней всем своим существом, и больше ни на минуту расстаться ни с ней, ни с шариком оказался не в состоянии. Потому что и шарик, и ложечка были дивным, неизгладимым воспоминанием, отголоском чудесного, давным-давно растворившегося во времени, но ни капельки не позабытого, не потускневшего в памяти праздника.

С этих пор шарик всегда лежал у него под подушкой, и Мартин перед сном обязательно с ним прощался. А ложечку он повсюду носил с собою, и ел все только ею. То, что нельзя было есть драгоценной ложечкой – не ел вовсе. Только на ночь выпускал её из своих рук, клал под подушку рядом с оранжевым шариком, последний раз до неё дотрагивался и только тогда засыпал.

2

Дом, в котором он прожил почти всю свою жизнь, уже и до того, как он в нем поселился, был очень старым, но за последнее время он обветшал совершенно и однажды им объявили, что в нем надо сделать основательный, капитальный ремонт, и поэтому все они – все до единого – переселяются. За годы, что он здесь провел, у него, как и положено, накопилось множество разнообразных, ненужных и нужных, вещей. Всё подряд забрать на новое место почему-то не разрешили, и он, не в силах решить, с чем можно расстаться, весь свой драгоценный скарб бесконечно перебирал, сортировал, перекадывал... Времени отвели совсем мало, суeta в доме стояла из-за этого страшная, нервотрепка ужасная... и когда они все, наконец, переехали, оказалось, что оранжевый шарик на месте, а ложечка, его драгоценная красная ложечка – потерялась. Нигде, нигде не было!!!

Он бродил, бродил и бродил по всем новым комнатам как потерянный. Слезы то и дело наворачивались сами собой на глаза. Дыханье спирало. Одна щека от безостановочной нервотрепки стала подергиваться. Ему казалось, что здесь всегда холодно, все внутри и снаружи от этого холода мелко дрожало. Есть он больше не мог, потому что есть стало нечем. Никакие другие ложки и вилки он не признавал, видеть не мог, дотронуться был не в состоянии... Через несколько дней голод, видимо, стал таким невыносимым, что он попытался есть суп из кастрюли горстями – оказалось так мерзко, что он тут же бросил и больше ни к какой еде вообще не притрагивался.

Его всякими способами старались уговорить, предлагали хотя бы попытаться есть что-то руками – например, курицу или мясо. Он устроил скандал, закатил невиданную истерику, и даже попробовать хоть кусочек чего-нибудь – наотрез отказался.

На шестой только день у медицинской сестры, наконец, появилась здравая, но совсем не простая идея – ехать в парк аттракционов. Так давным-давно та экскурсия состоялась! Все с тех пор как угодно могло измениться. Но попытка – не пытка. Все лучше, чем ждать и надеяться неизвестно на что. Кто назвался, тот, как говорят, и попался: по этому принципу медсестру же в поездку и отрядили.

Она возвратилась из командировки лишь поздним вечером, уже после ужина, и – о, чудо – привезла две точно таких же красных пластмассовых ложечки! Одну из них сразу (на всякий пожарный случай) спрятали в надежное место, а другую – выманив Мартина из его комнаты – положили ему под подушку, рядом с резиновым шариком, где ночью всегда и лежала – будто сама отыскалась, будто, как в сказке...

И он, наконец, успокоился и мог снова есть и дышать. И, хотя бы на время, стал счастлив.

Матрён и Матрёна

Это множество лет продолжалось, в любой день и любую погоду, стало частью местного колорита. Злоязычные аборигены перекресток улиц Речной и Ткацкой, где это происходило, «углом дураков» окрестили. Так название и закрепилось в топонимии местной – навечно.

1

Матрёна всегда первая появлялась. Придет утречком, часам к десяти, сядет на лавочку под навесом возле центральной почты, платочек цветной или шарфик на шее поправит, руки чинно на толстых коленках сложит и сидит неподвижно – ожидает. Потом Матрён прибывает. Неспешно

движется, невозмутимо, и подсолнух пластмассовый – чуть не в настоящую величину – перед собой несет гордо, с сознанием собственной значимости. Едва Матрён к скамейке приблизится, Матрёна встает, глазки скромно потупит, с ноги на ногу переминается, ладошку, ковшиком сложенную, Матрёну протягивает. А Матрён здороваться не торопится, в небо глядит, о чем-то важном раздумывает, вроде как Матрёну и не замечает: он тощенький, ниже Матрены на полголовы, но мужское свое достоинство блюдет неукоснительно. Наконец, заметит-таки, любезность её и скромность кивком головы одобрит, руку подаст, цветок любимый, к которому никому дотронуться даже не позволяет, Матрёне протянет, по плечу благосклонно похлопает, и усядутся они после всех этих церемоний на лавочку рядышком: улыбаться станут, в пространство глядеть и радоваться друг дружке.

Сидят не очень и долго. Ровно столько, наверное, чтобы приятное общество ни капельки не надоело, чтобы радость общения нисколько не притупилась. Потом, почти одновременно, встают и Матрёна первым делом, глазки потупив, владельцу подсолнух замечательный возвращает; Матрён подсолнух возьмет, осмотрит придиричиво, листочки погладит, удостоверится, что цветку ни малейшего вреда не причинили, и лишь после этого милостиво Матрену по плечу крутому погладит; затем «поручкаются» друзья на прощанье и до завтра в разные стороны разойдутся. И все это без единого слова, без единого лишнего жеста – ритуал, церемониал, театральное действо.

2

Матрёна умерла ночью, внезапно. Заключение врачей был кратким: апноэ – остановка дыхания. Матрёну никто, разумеется, о смерти Матрёны не сообщил – кому б это было нужно, зачем? – и он, как всегда, пришел к лавочке возле почты, стал как вкопанный перед пустым местом, где его бессчетное число лет неизменно встречала Матрёна, и стал ждать, не в силах представить, что она не придет.

День шел своим чередом. С каштана у почты падали на Матрёна желтые листья, мимо сновали равнодушные люди, катились машины, трамваи... Иногда набегала туча и недолго шел дождь. Прекращался. Набегал коротко снова... Матрён стоял неподвижно в мелкой лужице среди опавшей листвы, держал крепко, двумя руками подсолнух и ждал. Ждал, ждал и ждал.

Уже стало смеркаться, когда мама-старушка нашла Матрёна там, где и не ожидала найти – ведь он только утром сюда и приходил, никогда больше к почте не возвращался. Она попыталась было заставить его вернуться домой, но он ни за что не хотел уходить, стал кричать,

упираться... Старушка плакала, уговаривала, пока не поняла, что сегодня самой ей с сыном не сладить, – и вызвала «скорую».

Матрён еще несколько раз приходил к заветному месту, но только теперь, по просьбе матери, почтовики вызывали врачей немедленно; а потом, когда медикам стало понятно, что просто так навязчивость эту не устранить, бесконечно долго держали Матрёна в больнице, кололи, давали таблетки, и после еще много месяцев без сопровождения вообще никуда не пускали.

С тех пор Матрён с утра до ночи бродит с подсолнухом, как неприкаянный, по всему городу, по центральным улицам и глухим переулкам... Иногда появляется он и возле центральной почты, но никогда возле лавочки не останавливается, даже к ней не приближается.

Не знаю, может, он понял что-то и Матрёну свою где-то в других местах ждет и ищет, а может, это только домысел мой. Не знаю...

Тина

Видели ли вы когда-нибудь, как Тина здоровается? Ах, не видели! Тогда вам непременно нужно это увидеть, непременно.

Комната, где складывают инструкции для берушей, довольно большая. В ней сидит человек двадцать, каждый за своим столиком. У Тины тоже есть такой столик, он стоит у окна, прямо возле входа, но она никогда не сядет за него сразу, а сначала остановится в дверях и надменным, всевидящим взором оглядит помещение – все ли на месте. Затем не спеша, с достоинством высокородной дамы подойдет к каждому, небрежно, снисходительно даже, протянет крошечную полную ручку и голосом еле слышным, расслабленным, с интонацией высокомерной, даже презрительной несколько... нет, не произносит, выдавливает: «Тина. Здравствуйте».

Да и как еще можно с вами здороваться и к вам относиться, если вы даже не помните, что ели на завтрак первого мая прошлого года. И вообще, что вы помните?! Пять дней рождений, десять праздников? А дни рождения всех, кто с вами знакомился когда-либо? А все поездки за город в мелочах и подробностях? А где вы находились... Да что с вами, слабопамятными, без толку разговаривать.

В столовой у Тины свое персональное место. Другие могут сидеть, где хотят, но она – Тина – должна сидеть только здесь и ни за что не потерпит, чтобы ее права ущемлялись; и если кто ненароком займет ее место, мгновенно превращается в фурию. Ее полное, надменно-робкое личико багровеет, она вопит что-то нечленораздельное, щеки прыгают, губы дергаются, руки грозно молотят воздух, даже может ударить.

Здесь к такому поведению не привыкли, поэтому Тина всегда одна-

одинешенька, с ней даже не разговаривают, а вот напугать могут запросто, чтобы хоть как-то отомстить за противный характер. Напугать ее очень просто. Достаточно крикнуть: «собака», как Тина приходит в ужас, забивается в дальний угол, дрожит там и плачет. А уж вида живой собаки совсем не выносит и на прогулке ее нужно крепко-крепко держать за руку, потому что если любую, даже карликовую, собачку случайно увидит – убежит – не догоните.

Зато работает Тина превосходно. Ни у кого нет такого рабочего места! Все разложено наилучшим, наирациональнейшим образом, в строгом порядке – неукоснительно соблюдаемом. Потому получается все замечательно, с максимальной скоростью, чисто и аккуратно. Мало того, она еще успевает в окно поглядывать и все, что там происходит, запоминать до мельчайших, невероятных подробностей: кто, когда приезжал, что делал, с кем разговаривал, во что был одет... Проверять бесполезно: все будто вгравировано в память.

Если вы как-нибудь попадете в комнату, где складывают инструкции для берушей, Тина обязательно поднимется с места, подойдет, в своей единственной и неповторимой манере протянет вам руку, назовется и непременно спросит, как зовут вас и когда у вас день рождения. Если вы ей это расскажете, можете быть абсолютно уверены – теперь, в этом эгоистичном и беспамятном мире, есть кто-то, кто будет вас помнить всегда.

Осень

Осень. Жизнь

Последний лист, осенний лес,
Всласть рыжий лис гуляет здесь,
Огромный, мокрый рыжий лис,
На всех деревьях он повис
И тянет шерсть деревьев вниз.
Осенний, огненный сюрприз:
Грибной и пряный рыжий лис!

Нам осень – безутешный приз,
Мы с ней танцуем: раз-два-три-с,
Нас подхватил осенний бриз,
Моя улыбка, твой каприз,

И осени мы скажем: вист,
Ведь осень жизни – это жизнь,
Ко мне ты ласково прижмись!

Осенний лес, последний лист...
09.10.25.

Выбор

Вы спросите меня об исчадии счастья
И о боли, разлитой по венам Вселенной,
О просторе восторга святого причастья:
Прикоснуться к разумности и... понять, что отвергнут.

Свет из тьмы, тьма из света дрожали
Отрицанием вечности в нас,
Мы достались жестокости стали,
Нас пронзали слепые хоралы,

Жизнь земная безумно кончалась,
Как роскошный, ненужный романс:

Ослепительный и ослеплённый
Страстью ласки и стонами бомб,
Озарённо любовью пронзённый,
Потерявший азарт и апломб,
Обличённый и облегчённый
И от совести, и от мук,
Не поверив в мечту и влюблённость,
Не замкнув разорвавшийся круг.

Нам достался отчаянный выбор,
Нам исчадие счастья дано,
Выбрать – чад? Выбрать – ад? Выбрать – вымор?
Или счастья чистейший канон?
09.12.25.

Поутру

*Рождение автора совпало
с рождением месяца апрель.*

Тело тлеет на ветру,
На ветру времён,
Я сегодня поутру
Обречён.

Обречён понять судьбу
Светлых дней,
Ты налей мне, мой апрель,
Из туманов – сок марель,
Ты налей!
Не жалея и не пролей,
Мой апрель...
Перекинь мне аппарат,
Мой апрель,
Я уйду в свою тоску,
Как в судьбу,

Только ты со мною будь,
Не забудь!

Я спою и боль утру
Поутру,
Я ведь больше не могу,
Не могу я, в жизни – гул,
Не могу,

Не могу не взять бокал –
Я пропал!
Не могу не пить за то,
Что искал.
Не душою я пропал
В небесах,
Ты была, и не в мечтах...
Ах, нахал!

Я сегодня поутру
Обречён,
И с тоскою на ветру
Обручён,
Время – кремь,
Не течёт,
И волною в борт
Не бьёт.

Я в сиреновом порту
На борту
В беспощадную зарю
Погружён,
Погружён и в сон, и в стон,
Погружён...

Я не тлею на ветру,
Я горю!
Душу лаской ты мою
Не воруй!

Ну, а тело...
Пусть горит
На ветру!
30.01.25.

На досуге

Я спал сегодня до обеда,
Я спать люблю!
Не бегал ночью по соседкам –
Я бдел в углу.

Считал ракетные разрывы,
Смартфон читал,
Хватал инет за инфогриву?
На ниву новостей скакал.

Решал глобальные вопросы,
Из головы шёл лёгкий дым,
И я монетку вверх подбросил,
Хоть знал: не сдохну молодым.

Ну, не получится мне сдохнуть
Моложе всех моих седин,
Хотя с сединами всё плохо —:
Все вылезли. Сижу один.

Но я совсем не унываю
И бдею я за целый мир,
А мир, он – как дешёвый фраер,
Не знает, что такое МИР!

Поверь!

Пришёл рассвет дождливой перебранкой
Труб водосточных, ветреных балконов,
Откуда сквозняки стекают спозаранку,
И занавески обрываются тоскою.

В окно вползает тихий серый сумрак,
Он сглаживает острые углы,
Рассвет измучен, нежен и пуглив,
Он начинается, всхлипывая, верить в утро...

И ты когда-нибудь согласишься...
Может быть...

Просветление

Я собирался ехать в отпуск
Лет пятьдесят тому назад
И собирал себя и шмотки,
И что-то не нашёл...
Гроза! –
Я Бога поминал и маму
И чертыхался по пути...
Проблем – важнейших – килограммы!

...Теперь я маму не могу найти.

Предисловие редактора П. Чечельницкой

Роман Ирэн Немировски «Собаки и волки» был издан в 1940-м году, переведён на несколько языков, в том числе на русский язык. Однако глава, представленная в альманахе, не вошла в роман. Её рукопись была найдена родственниками писательницы через много лет после её смерти. В 2008-м году университет Сорбонна (Франция) провёл конкурс переводов и предложил в качестве задания неизданную главу из романа. Паулина Чечельницкая была одной из участниц конкурса. В главе речь идёт о днях, проведённых еврейскими детьми в православной семье, которая прятала их от киевского погрома.

Глава из романа «Собаки и волки»

(Перевод с французского Паулины Чечельницкой)

Неделя, прожитая в приютившей их православной семье, была для детей наполнена счастьем. Здесь царила атмосфера абсолютной свободы – почти такая же, как в их доме в нижнем городе, но в русской семье она граничила с беспечностью, в то время как в еврейском доме – это становилось для них всё более очевидным – свободу заниматься своими делами можно было получить ценой невероятных усилий, и каждую минуту могло случиться так, что удача переменится и всё вернётся на круги своя.

Здесь, у русских, между взрослыми и детьми сложились милые доброжелательные отношения; толстой генеральше, матери семейства, и в голову не приходило мешать своей старшей дочери, шестнадцатилетней Вере, исчезать на всю ночь под предлогом того, что она переночует у одноклассницы; или запрещать младшей Зине, которой было всего восемь, бегать босиком по мокрому от дождя саду; или отказывать самой себе в долгих, вызывающих у неё болезненные приступы астмы, бдениях или в карточной партии, которая могла длиться с восьми вечера до самой зари.

Самыми привлекательными для детей были именно эти часы покоя и безмятежности, когда никто не говорил о деньгах (да и к чему было о них говорить?) Все русские семьи жили за счёт наследства или пенсионера, назначенного императором. Состояние доставалось им легко; не было необходимости бегать в его поисках, снашивая башмаки и терзая сердце. Никто не беспокоился о будущем. Они веряли себя воле провидения,

покровительству императора и уходу из жизни какой-нибудь из тётушек, завещавшей им своё имущество. В болезни и смерти они полагались на бога, их жизнь текла беззаботно и неторопливо.

Дом был старый, неухоженный, плохо подметённый в тёмных углах – в этом он мало чем отличался от квартир в нижнем городе, но здесь повсюду стояли глубокие кресла, большие диваны; по краям были расстелены старинные, тронутые молью ковры, где можно было валяться в своё удовольствие и спать. Здесь не существовало определённых часов, в которые предписывалось вставать, ложиться и есть: в полдень одни покидали свои кровати, другие в это же время отправлялись в постель. Стол постоянно был накрыт. Когда все уже приступали к десерту, вдруг появлялась Зина со своей гимназической подругой или кто-нибудь из трёх кузенов-студентов, квартирующих у генеральши, и хозяйка дома приказывала вновь подавать суп. Чтобы составить компанию пришедшим, все опять принимались жевать тартинки, котлеты с красной капустой, бланманже. Детей пичкали сладким, заставляли их в больших количествах пить молоко, есть сырые яйца и принимать ложками рыбий жир для поддержания аппетита. Ужинать садились поздно вечером. В два часа ночи заспанная служанка приносила разные закуски и блюда с горячим, которые издавали восхитительный аромат и радовали глаз – совсем как во дворце, и все сидели за столом до тех пор, пока оконные стёкла не бледнели на рассвете.

Лиля, Бен и Ада прожили там всего неделю, но они прекрасно знали, что их могли бы охотно оставить у себя и на полгода, и на год. Хозяева дома относились к ним, как это было принято в приличном русском обществе, когда обстоятельства сталкивали его с евреями: «Все эти жида, конечно, мерзавцы, но и мы тоже не без греха. Каждый имеет свои недостатки, а Соломон Аронович, мой доктор, или Аркадий Израилевич, ходатай, совсем не похожи на евреев».

Лиля, Бен и Ада не только не чувствовали, что попали в чуждую им, враждебную среду, но и никогда в жизни им не приходилось видеть вокруг себя такого всеобъемлющего доброжелательства.

Доброжелательство вообще было отличительной чертой этих русских из провинции. Они жили в ладу с Богом и людьми. Жизнь на широкую ногу, многочисленные слуги, которым они мало платили, любовь к беспорядку, отсутствие всяческого намёка на дисциплину, нетребовательность к себе и к другим упрощала их жизнь наилучшим образом.

Лиля и Ада делили комнату с девочками из семьи. Толстушка Зина спала, Ада же слушала секреты, которыми в темноте делились юные девушки, и что-то странное, о чём она до сих пор не смела даже подумать, раскрывалось в ней и рисовало соблазнительные, опасные картины.

После всех этих рассказов Ада стала более внимательно

присматриваться к сцене, происходившей несколько раз в неделю по вечерам. Генеральша играла в карты. Появлялась старшая дочь. Была она крупной, белокурой, с пронзительными светлыми глазами. В руках она держала чемоданчик с вещами, необходимыми ей ночью.

– Мама, я сплю у подруги.

– Хорошо, дитя моё.

Никогда ни одного вопроса. Вера оставляла на увядающих щеках генеральши поцелуй. Своей маленькой рукой – нежной и полной, рукой, которая никогда не прикасалась ни к тряпке, ни к кастрюле, ни к иголке, генеральша крестила склонённую к ней голову юной дочери:

– Да хранит тебя Господь, дитя моё.

Ада спрашивала себя, что это со стороны матери – снисходительность или попросту глупость? Тётя Раиса следила за Лилей, особенно теперь, когда она становилась старше и её взросление ещё могло быть управляемым. Здесь же не было ничего подобного, только безмятежное всепрощение. «Молодость... Все прошли через это... Господь поможет. Ничто не происходит против его воли. Если он того пожелает, то позаботится о детях своих, а если он захочет оставить их в сетях дьявола, то что я смогу поделать?» – скорее всего, именно так и рассуждала генеральша.

После того, как они покинули этот дом, а особенно сад – огромный, запущенный, с белыми деревьями, с землёй, покрытой мягким, пушистым февральским снегом, Ада впервые посмотрела на свою жизнь по-другому и сочла её несчастливой.

Впрочем, в тот год произошли большие изменения в жизни её семьи и в её собственной. Прежде всего, умер дедушка. С той самой ночи погрома на него нашло какое-то оцепенение, он с трудом передвигался, отказывался от еды. Очень скоро он угас, и с его смертью исчезла главная причина, которая вынуждала их жить в нижнем городе.

За какой-то один год дела отца неожиданно пошли в гору – у евреев всё происходило скачками. Счастье и несчастье, богатство и нищета обрушивались на них, как гром с небес на испуганное стадо.

Именно это вызывало у евреев постоянное беспокойство и одновременно невыразимую надежду.

Аккордеон¹¹

Простая, но удивительная история в 2-х частях.

Участвуют:

ПЕТР.

ВЕРА, его жена.

ЛЕНА, их дочь.

СЕМЕН.

СЕРЕЖА, его сын.

Часть первая

Скромная комната: телевизор, тумба, шкаф, диван. Пол устлан потертым ковром. В окне – весеннее небо того бледного цвета, каким бывает лицо выздоравливающего.

Петр, в тренировочных штанах, с трудом передвигаясь, что-то ищет. Лицо у него млажаовое, но несколько помятое. Впрочем, он болен, горло обмотано шарфом. Ни в шкафу, ни в тумбе нет того, что он ищет.

ПЕТР (напрягаясь). Ве-ра... Ве-ра!..

Входит Вера со шваброй в руке. В молодости она была хороша собой, со временем несколько увяла, но и сейчас выглядит привлекательно.

ВЕРА. Звал?..

ПЕТР. Где... он?..

ВЕРА. Поправишься – поговорим.

ПЕТР. Ве... Ве!..

Открывает рот, но беззвучно, голос пропал.

ВЕРА (передразнивает). Ве, ве!.. Лечи горло! И нечего смотреть на меня! (Выходит.)

Петр встает на колени, ищет за шкафом. Возвращается Вера с тазом в руках.

Ищешь? Ну, ищи, ищи. Только на ноги встал и начал искать! О чем ты думаешь! В доме ста шекелей нет, ты об этом подумал? Может, шекели там ищешь?

ПЕТР (стоя на коленях). Сними!..

¹¹ Автор читает свою пьесу:

1-я часть: <https://www.youtube.com/watch?v=9Ugiqui91RI&t=11s>

2-я часть: <https://www.youtube.com/watch?v=vTc-1YBicZ0&t=5142s>

ВЕРА. Свои деньги снять со счета? Какой умный!..

ПЕТР. Тратила чьи?

ВЕРА. Чьи тратила, не знаю, на счете – мои!.. Неприкосновенный запас!
Взяла пульт, включила телевизор. Грянул цирковой галоп.

(Кричит). Посмотри, Петя, медведи танцуют! Отвлекись, Петя, посмотри!

Петр отнимает у нее пульт, выключает телевизор. Жестикулирует, хочет что-то сказать, но не может.

ВЕРА. Безголосый ты мой, горло полощи! Каждые полчаса полощи!
Ставит перед ним таз и стакан.

ПЕТР *(полощет горло)*. Грррр...

ВЕРА, Полощи, полощи, ромашка лечит горло!
Выходит и возвращается с газетой в руках.

ВЕРА. Прополощешь горло, ляжешь и считаешь статью Семена. Называется «Что нас ждет?»

Петр, продолжая полоскание, смотрит на жену.

ПЕТР. Грррр...

ВЕРА. Ты знаешь, что нас ждет?..

ПЕТР *(громче)*. Гррррр!..

ВЕРА *(читает)*. «Если будешь работать, не щадя сил, изобилие придет в твой дом!..»

Петр вырвал у Веры газету и отшвырнул.

Не психуй! *(Подняла газету.)* Думать надо, как поправить семейные дела! *(Тычет пальцем в газету.)* А ты ползаешь по квартире! Так ничего не поправишь, и сам не поправишься!..

ПЕТР. Тьфу! *(Выплюнул полоскание.)*

ВЕРА. Успокойся, Петя. Все болезни от нервов!..

Откуда-то доносится тихая мелодия аккордеона. Петр вслушивается.

ПЕТР. Аккордеон?..

Мелодию заглушает телефон. Вера берет трубку.

ВЕРА *(в трубку)*. Семен? Легко на помине! Здравствуй, Семен!.. Как Петя? Не сказала бы, что живой. Полуживой!.. Конечно, болеть нельзя!.. Навестишь?.. Ждем!.. Всё, ждем! *(Петру.)* Семен нас навестит! Хорошо, я мясо купила, сварила бульон с клецками, на второе карп жареный! Приличный обед будет!.. Давай, я тебе горло помассирую. А то Семен придет, а ты не можешь разговаривать. По телевизору показывали, как делать массаж. Сядь, Петя... Сядь, я сказала!..

Усаживает мужа, начинает массировать ему горло.

В России не болел. Здоровый был, как бык. Я и то удивлялась: еврей,

а какой крепкий!..

ПЕТР (*с трудом*). Я... классиком был.

ВЕРА. Был классиком. Еще музыкантом был. Но это, Петя, в молодости. Сейчас классическая борьба не для тебя!

ПЕТР. Но... (*Растягивает нечто руками.*)

ВЕРА. И аккордеон не для тебя! Работе все силы отдавай!

Пауза.

ПЕТР. Нету! (*Ткнул пальцем в грудь, затем в лоб.*)

ВЕРА. Чего нету?

ПЕТР. Гар... гармонии нету!..

ВЕРА. Что правда, то правда – в нашей семье нету гармонии! Я малярша с радикулитом, нитрокраской дышу, какая ж тут гармония! Гармония наступит, когда у Леночки всё будет, когда я из малярш уйду! Но для этого ты должен вертеться!

ПЕТР. Как этот? (*Крутит пальцем.*) Как шар голубой?

ВЕРА (*ткнула мужа кулаком в бок, напевает*). «Крутится, вертится шар голубой. Крутится, вертится над головой!..» У тебя хорошая работа. Твой друг Семен – директор. Ты одет-обут. Свитер и пиджак приличные, всего пять лет им...

ПЕТР. Ааа! (*Махнул рукой.*)

ВЕРА. Чего акаешь? (*Показывает на стул с одеждой.*) Донашивай! Доносишь – новое куплю! Заболел – ничего страшного! Если температуры нет, завтра на работу выйдешь! Семен сказал – много работы! Покажешь Семену свою преданность и старание! Померь температуру! (*Сует ему под мышку градусник.*)

Выходит.

Послышалась мелодия аккордеона. Петр вертит головой, не понимая, откуда она доносится. Мелодия постепенно смолкает.

Вера приносит рабочий комбинезон, раскладывает его на столе, втыкает вилку утюга в розетку.

ВЕРА. Я твой комбинезон вчера постирала, сейчас поглажу.

Петр вынимает градусник.

Сколько?

ПЕТР. Только... градуснику... веришь.

ВЕРА. Я спрашиваю – сколько?

ПЕТР. Тридцать семь.

ВЕРА. Ровно тридцать семь?

ПЕТР. Без одного.

ВЕРА. А еще классик! Лодырь ты, а не классик! Выйдешь на работу,

ничего с тобой не случится! На улице тепло!

ПЕТР. Обещали это...

ВЕРА. Что?

ПЕТР. Похолодание, что.

ВЕРА. Сейчас узнаем, какая будет погода, напрасно ты телевизор выключил.

Включает телевизор – взрыв бодрой музыки.

ПЕТР (*подскочил*). Аааа!..

Вера давит на кнопку пульт, но музыка гремит. Она выдергивает шнур утюга из розетки – становится тихо.

ВЕРА (*удивленно*). Что это? Пульт работает, телевизор выключился, но музыка играла, покуда я утюг не выключила! Откуда шла музыка?

ПЕТР. Из утюга.

ВЕРА. Чего зубы скалишь? Старый утюг, старый телевизор, нельзя включать вместе!

ПЕТР. Ну и не включай!

ВЕРА. Нашел выход! Голова болит – отруби ее! У людей всё новое! Новые телевизоры, новые утюги! Потому что люди крутятся, люди работают! Семен с утра до ночи пашет! Моисей и Матвей работают, не покладая рук! Соломон трудился так, что язву заработал! А ты? Только голос прорезался, сразу аккордеон ему подавай! Без аккордеона он жить не может!..

ПЕТР (*схватил жену*). Где он?

ВЕРА. Узнаешь. Всему свое время.

ПЕТР. Где аккордеон? (*Трясет ее.*) Говори!

ВЕРА (*испуганно*). Не тряси!.. В ломбарде твой аккордеон...

ПЕТР. В ломбарде?..

ВЕРА. Долго терпела, больше не могу! Пусти! (*Освободилась от его рук.*) Как на работу, так больной, а трясти жену сила есть! (*Надувает щеки.*) Классик! (*Со слезой.*) Чуть душу не вытряс! (*Выходит.*)

Петр надевает брюки. Возвращается Вера.

ВЕРА. Не ходи никуда, полежи сегодня! Полежи в тишине и спокойствии – сразу поправишься!

Он натягивает свитер.

Петя, куда ты собрался?

ПЕТР. На кладбище!..

ВЕРА. Чего?

ПЕТР. Тихо там и спокойно!

ВЕРА. Да уж! На кладбище полная гармония – ни телевизора, ни газет! И работать не надо!

Пауза.

ПЕТР (*мучительно*) Ме... ме...

ВЕРА (*передразнивает*). «Ме! Ме!».. Мекать начал!

ПЕТР. Ме-ры... Ме-ры надо принимать!..

ВЕРА. А я о чем? Принимай меры, чтоб мы жили по-людски!..

ПЕТР. Нам надо развестись!..

ВЕРА. Да хоть сейчас!.. Восемнадцать лет дочери! Я просила – поработай в пятницу, чтоб деньги были на подарок Леночке! Отказался!.. Да, я отнесла аккордеон в ломбард, но что купила!..

Достает из шкафа небольшой футляр, бережно извлекает драгоценность.

Леночке сережки!.. С камешками!.. Посмотри какие!..

ПЕТР. Аaaa! (*Махнул рукой.*)

ВЕРА. Отец называется! Только акать и мекать умеет! И махать руками!..

Он надевает свитер.

Куда ты, я спрашиваю!

ПЕТР. На прием.

ВЕРА (*едко*). В посольство?

ПЕТР. В английское.

ВЕРА. Я спрашиваю, Петя, куда ты идешь?

ПЕТР. К врачу.

ВЕРА. Семен придет больного навестить – не застанет больного дома! Очень красиво будет!

ПЕТР. Подождет.

ВЕРА. Директор должен его ждать! Ты бы хоть побрился, в порядок себя привел!

ПЕТР (*провел рукой по небритой щеке*). Донашиваю... Донашиваю!..

Направился к выходу. Едва не столкнувшись с отцом, вбегает Лена – в наушниках, в руках телефон.

ЛЕНА (*кричит*). Уже ходишь, папка?..

ВЕРА (*кричит Лене, указывая на мужа*). К врачу идет! (*Петру.*) Только к врачу и назад!..

Петр жестами просит дочь снять наушники.

(*Кричит*). Леночка расслабляется после лекций, от нее хоть отстань!

ЛЕНА. Нет, пожалуйста, я выключу.

Снимает наушники.

Что, папа?..

ПЕТР (*напрягаясь*). Откуда ты такая... веселая?

ВЕРА (*обнимает дочь*). Из университета! Наша Леночка просвещается!

В университете слушает лекции про настоящих классиков – поэтов и композиторов!..

ЛЕНА. Нет, мама, меня сейчас просвещает один человек. У него в планшете полторы сотни книг, он прочел практически все! Знает больше любого лектора!..

ПЕТР. Ты не ходишь на лекции?

ЛЕНА. Я всё объясню, но не сейчас! Извини, папа, тороплюсь!

Петр хочет что-то сказать, но не может.

Больно говорить?

ВЕРА. Упрямый, редко полощет. Я объясняю, надо полоскать каждые полчаса – не слушает!

ПЕТР. Полощут! *(Ткнул пальцем жене в лоб. Затем – в лоб дочери.)*

И тебе полощут! Ааа!..

Махнул рукой и вышел.

ЛЕНА. Что с папой?

ВЕРА. Неделю молчал, сегодня открыл рот, но уж лучше бы не открывал!

ЛЕНА. Мама, пожевать найдется?

ВЕРА. Пошли на кухню.

ЛЕНА. Принеси сюда, я тороплюсь. *(Сбросила куртку, осматривает стол.)* Здесь бумага лежала, куда ты ее дела?

ВЕРА. В тумбу положила.

ЛЕНА *(роемся в тумбе.)* Ой, мама! Суетишься, суетишься, везде наводишь порядок!..

ВЕРА. За порядком в доме кто-то должен следить! Я без дела не сижу, хотя и выходная сегодня. Пол вымыла, обед сварила! По-твоему, это суета?

Выходит. Лена что-то пишет, кладет лист в сумку. Включает телефон.

ЛЕНА *(поет)*. «На теплоходе музыка играет! А я одна стою на берегу! И почему-то сердце замирает! А почему – сказать я не могу!..»

Входит Вера. Умиленно смотрит на дочь, подпевает и пританцовывает.

ЛЕНА. Мама, я должна тебе сказать, только не обижайся, ты утратила голос!

ВЕРА. Я?

ЛЕНА. Он говорит: суета убивает талант!

ВЕРА. Кто говорит?

ЛЕНА. Один человек! Он удивительно проницательный!.. Я кушать хочу, давай быстреей!

ВЕРА (толкает дочь). Где свиданка?

ЛЕНА. На площади! На кикар Парис!

ВЕРА. Завтра твой день рождения, подготовиться надо.

ЛЕНА. Не надо, мамуся, готовиться! Лишние хлопоты практически ни к чему!

ВЕРА. Восемнадцать лет – как не отпраздновать? Только бы отец не помешал. Я продала его аккордеон.

ЛЕНА. Продала аккордеон?

ВЕРА. «Папин аккордеон устарел!» – чьи слова?

ЛЕНА. Ты неточно меня цитируешь!

ВЕРА. Абсолютно точно!

ЛЕНА. Я говорила, что надо купить новый аккордеон!

ВЕРА. Неделью назад про новый аккордеон ничего не говорила!

ЛЕНА. А если и так, то что? Я развиваюсь!

ВЕРА. Быстро развиваешься!

ЛЕНА. В моем возрасте это естественно!

ВЕРА (идет к двери.) С хлебом будешь кушать?

ЛЕНА. Чтоб ты знала, не хлебом единым жив человек! Существует духовная пища!

ВЕРА. Знаю не хуже тебя!

ЛЕНА. Ты утратила к духовной пище вкус!

Пауза.

ВЕРА. А ты?

ЛЕНА. Что я?

ВЕРА. Ты ничего не утратила?

ЛЕНА. Я приобрела!

ВЕРА. Что приобрела?

ЛЕНА. Много новых знаний! Приобщилась к вокалу! Вторым голосом пою!

ВЕРА. С кем?

ЛЕНА. С одним человеком!.. Мама, неси мясо!..

Вера выходит. Лена, присев, роется в тумбе. Возвращается Вера с кастрюлей в руке.

ВЕРА. Опять в тумбе шуруешь?

ЛЕНА. Мои документы где?.. Вот они, нашла! (Спрятала документ в сумку, взяла у матери кастрюлю.)

ВЕРА. Не хватай из рук, некультурно! На тарелку выложи!..

ЛЕНА. Ой, ты у нас культурная! Зачем продала аккордеон? Ты не понимаешь, что он для папы значит?

ВЕРА. Нервы мне помотает и успокоится! Сядь за стол, возьми тарелку!

Я твоего отца знаю, он отходчивый!

ЛЕНА (*ест*). К твоему сведению, мамуся, мы не знаем ни себя, ни других! Многие девчонки думают, что им нужен прикид, тачка, универ! (*Смеется.*) А старые гусыни... извини, мамуся... взрослые женщины, те, вообще, не имеют своего представления о мире, в котором они живут! Практически вам всё навязывают!..

БЕРА. «Практически»! Новое слово!.. Что мне навязывают?

ЛЕНА. Сейчас я всё тебе объясню!

БЕРА. Успеешь всё объяснить?

ЛЕНА. Успею!

БЕРА. Объясняй! (*Села с таким видом, будто собирается слушать лекцию.*)

ЛЕНА. Ты зависишь от чужих взглядов – полностью! Полностью зависишь от вещей! Это, мамуся, рабство! Пойми, нам необходима свобода! У моего человека целая теория на этот счет! Он говорит, что у людей, кроме сознания, есть подсознание...

БЕРА. Подсознание только у хитрожопых, извини за выражение!

ЛЕНА. Нет, мамуся, подсознание у всех людей! Наши подлинные желания заперты в подсознании! Они скрыты, как... (*Вспоминает.*) Как вода подо льдом! Нужна внешняя энергия, понимаешь? Как солнце дает энергию, чтобы растопить лед, так под действием *музыки* сознание отступает, и открывается подсознание – наши подлинные мысли и чувства! Это гениальная теория! Она подтверждается практикой! Ты играешь на музыкальном инструменте или слушаешь музыку, чувства овладевают тобой, и ты всё про себя понимаешь!..

БЕРА. «На теплоходе музыка играет!..» Что ты поняла про себя?

ЛЕНА. Да это... (*Махнула рукой.*) Это так. Для концерта...

БЕРА. Какого концерта?

ЛЕНА. Мамуся, ты задаешь слишком много вопросов!.. Он спел *свою* песню, и я поняла *про себя* практически всё! Я поняла, чего хочу! Поняла, чего хочет папа!..

БЕРА. Чего вы хотите?

ЛЕНА. Свобода самовыражения – вот что нам необходимо, как воздух! Гнета мы не потерпим!

БЕРА. Кто вас угнетает?

ЛЕНА. В универе у меня гнетущая обстановка! У папы – на его фирме! Но и ты нас угнетаешь, мамусенька!

БЕРА. Новости!

ЛЕНА. Из России привезла с собой это свойство – угнетать других людей!..

Пауза.

ВЕРА. Твой человек тебя этому научил?

ЛЕНА. Скоро ты его увидишь! *(Проверяет содержимое сумки.)*

Заявление взяла... Тауду¹² взяла...

ВЕРА. Куда заявление? Паспорт – зачем?

ЛЕНА. Узнаешь в свое время! *(Причесывается перед зеркалом.)*

Пауза.

ВЕРА. Леночка, мамуся тебе подарок приготовила!..

ЛЕНА. Покажи.

ВЕРА. Покажу в свое время!

ЛЕНА. Тебя никто не тянул за язык, сама сказала про подарок. А раз сказала, покажи!

ВЕРА. Так и быть. *(Протягивает футляр.)*

ЛЕНА. Серьги?!.. Спасибо! *(Целует Веру.)*

ВЕРА. С алмазиками!..

ЛЕНА *(примеряет)*. Ой, прелесть какая!..

ВЕРА. Что, понимает мамуся Леночкины желания?

Лена заставляет себя снять серьги.

ЛЕНА. Серьги мне без надобности! Носи сама! Он говорит, я и так неплохо сохранилась! *(Смеется.)* Где куртка? *(Надевает куртку.)* Кстати, завтра меня не будет, отпразднуйте мой день рождения без меня!

ВЕРА. Новости!..

ЛЕНА. Прикольно будет, мамуся!

ВЕРА, Пригласи своего человека в дом!

ЛЕНА. Ой, мама! Ты, со своими взглядами, и он!..

ВЕРА. Нету у меня никаких взглядов!

ЛЕНА. У тебя рабские взгляды! Но ты не переживай! Всё рабское я из тебя выдавлю!..

ВЕРА *(в ужасе)*. Ты?.. Из меня?..

ЛЕНА. Мы с папой выдавим из тебя – по капле!.. Я побежала!..

ВЕРА *(загораживает дорогу)*. Ленка! Ты попала в дурную компанию!..

ЛЕНА *(отодвигает Веру)*. Я тороплюсь!

ВЕРА. Никуда не пойдешь! Не выпущу!.. Ленка! Сяду на пол, не выпущу! *(Села на пол.)* Сказала – не выпущу, значит – не выпущу!..

ЛЕНА. И это не гнет, по-твоему? Не хватай за ноги!..

ВЕРА. Через мать?..

ЛЕНА. А что мне остается! Пока-пока! *(Выбегает.)*

Пауза.

¹² Тауда – теудат зеут (ивр.) – удостоверение личности.

ВЕРА (*привстала*). За университет платим! Себе во всем отказываем! Всё ей! Деньги коплю ей на приданое! А она серьгами кидается! Ради нее приехали в эту страну! В России она дружила с гопниками-гитаристами! Одна ее подружка наркоманкой стала, по рукам пошла! Я увезла Ленку от этих друзей! Так она в Израиле нашла себе гопника! Видали? Свобода ему нужна!.. Еще и Петька со своим аккордеоном!.. Я-то думала, среди своих собратьев – умный же народ евреи! – он и сам возьмется за ум! Думала, будем жить в согласии! Богато будем жить!.. Какое там!.. Евреи недаром говорят, кто родился шлимазлом, тот шлимазлом и останется!..

Чтобы утешиться, берет пульт, включает телевизор. Громкая, бодряя музыка успокаивает Веру. Она даже начинает потихоньку подпевать.

Входит Семен. Он строен, импозантен.

СЕМЕН (*кричит*). Есть кто дома?

ВЕРА (*сидя на полу, кричит*). Семен, ты?

СЕМЕН. У вас дверь настежь!

ВЕРА. Лена не закрыла... Извини, я ... зарядку делала!

Встает, выключает телевизор.

СЕМЕН. Не смущайся, Вера, зарядка в нашем возрасте просто необходима! Я делаю гимнастику йогов четыре раза в день! (*Посмотрел на часы.*) Сейчас как раз время.

ВЕРА. После зарядки умоюсь, а ты свою йогу делай.

СЕМЕН. Секундочку! Я приму позу лотоса, а ты погляди, может быть, возьмешь на вооружение!

ВКРА. Показывай.

Семен снимает пиджак, садится на ковер.

СЕМЕН. Ноги – так, руки – так. И занимаешься медитацией! То есть самовнушением!

ВЕРА. Обязательно буду делать. По телевизору говорили, самовнушение полезно!

Выходит.

СЕМЕН (*сидя в позе лотоса, кричит*). Как больной?

ВЕРА (*за сценой, кричит*). К врачу пошел!..

СЕМЕН (*кричит*). Температура?

ВЕРА (*за сценой*). Первый день нормальная!..

СЕМЕН (*поднял газету с пола*). За прессой следите?

ВЕРА. Прочли твою статью в «Ведомостях»! Я не знала, что ты умеешь так красиво писать!..

Входит принаряженная: передник сняла, на плечи набросила шаль. Прошла перед Семеном.

СЕМЕН (*следит за Верой*). Оооо!..

ВЕРА. Мне «ооо!» больше нравится, чем «ааа»!..

СЕМЕН (*встает*). В каком отношении?

ВЕРА. От Пети только и слышу: «Аааа!..» Буквально всем недоволен!

СЕМЕН. Казалось бы, выздоравливает, радоваться надо!

ВЕРА. Не каждому дано. Вот ты это умеешь – сам радуешься и радуешь других!

СЕМЕН. Этим сейчас и займусь. Вот тебе чек! (*Достает из бумажника*)
Получка Петра. Я решил лично тебе вручить!

ВЕРА. Спасибо, Сема!

СЕМЕН. Держи еще один чек! Премия!..

ВЕРА. Уж не знаю, как благодарить!

СЕМЕН. Из директорского фонда!

ВЕРА. Лично от тебя?..

СЕМЕН. Я не весь директорат! Я один из директоров – самый жадный и противный!

ВЕРА. Сема, ты что? Никто так не думает!

СЕМЕН. Шуткую, как говорят на Украине... Купила серьги?

ВЕРА. Погляди! (*Показывает.*)

СЕМЕН (*со знанием дела*). Ценная вещь! Алмазы настоящие!..

ВЕРА. Такие серьги я у подружки брала, когда на свиданки к тебе бегала! Помнишь, ты меня на Пугачеву пригласил, я в серьгах пришла?

СЕМЕН. Об этом, Вера, не будем. Не актуально!

Пауза.

ВЕРА. Твоя супруга в порядке? Здорова?

СЕМЕН. Как я шуткую, моя супруга цветет и пахнет. Шанелем номер пять!

ВЕРА. Говорят, вы ездили во Францию?

СЕМЕН. Было дело, да.

ВЕРА. На отдых?

СЕМЕН. Не до отдыха, Вера Степановна! Работы выше крыши! В прошлом году Соломон ездил во Францию. На переговоры. С утра до ночи заседал, питался кое-как. В сухом остатке – привез язву желудка!

ВЕРА. Говорят, еда во Франции своеобразная.

СЕМЕН. Они лягушек едят!

ВЕРА. Твой-то желудок выдержал?

СЕМЕН. Не подвел! Серьги отменные! Ленка, небось, довольна?

ВЕРА. Представь! Она эти серьги не взяла! Говорит – рабство!..

СЕМЕН. В каком отношении?

ВЕРА. «Ты – рабыня вещей!» – она говорит.

СЕМЕН. Шуткует?

ВЕРА. «Мы с папой, говорит, выдавим из тебя всё рабское! По капле, говорит, выдавим!..»

СЕМЕН. Ну а что ты хочешь? Петино влияние! Он взял на вооружение израильскую систему воспитания. Здесь родители потворствуют детям! Здесь и школа ученикам потворствует! А что в сухом остатке? Молодые грубят старшим, ведут себя развязно! А во французских школах дети шелковые, потому что их держат в узде! А в английских школах до сих пор, представь, телесные наказания! Англичане не смотрят, что отец у него крупный промышленник и всем известный джентльмен! Отец – джентльмен, а ты – снимай штаны!..

ВЕРА. Уж так-то строго тоже нельзя.

СЕМЕН. В кино ходишь?

ВЕРА. Давно не была.

СЕМЕН. Сходи! Непристойное поведение молодежи современное кино оправдывает! Или в театр сходи! Недавно мы с супругой смотрели пьесу некоего Бориса Полищука. Старшее поколение он выставил в смешном свете, а молодежь показал – продвинутой! И после этого мы удивляемся, что восемнадцатилетняя девчонка хочет выдавить из матери всё рабское!.. Это надо же, так перефразировать Чехова! Кстати, Чехов всё рабское предлагал выдавливать – не из других, а из себя! На мой взгляд, это требование понять можно, но выдавливать что-то из матери!.. У меня нет слов!..

ВЕРА. Твой-то парень послушный, воспитанный! Два года назад у Леночки на дне рождения он сидел в углу и молчал!

СЕМЕН. Скромный – да, но заметь – целеустремленный! Английский выучил! На рояле как играет! Слушаем с супругой и получаем большущее эстетическое удовольствие! Разве ты не слышала моего Сергея?

ВЕРА. Давно не встречались... Тебе, Сёма, кругом повезло! Сын у тебя уважительный, супруга пахнет Шанелем!..

СЕМЕН. Я не люблю слово «повезло»! Те же англичане называют людей моего типа сэлфмэйдмен.

ВЕРА. Я по-английски не понимаю.

СЕМЕН. В переводе – человек, который себя сделал сам!

ВЕРА. Как это – сам? *(Приснула).*

СЕМЕН. Я из простой еврейской семьи, мой отец был продавцом в гастрономе. Свой характер, свои взгляды и свой, не считая за хвастовство, успех я сделал сам!

ВЕРА. Для этого нужна сила воли! У Пети ее нет!

СЕМЕН. У Пети еврейский суррогат воли – упрямство! *(Заговорщицки.)* Он знает, где аккордеон?

ВЕРА. Я сказала, в ломбарде! Чуть меня не придушил!

СЕМЕН. Это ничего. Лучше поздно, чем никогда...

ВЕРА. Ты что говоришь?

СЕМЕН. Решение вопроса затянуло! Раньше надо было!

ВЕРА. Петька переживает! Так переживает, что про кладбище говорит!..

СЕМЕН. Вера, кладбище сейчас не актуально. Для нас, недавних репатриантов, самый актуальный вопрос – приспособиться, по-научному говоря, адаптироваться к новой обстановке!

ВЕРА. Вот и телевизор об этом говорит.

СЕМЕН. Включи «Новости».

Кладет руку Вере на плечо.

Шаль тебе к лицу!..

ВЕРА. Спасибо, Сема!..

В телевизоре – громкая музыкальная реклама.

Входит Петр. Заметив его, Семен убирает руку с Вериного плеча.

СЕМЕН (*кричит.*) А, больной! Приветствую!..

ПЕТР. Опять?! (*Кивнул на телевизор.*)

ВЕРА (*кричит.*) «Новости» будут!

ПЕТР. Выключи!

СЕМЕН. Желание больного удовлетворим.

Выключает телевизор.

Шалом, Пинхус!

ПЕТР. Шалом.

Рукопожатие.

СЕМЕН. Выглядишь прекрасно! Поправился?

Петр смотрит то на Веру, то на Семена и отрицательно мотает головой.

ВЕРА. Ты сказал врачу, что температура нормальная?

Петр снова мотает головой: нет.

Почему?

ПЕТР. Я у врача не был.

СЕМЕН. Между прочим, я с температурой тридцать девять на работу хожу!

ВЕРА. А этот с температурой тридцать шесть и девять валяется на диване, в стенку смотрит!

ПЕТР. Лучше в стенку смотреть, чем на тебя!

ВЕРА. Не нравлюсь?.. Что, совсем не нравлюсь?..

ПЕТР. Вырядилась!..

ВЕРА. Ты где был?

ПЕТР. В ломбарде! (*Трагически.*) «Не приносили нам аккордеонов!» – хозяин мне сказал!

ВЕРА. В каком ломбарде ты был?

ПЕТР. На Герцеля!..

ВЕРА. А я на Бен-Гуриона отвезла!

Петр бежит к двери.

Ты куда?.. Петька, ты куда?

ПЕТР. На Бен-Гуриона!

ВЕРА (*удерживает его*). Постыдился бы! Семен у нас! Он принес чеки!

ПЕТР (*Семену*). Давай! (*Протягивает руку.*) Сюда давай!

СЕМЕН. Вере отдал.

ПЕТР. Почему – Вере?

СЕМЕН. Как почему? Она твоя жена.

ПЕТР. Кто эти деньги заработал?

СЕМЕН. Успокойся, Петя. Карл Маркс говорил: «Деньги не у того, кто заработал, а у того, кто на финансах сидит»!

ВЕРА. С финансами мы потом разберемся. А сейчас за стол, мужчины! Ставит на стол бутылку. Петр отрицательно качает головой.

Не будешь? Хорошо! Выпью с Семеном!

ПЕТР. У меня на глазах?

ВЕРА. У тебя на глазах!

ПЕТР. Пей!.. Пей, если совесть позволяет!..

ВЕРА. И тебе рюмочка не повредит! (*Выходит.*)

Пауза.

ПЕТР. Семен, ты ... Что тут без меня делал?

СЕМЕН. Ну, что? С Верой разговаривал.

ПЕТР. Ты ее гладил, Семен!

СЕМЕН. Я утешал!..

ПЕТР. Жаловалась?..

СЕМЕН. Нервы ты ей мотаешь, Петя.

ПЕТР (*опустил голову*). Не любит меня... Тебя любит...

СЕМЕН. Она переживает из-за твоей болезни!

ПЕТР. Не уверен...

СЕМЕН. Скажи, а в чем ты уверен? По-моему, даже в том, что ты – Петр Аронсон, нет у тебя полной уверенности!

ПЕТР. Без аккордеона Аронсон не Аронсон. Пропал мой аккордеон!

СЕМЕН. Найдется. Не раскисай, держи себя в руках!

Пауза.

Из наших кто-нибудь навещал тебя?

Петр качает головой: нет.

Такое время, чуткость – дефицит! Соломон с язвой лежал, и то к нему не ходили!.. Но и ты хорош! Спросил бы, что нового, как дела. Я бы тебе сказал, что станок стоит, не успеваем наладить в срок!

ПЕТР. И что?

СЕМЕН. Срок – не аккордеон, его не растянешь!..

ПЕТР. Вера сказала... аккордеон в комиссионном... на Герцеля... А там его нет...

Тихая мелодия аккордеона. Петр вслушивается.

СЕМЕН. Мы старые друзья, я позволю себе быть откровенным. Как это ни парадоксально, аккордеон действовал на тебя не лучшим образом. Исчезало желание работать. Согласись – исчезало! А ведь работа нас держит на плаву! Потерял интерес к работе – хана!.. Но это не самое плохое. Хуже другое. Твои домашние концерты на слушателей действовали аналогично! Весь энтузиазм куда-то испарялся! Наши заводские «меломаны» до того дошли, что начали привередничать: эту работу делаем, а эту не делаем!..

Мелодия аккордеона громче.

Ты меня слышишь?.. Петя, для кого я говорю?..

ПЕТР (*вслушиваясь*). Сосед играет...

СЕМЕН. Никто не играет. По крайней мере, я ничего не слышу.

Мелодия смолкла.

Ты обожаешь музыку, это похвально. Но! Как я говорю, наши достоинства переходят в наши недостатки! На своих домашних концертах ты слушателям внушал, что мы живем – я тебя цитирую – не музыкально! И работаем – не музыкально! Ты смешал музыку с работой, не отделил котлеты от мух!.. А недавно выкинул уж совсем парадоксальный номер! Притащил аккордеон в мой кабинет! На совещание директоров! Мы тебя вызвали по делу, а ты пришел и играешь! Это что тебе, концерт самодеятельности?.. Объясни, зачем ты играл? Причем играл ужасную какофонию!

ПЕТР. Вальс Сибелиуса играл.

СЕМЕН. Но играл то медленно, как на похоронах, то быстро, как на скачках!

ПЕТР. Вы не поняли...

СЕМЕН. Что мы должны были понять?

ПЕТР. Что такое гармония.

СЕМЕН. Знаешь, Петр, твои чудачества зашкалили! Я за тебя заступался перед молодыми директорами, и ты решил, что всё тебе сойдет с рук! А молодые директора – жесткие, требуют, чтобы каждый работник был взвешен! На одной чаше – польза, на другой – вред!..

ПЕТР. Эти ваши весы! *(Махнул рукой.)*

СЕМЕН. Есть другие? Может быть, те? *(Ткнул пальцем вверх.)* Про них ничего неизвестно! А мы взвешиваем и видим: пользы и вреда от тебя одинаково – весы в равновесии!

Пауза.

Чего молчишь? Нечего сказать?

Петр держится за горло.

Больно говорить? Прополощи горло, я подожду.

ПЕТР *(полощет горло)*. Грр...

СЕМЕН. Конечно, мало приятного, когда болит горло. Но! Петя, с больным горлом ты можешь работать!

ПЕТР. Грpp!..

СЕМЕН. В конце концов, ты не горлом работаешь! Ты – наладчик станков, а не тенор!..

ПЕТР. Грppp!..

СЕМЕН. Надо уложиться в сроки! Так или иначе, наладка станка должна быть закончена в срок!..

ПЕТР. Тьфу! *(Выплюнул полоскание.)*

СЕМЕН. Не плюйся, Петр! Я не посмотрю на нашу многолетнюю дружбу! Говорю честно и откровенно, как другу! Уволю!..

Вера вкатывает столик с едой.

ВЕРА. Садитесь, мужчины.

Семен и Петр усаживаются за стол.

У меня на первое бульон с клецками. Бульон такой наваристый, как ты, Сема, любил!

СЕМЕН. Не помню, что я в молодости любил.

ВЕРА. Но я-то помню!

СЕМЕН. Пахнет бульон хорошо. *(Пробует бульон)*. Оooo!..

ПЕТР. Аaaa! *(Отодвинул тарелку.)*

ВЕРА. Давайте, мужчины, выпьем! *(Разливает по рюмкам)*. У меня тост – за здоровье присутствующих! За твое, Сема! И за твое, Петя!..

СЕМЕН. С твоего позволения, я дополню тост. *(Встает.)* Принеси коробку, под вешалкой в прихожей стоит.

ВЕРА. Ты принес? А я и не заметила!

СЕМЕН. Маленький сюрприз!..

Вера выбегает и возвращается с коробкой.

ВЕРА. Не такой уж сюрприз маленький!..

СЕМЕН. Открывай!..

Вера достает из коробки колонки.

Подключаю колонки к телефону!

Гремит музыка.

(Кричит.) Колонки USB! Наслаждайтесь! Наслаждайтесь не только музыкой, получайте удовольствие от всего, что дарит жизнь! Тогда и здоровье будет! Тогда мы проживем не то что до ста двадцати – до ста пятидесяти! За побитие рекорда долголетия!..

Петр поставил рюмку.

ПЕТР. Зачем долголетие, если... если гармонии нету?

ВЕРА (всплеснула руками). Заболел на всю голову!

СЕМЕН. Не надо скоропостижных выводов. (Выключает колонки). Давай подумаем. Давайте рассуждать. (Петру.) Что ты называешь гармонией?

ВЕРА. Да, что ты называешь гармонией?

СЕМЕН. Что ты любишь?

ВЕРА. Да, что любишь?

Петр поворачивается к жене.

Кроме аккордеона ты ничего не любишь!

СЕМЕН. У тебя был аккордеон, а теперь его нет. И что? Давайте разбираться, нарушена ли гармония. Вспомним, что дал тебе аккордеон! Лично тебе!..

ВЕРА. Да, что? Лично тебе и лично мне!..

СЕМЕН. Ты инструмент приобрел в России. До армии?

ПЕТР. До.

СЕМЕН. В армии не играл, там было не до музыки, но уж потом наигрался! И что?..

ПЕТР (медленно и хрипло). В заводское общежитие пришел... Аккордеон достал... Соседи обрадовались: «Под музыку бухать веселей!..» В другую комнату перешел... Там борцы жили... Я и сам классической борьбой занимался... Перед тренировкой беру аккордеон. Классики говорят: «Не настраивает твоя музыка на борьбу! Спортивной злости в ней нет! Ты нам как жилец не подходишь!..» Я к тебе обратился. Ты жил один...

СЕМЕН. Я поселил тебя в своей комнате, хотя и предвидел, что ты будешь мне мешать! Но как было не поселить – в армии вместе служили!..

ПЕТР. Ты почитывал разные брошюры...

СЕМЕН. Я самообразованием занимался, а ты играл! Но я терпел!.. Как близкого друга я познакомил тебя с Верой, а ты... По сути ты отбил ее у меня!..

ПЕТР. За тебя она не шла, а за меня пошла.

ВЕРА. Ты был брюнет с голубыми глазами! Классик! Аккордеонист! И влюблен в меня без памяти! Отказать не смогла!

СЕМЕН. Подробностей не надо, не актуально! Пускай Петя продолжит свой рассказ под названием «Я и аккордеон».

ПЕТР. Поселили нас в семейном общежитии. Соседи в стенку стучали: «Кончай играть!» Я думал: получу свою квартиру – поиграю...

ВЕРА. Квартиру дали – Семен помог!..

СЕМЕН. Несмотря на его предательство, я как секретарь парткома голосовал за предоставление жилья молодой семье!..

ВЕРА. В этом твое благородство! А ты, Петя, в новой квартире, что делал? Придет с работы и – давай играть! Какие-то мелодии... не те! Если не велит начальство это играть, значит, не играй! Его репертуаром заинтересовались!

СЕМЕН. Он и меня подставил!

ВЕРА. Уехать пришлось!

СЕМЕН. Ко мне больших претензий не было, но я почувствовал – тучи сгущаются. Я сделал свой выбор.

ВЕРА. Кто в России был на коне, тот и в Израиле не пропал, не затерялся!..

СЕМЕН. Я основал фирму. Набрал работников. Они понимают, что в этой стране надо отдавать все силы фирме! Они жаждут работы! А Петр Аронсон работой пренебрегает! Я пригласил его на серьезное совещание – является с музыкальным инструментом! Как он это объясняет, Вера, ты знаешь? Оказывается, он играл какофонию, чтобы мы, директора, прониклись гармонией! *(Смеется.)*

ВЕРА. А дома что он делает? Растянет меха и говорит, что я, малярша, не музыкально крашу стены, не музыкально белю потолки! А я стараюсь быстрее закончить! Меня же торопят! Да я и сама тороплюсь! Уже на сквознях радикулит заработала! Он вроде бы сочувствует, но и осуждает меня! Не музыкально, видишь ли, работаю!

СЕМЕН *(Петру)*. Я хочу, чтобы ты понимал, что мы — одна семья! И если глава семьи наметил определенный срок выполнения работы, то надо уложиться! Срок продиктован необходимостью! Здесь конкуренция! Если будем медлить, заказчик больше к нам не придет! *(Вере.)* Сбрасывая необходимость со счетов, он сравнивает реальное положение вещей с тем, что, по его мнению, должно быть! С тем, что он называет музыкальным! И размышляет: отчего действительность отличается от музыкальной идиллии!.. Мне вспоминается Конфуций...

ВЕРА. Это кто?

СЕМЕН. Китайский мыслитель! Конфуций сказал: «Учение без размышления – бесполезно. Но размышление без учения – опасно!» Без учения можно до таких размышлений дойти, что в петлю полезешь! *(Петру.)* Встань. Ну, встань, встань!

ПЕТР. Зачем?..

СЕМЕН. Не может обойтись без своих «зачем» и «почему»!

ВЕРА. Петя, встань, Семен просит!

Семен поставил Петра рядом с собой.

СЕМЕН. Есть зеркало?

ВЕРА. В шкафу.

ПЕТР. Оставишь ты меня в покое или нет! (*Хочет сесть, но Семен его удерживает.*).

СЕМЕН. Надо понять важную вещь, я бы сказал, важнейшую! Древние греки говорили: в здоровом теле здоровый дух. Я говорю – наоборот! Здоровый дух делает тело здоровым, больной дух делает тело больным! У тебя было тело борца-классика, но ты погрузил его в лужу меланхолии и малограмотных размышлений! Стал винить себя и Веру в отсутствии гармонии! В сухом остатке – заболел! Заболел твой дух, потом – тело!.. Петя, посмотри на себя! (*Указал на встроенное в шкаф зеркало.*) Теперь на меня! (*Вере.*) Помнишь, каким я был?

ВЕРА. Тощий, хилый...

СЕМЕН. Я начал работать над собой еще в России! Стал заниматься теннисом! В Израиле приплюсовал к нему йогу! Что в сухом остатке?

ВЕРА. Красота!..

СЕМЕН. Не хвастаюсь, я всего лишь делюсь опытом! Здоровый дух меня сделал сильным!..

ПЕТР. А может, пиджак?..

СЕМЕН. Какой пиджак?

ПЕТР. С плечами.

СЕМЕН. Я ему философию излагаю, а он порет чушь про пиджак!..

ВЕРА (*сжалилась над мужем*). Ладно, Сема. Садитесь оба.

СЕМЕН. Включи музыку. Красиво будем кушать! Всё будем делать красиво и – с удовольствием!

Вера включила колонки.

Петр сдвигает посуду, ставит локоть на стол.

ПЕТР. Руку ставь.

СЕМЕН. Ты что, хочешь силой меряться?

ПЕТР. Ставь руку!..

СЕМЕН. Только не за столом! В той же Англии в отношении поведения за столом – нам, новоиспеченным израильтянам, стоит поучиться!

ВЕРА. Сема, струсил?

СЕМЕН. Я?.. Ни в коем случае! (*Снимает пиджак, засучивает рукава рубашки.*) Принимаю вызов! Иначе он не успокоится, я знаю его упрямство!

ВЕРА. Осрамишься, Петя! Ох, осрамишься!

СЕМЕН (*ставит локоть на стол*). По моей команде. Раз... Два... Два с половиной... Три!..

Сцепив ладони, пыхтя, Семен и Петр начинают поединок. Вера болеет, но за кого, не понять.

СЕМЕН. Я те-бя... у-де-лаю!..

ПЕТР. По-смо-трим!..

СЕМЕН. Ты... ля-жешь!..

ПЕТР. По-гля-дим!..

СЕМЕН. Я силь-ней! Лег?..

ПЕТР. Не лег!..

Из последних сил держит оборону, но Семен пригибает его руку к столу.

СЕМЕН. Философия здорового духа в здоровом теле победила!

Пауза.

ВЕРА. Он всю неделю болел, в себя еще не пришел... Второе нести? Петя, что будешь кушать, жареного карпа или мясо?

СЕМЕН. Он всё будет кушать!..

Вера выходит.

Завтра, дорогой Пинхус, ты выходишь на работу! Я называю тебя Пинхусом, чтобы напомнить, где ты сейчас обитаешь! Ситуация критическая! Не уложимся в сроки – заказчик три шкуры с меня спустит!..

ПЕТР. Всего сколько шкур у тебя?

СЕМЕН. К твоему сведению, чем больше шкур у директора, тем трудней ему причинить боль! Колют, а я не чувствую, продолжаю работать! А ты, чуть что – работу по боку, и за аккордеон! Но музыка тебя не успокаивала! Так сделай вывод, иным способом успокаивайся! Йогой поддерживай себя! Кстати, сколько сейчас? (*Смотрит на часы.*) Еще не пора, но для тебя кое-что покажу преждевременно. Видел когда-нибудь позу лотоса?

ПЕТР. Нет.

СЕМЕН. Смотри!

ПЕТР. Ааа!.. (*Махнул рукой.*)

СЕМЕН. Не маши рукой, проверенный способ!

Сел на ковер в позу лотоса.

Закрываешь глаза и говоришь себе что-нибудь в таком роде: «Мой аккордеон толкал меня на противостояние директорату! Я забывал про необходимость! Это путь в никуда!..» Три раза повторил и – замер! (*Замирает.*)

Пауза.

ПЕТР. Становись на ковер!..

СЕМЕН. Я на нем сижу.

Петр принимает борцовскую стойку.

Теперь бороться хочешь? Неужели ты думаешь, что у тебя есть шанс?
(*Встает.*)

ПЕТР. Я был классиком!

СЕМЕН. Я классиком не был, но с тобой справлюсь. Петя, пошутковали, и хватит!

ПЕТР. Раз!..

СЕМЕН. Не дури!

ПЕТР. Два!..

СЕМЕН. Мы покушаем! Выпить не могу – я за рулем, но получу кулинарное удовольствие! Вера прекрасно готовит!

ПЕТР. Три!..

*Хватает Семена и начинается борьба. Со стола летит посуда.
Вбегают Вера.*

ВЕРА. С ума посходили?.. Петька!.. Семка!.. Семка, забыл, что ты – директор фирмы!?..

Семен прижал Петра к коври.

СЕМЕН. Я директор, а он кто?.. Бывший классик! Бывший аккордеонист! (*Встает.*)

ВЕРА. Как пацаны, честное слово! (*Протягивает Семену щетку.*)

ПЕТР (*приподнялся, смотрит то на Семена, то на Веру*). Где аккордеон?..

СЕМЕН (*чистит щеткой брюки*). У тебя нет, а где – не важно!

ПЕТР. У тебя?..

Встает. Пауза.

(*Вере.*). У него?.. У него мой аккордеон!..

Выбегает.

СЕМЕН. Петр, не сходи с ума! Подожди меня, Петр!..

ВЕРА. Он убежал!.. Сема, ты на машине, приедешь первым, не впускаяй его в дом!

СЕМЕН. Ничего он мне не сделает!

Выбегает.

ВЕРА. Этот шлимазл на всё способен! (*Со слезой*). Аккордеон продала – Петька ругает! Серьги купила – Леночка обзывает!.. Доконают они меня!.. Ой, горе, горе!..

Входит Сережа – длинноволосый парень, в джинсах с дырами и в

куртке.

ВЕРА (удивленно). Сережа?.. (Наклонилась, подняла с пола стакан.) У нас, извини, беспорядок...

СЕРЕЖА (нагнулся, из-под дивана достал тарелку). Летающие тарелки?.. Я думал, это миф!..

ВЕРА. Здравствуй, Сереженька! Твой папа только что уехал, вы разминулись.

СЕРЕЖА. Привет, тетя Вера. Я дядю Петю видел – он в автобус влетел.

ВЕРА. Скоро вернется. И Леночка скоро вернется! (Разглядывает гостя.) А тебя не узнать!.. Прическа новая!..

СЕРЕЖА. А вы, тетя Вера, не меняетесь! Как будто вас законсервировали!..

ВЕРА. Спасибо!.. Садись, Сереженька! Давно не виделись! Сейчас мы с тобой поделимся новостями! Сейчас! Я только приберусь!..

Затемнение

Часть вторая

Та же комната. Вера заканчивает уборку. Сережа стоит возле окна.

ВЕРА (продолжает разговор). Я щей налила, папа и дядя Петя кушали. Я вышла за вторым. У меня на второе рыба, карп жареный. Есть еще мясо вареное – по выбору, как в ресторане! Вдруг слышу – шум, грохот! Вбегаю – катаются по полу! Борются, как два пацана!..

СЕРЕЖА. Кто победил?

ВЕРА. Кто? Дружба победила, они с молодости – друзья!.. В Израиле твой папа – директор фирмы, а дядя Петя – как был наладчиком, так и остался. Но старый друг лучше новых двух! И дети их должны дружить!.. Мне очень жаль, Сереженька, что вы с Леночкой не дружите. Три года назад мы тебя пригласили на ее день рождения, а потом ты пропал. Это было ровно три года назад!.. Сереж! А ведь день рождения Леночки – завтра! Приходи, увидишь, какой она стала! Настоящая красавица! Еврейские мальчики на нее засматриваются!.. Между прочим, ко мне тоже в молодости многие евреи клеились, я такая была! Как говорил твой папа – зажигалочка!..

СЕРЕЖА. А вы и сейчас в хорошей форме!..

ВЕРА. Нет, не та я сейчас, годы свое берут. И жизнь у меня не та, что у твоей мамы!.. Сколько лет ты мне дашь?

СЕРЕЖА. Ленке восемнадцать, значит, вам ...

ВЕРА. Учти, я ее поздно родила.

СЕРЕЖА. Вам сорок восемь, как моей маме.

ВЕРА. Я старше твоей мамы на девять лет! Но ты решил, что мы с твоей мамой – сверстницы! (*Радостно смеется.*) Недавно была у вас. Не застала ни твою маму, ни тебя. Папа показал мне ваш новый дом. Вы красиво живете!.. Но почему ты, Сережа, так одет? Твой папа всегда в костюме, при галстуке! А ты – видный собой парень! На тебе бы тоже костюм смотрелся!

СЕРЕЖА. Тетя Вера, у меня нет костюма.

ВЕРА. Как это – нет костюма? Ни одного? Попроси денег у папы и купи! Или возьми у папы, у него, я думаю, костюмов полный шкаф!..Завтра, Сережа, надень папин костюм и во всей красе – к нам! Салатиков наверчу, блинчиков! (*Толкает Сережу в бок.*) Вкусненькое любишь?

СЕРЕЖА. Диету соблюдаю.

ВЕРА. Это в твои-то годы?

СЕРЕЖА. Фигуру надо беречь с молодых ногтей.

ВЕРА. У твоего папы хорошая фигура, хотя он любит покушать!

СЕРЕЖА. Ну, папа! Папа – феномен! (*Посмотрел на часы.*) Что-то дяди Пети долго нет.

ВЕРА. Проветриться ему захотелось, целую неделю лежал. Они с твоим папой поговорили о делах, потом сели обедать, и прямо за столом надумали меряться силой!.. Как твой папа говорит, шутовали!..

СЕРЕЖА. Вообще-то... Друзья шутят до обеда. Или после обеда. Вместо обеда шутить не принято.

ВЕРА. Заспорили, кто крепче! С мужчинами это бывает!

Пауза.

Ты не ответил, придешь завтра?

СЕРЕЖА. Боюсь, тетя Вера, вы не обрадуетесь, если я приду.

ВЕРА. Это почему же?

СЕРЕЖА. Люблю петь.

ВЕРА. Пой на здоровье!

СЕРЕЖА. Видите ли, тетя Вера... Не всем нравится мое пение. Папа, стоит мне запеть, говорит маме: «Скажи ему, чтобы он не выл!..»

ВЕРА. Ты воешь?

СЕРЕЖА. Папа так воспринимает мое пение.

ВЕРА. А мама?

СЕРЕЖА. «Сережа, – говорит она, – папа просит, чтобы ты не пел».

ВЕРА. А ты?

СЕРЕЖА. Я: «Скажи ему, чтобы не слушал!»

ВЕРА. А почему?

СЕРЕЖА. Не нравится – уйди, закрой дверь в кабинет, звукоизоляция в доме отличная.

ВЕРА. Нет, почему вы через маму разговариваете?

СЕРЕЖА. Ах, это... У нас так принято.

ВЕРА. Как принято?

СЕРЕЖА. Англичане общаются через посредников. Этикет у них такой. Мы слизали.

Пауза.

ВЕРА. Ты кушать не будешь?

СЕРЕЖА. Спасибо, не голоден.

ВЕРА. Садись, чего стоять.

Садятся за стол.

Что-то, Сережа... Папа тобой гордится, а ты... Ты о нем отзываешься без сыновнего уважения.

СЕРЕЖА. Вы слышали о Моцарте?

ВЕРА. А то нет! Это же композитор! Ты не думай, что я серая женщина, я знаю композиторов! Моцарт давно жил, я больше современных слушаю. Пахмутува обожаю! Которая сочинила «Надежду»! (*Напевает.*) «Надежда – мой компас земной. А удача – награда за смелость. А песни довольно...»

СЕРЕЖА. Довольно, тетя Вера, довольно!

ВЕРА. О Моцарте ты почему спросил?

СЕРЕЖА. Экзюпери, французский писатель, сказал: «Уважать человека – значит понимать, что в нем, быть может, Моцарт погибает!...»

ВЕРА. В ком погибает Моцарт?

СЕРЕЖА. В дяде Пете, во мне – в любом из нас!..

ВЕРА. Ты еще скажи, что в дяде Пете погибает Пахмутува! Извини, я думаю, что и в тебе Моцарт не погибает. У вас двухэтажный дом, и то ты мешаешь папе. Наверно, голос у тебя не очень чтобы очень. Играть на рояле умеешь, петь – нет. А по мне: есть голос – пой, нет – не мотай нервы!

СЕРЕЖА. К сожалению, люди не всегда ведут себя в соответствии с собственными правилами!

Пауза.

ВЕРА. У Леночки на дне рождения ты сидел в углу и молчал, а теперь насмешничаешь. Вообще изменился!..

СЕРЕЖА. Как говорит мой папа, всё течет, всё изменяется. Он вам не говорил этого? Ну так скажет... Дяди Пети что-то долго нет.

Пауза.

ВЕРА. Какие у тебя вопросы к нему?

СЕРЕЖА. Музыкальные.

ВЕРА. А конкретней можно?

СЕРЕЖА. Тетя Вера, музыка не конкретна!..

ВЕРА. Я знаю, что не конкретна, не хуже тебя знаю! Она в звуках!

СЕРЕЖА. Не только в звуках, но и в словах! И в движениях! Архитектуру называют застывшей музыкой! В спортивной борьбе, как говаривал поэт Александр Блок, есть свой музыкальный ритм!.. Кстати, вы не ответили, кто из борцов победил?

ВЕРА. Допустим, твой отец.

СЕРЕЖА. Дядя Петя занимался классической борьбой?

ВЕРА. А ты тоже классик?

СЕРЕЖА (*указал на себя*). Каратист!.. Покажу дяде Пете парочку приемов!

Пауза.

ВЕРА. Ты знаешь, Сергей, а дядя Петя не скоро придет!

СЕРЕЖА. Подожду. Скоро придет Ленка.

Из кармана куртки достает планшет.

ВЕРА. Леночка тоже не скоро придет!.. У нее свидание! (*Ждет реакции.*) Свидание с одним человеком!

СЕРЕЖА (*указал на себя.*) С этим... С этим человеком.

ВЕРА. Да ты что? Как со старшими разговариваешь?

СЕРЕЖА. Я видел Лену час назад.

ВЕРА. Где видел?

СЕРЕЖА. На кикар Парис. Она поехала в универ, я к вам. Ленка меня просила поговорить с дядей Петей.

Пауза.

ВЕРА. Выходит, ты ее человек?

СЕРЕЖА. Выходит, я.

ВЕРА. И давно?

СЕРЕЖА. Что-то с неделю.

ВЕРА. Почему я об этом не знаю?

СЕРЕЖА. Мой папа в таких случаях говорит: «Сюрприз!» – и разводит руками.

ВЕРА. А если я против таких сюрпризов?

СЕРЕЖА. Тетя Вера, против вы или за – это ничего не меняет. Практически ничего.

ВЕРА. Практически?.. Так это ты Лену учишь? Лекции про свободу ты ей читаешь?

СЕРЕЖА. Я лекций не читаю. Я просто высказываю свое мнение. Другое дело, что мое мнение трудно оспорить. Практически невозможно!

Пауза.

ВЕРА. У меня работы много, а я с тобой сижу...

СЕРЕЖА. Работайте, тетя Вера! Вы мне не мешаете!

Углубился в чтение. Пауза.

ВЕРА. О чем Леночка просила поговорить с дядей Петей?

СЕРЕЖА (*не отрываясь от чтения, поднял указательный палец*). С дядей Петей!..

Вера направилась к выходу, но остановилась, смотрит на Сережу.

ВЕРА. Вот это сюрприз!..

Входит Петр.

СЕРЕЖА (*вскочил*). Дядя Петя, категорически приветствую! Разрешите пожать вашу руку!..

Трясет руку Петра.

ВЕРА. Он с Леночкой дружит! Уже целую неделю!..

СЕРЕЖА. Мы с вашей дочерью знакомы с детства, но только неделю назад возник интерес, причем взаимный!.. Мне известно про аккордеон. Тетя Вера продала ваш инструмент моему папе. Час назад за столом вы разодрались с папой, сели в автобус и поехали к нам! Папа на машине примчался первым и не пустил вас в дом? Верно?

ПЕТР (*хрипло*). Я это... По дороге вышел... Из автобуса ... Представил – ты играешь, я врываюсь... Аааа!..

ВЕРА. Петенька, ты понял, что свое отыграл! Молодые должны играть! Нам с тобой хватит колонок! Будем включать концерты по телевизору! Чем плохо?..

Включила телевизор. Бодрая музыка.

(*Ласково.*) У тебя, Петенька, голос уже лучше. Прополощи горлышко, тогда полностью восстановишься! (*Подносит стакан с полосканием.*)

Петр отводит ее руку, показывает на бутылку.

ПЕТР. Осталось?

ВЕРА. Осталось, Петя, осталось! На, выпей. По Первому каналу доктор наук рекомендовал перед обедом выпивать рюмочку. Если понемножку, для здоровья полезно!..

Подносит стакан, Петр выпивает. Вера, испытывая мужа, прибавляет громкости в телевизоре. Петр терпит, хотя эта музыка ему не по душе. Но вдруг Сережа откинулся на спинку стула и закатил глаза.

ПЕТР (*Сереже*). Что с тобой?

СЕРЕЖА (*стонет*). Плохо!.. Мне плохо!..

ПЕТР (*напрягаясь, кричит Вере*). Выключи ящик!

Вера выключает телевизор.

ВЕРА (*Петру о Сереже*). Он с похмелья! Такое тут нес!..

СЕРЕЖА (*слабым голосом*). Не пью... На меня... иногда...находит...

слабость...

ПЕТР. Пообедай с нами, подкрепишься.

СЕРЕЖА (*тем же слабым голосом*). Что на обед?..

ВЕРА (*с подозрением оглядывает Сережу*). Карп жареный.

СЕРЕЖА. Не ем карпа...

ВЕРА. Мясо будешь кушать?

СЕРЕЖА (*указал на себя*). Вегетарианец...

ВЕРА. Какой щепетильный! Надо же!..

Выходит.

СЕРЕЖА (*вскакивает*). Дядя Петя, понимаете...

ПЕТР. Ты притворялся?

СЕРЕЖА. Практически нет! Плохо мне стало от вашей супруги! «Щепетильный!..» Не понимает, что говорит!

ПЕТР. Ты не очень, не очень!

СЕРЕЖА. Вы ничего не поняли? Она попросила денег у моего отца! Он сказал: «Аккордеон неси!» И она принесла!..

ПЕТР. Отец для тебя аккордеон приобрел.

СЕРЕЖА. Мне аккордеон не нужен! Она с моим отцом в заговоре против вас! На деньги отца она купила Ленке серьги! Ваша дочь серьги не взяла! Она по одну сторону баррикад с вами!..

ПЕТР. Тебе-то до меня какое дело?

СЕРЕЖА. Я с детства от папы слышу: «Петр Аронсон – дурак! Не будь таким, как он!..» Я на папу полагаюсь: если он говорит, что вы – дурак, значит, вы – интересный человек!.. Чего вы смотрите на меня, как на летающую тарелку?..

ПЕТР. Отец ведь.

СЕРЕЖА. Он рассказал маме, что вы пришли на совещание с аккордеоном! Классный прикол, дядя Петя! (*Смеется.*) Я вас еще больше зауважал!..

ПЕТР. Это не прикол.

СЕРЕЖА. А что?

Молчание.

Что для вас аккордеон?..

ПЕТР. Молод ты, вряд ли меня поймешь.

СЕРЕЖА. Музыкант всегда поймет музыканта!.. Спрошу иначе: музыка, дядя Петя, что для вас?

Пауза.

ПЕТР. Случай расскажу...Только не смейся...

СЕРЕЖА. Я весь внимание!

ПЕТР. Еще в России было... Как-то стою возле окна... Играю на

аккордеоне... В другой комнате Вера и Ленка... Играю и думаю: ну, почему так?.. Верней, почему не так, как могло бы быть?.. Могло быть – деревья зеленые смотрят в окно, мать и дочь разговаривают, отец после трудового дня играет на аккордеоне... А на самом деле: Вера отчитывает Ленку, кричит! В окне – трава чахлая, тополи пыльные! Трудовой день был не в радость, начальство меня вынуждало сдать заказчику ненастроенный станок... Играю и думаю: ведь был же мир гармоничным!..

СЕРЕЖА. Когда? Когда он гармоничным был?

ПЕТР. После творения... Как Творец допустил, чтоб мы Его творение испортили?..

СЕРЕЖА (*прячет улыбку*). И что, нашли ответ?

ПЕТР. Творец нам не приказывает: «Делай это, а то не делай!» Он, может быть, и не наблюдает за каждым из нас, других дел полно... Но я думаю, есть у него помощники...

СЕРЕЖА. Ангелы небесные?

ПЕТР. Не знаю... Но знаю то, что им можно послать запрос...

СЕРЕЖА. Отвечают?..

ПЕТР. Ответ закодирован, не всякий поймет... Есть люди – у них внутри приемник, волны эти расшифровывает! Эти люди чувствуют гармонию!..

СЕРЕЖА. Вы из их числа?

ПЕТР. Нет... Но когда я играл... Я понимал, как себя вести, чтобы гармонию не нарушить...

СЕРЕЖА. Пример? Практический пример?

ПЕТР. Семен... твой отец дал мне неделю, чтобы я наладил станок. Прихожу домой, беру аккордеон, играю. Мой запрос уходит. Играю и слышу: «Не уложишься в срок. Гармонии не будет!..» Назначаю свой срок. Или вот Семен очистные сооружения отключил, грязную воду в море сливает. Играю и слышу: «Останови их!..» И остановил.

СЕРЕЖА. А на совещании директоров? Зачем вы играли вальс?

ПЕТР. Я играл медленно – получалась скучно! Играл быстро – суета выходила! А ведь это – вальс Сибелиуса!..

СЕРЕЖА. Идея в чем?

ПЕТР. Нарушишь гармонию – не выйдет ничего! Верней, выйдет то, что никому не нужно!

СЕРЕЖА. Папа остался глух, не так ли? Может быть, Соломон, который во Франции объелся и привез язву, вас услышал? Может быть, Матвей и Моисей, эти папины прихлебатели, вас поняли? Никто на папиной фирме вас не поймет!..

ПЕТР. Ребята с фирмы ко мне приходили. Вроде бы понимали...

СЕРЕЖА. Вы заболели – вас кто-нибудь навестил?

ПЕТР. Навестил.

СЕРЕЖА. Кто?

ПЕТР. Сосед заходил.

СЕРЕЖА. Музыкант?

ПЕТР. Аккордеонист. И твой отец приходил.

СЕРЕЖА. На вас вся фирма держится! А вы ничего для себя не требуете, привыкли в России довольствоваться малым!

Пауза.

ПЕТР. Ты в ссоре с отцом?

СЕРЕЖА. Я с ним порвал!

Пауза.

Дядя Петя, вам музыка помогает принимать решения! Аккордеон для вас что-то вроде компаса в лесу! Но у меня более широкий взгляд на музыку!.. Популярно излагаю!.. Представьте – зима, на реке лед, на льду ярмарка. Купля-продажа, шум, крик! Но вот солнце освобождает реку ото льда! Ярмарка ушла, река обнажилась!.. Музыка действует на наше сознание, как солнце на лед! Оковы сознания слетают, и открывается подсознание – река наших подлинных желаний! Течет эта река издалека – от предков! С помощью музыки вы открыли в себе свои главные желания! В вашем подсознании жила память о тех предках, кто вышел из Египта! И о тех, кто на протяжении веков не соглашались быть рабами!.. Папа скрывал свое еврейство, а вы гордились своим народом! Вы пели еврейские песни! Папа не музыкален, поэтому не знает ничего о себе! Не знает, что он – потомок рабов! Его предки остались в Египте! Волею судеб они потом очутились в России! Мое счастье, что его гены мне не передались! Дядя Петя, к сказанному надо добавить еще одно. Где вы в России жили?

ПЕТР. В Новгороде.

СЕРЕЖА. В Новгороде было вече! Русские горожане свободно излагали свои мысли! Их потомки были вашими друзьями! Их музыка благотворно действовала на вас! А мой папа заседал в парткоме с потомками жестоких крепостников! Поэтому он давит на вас! И на меня давил со страшной силой!..

Тихая мелодия аккордеона.

ПЕТР (*вскинул голову.*) Слышишь?..

СЕРЕЖА. Что?..

ПЕТР. Аккордеон...Сосед, наверно, играет...

СЕРЕЖА. У меня абсолютный слух, но я ничего не слышу.

ПЕТР. С пути сбился... Без компаса... Аккордеон про это играет...

СЕРЕЖА. У вас слуховая галлюцинация! Вам что-то слышится. На самом деле полная тишина!..

Смолк аккордеон.

Не возражаете, если я проветрю комнату, запах тяжелый. Открою окно... Идите сюда. Дышите глубже!.. Еще глубже! Вот так!.. Весна – мое любимое время года! Меня тянет весной уехать! А вас тянет?

ПЕТР. Куда я поеду, на мне Вера и Ленка,

Пауза.

СЕРЕЖА. Я верну вам аккордеон. Слово музыканта даю! Но, к сожалению, больше ничего для вас не могу сделать... Но вашей дочери я помогу стать свободной! Университетские лекции убивают в ней Моцарта! Университет – это, в сущности, коллективный Сальери!..

ПЕТР. Она не ходит на лекции.

СЕРЕЖА. Я с ней начал заниматься.

ПЕТР. Ты?..

СЕРЕЖА. Задатки у нее хорошие.

ПЕТР. Я пробовал ее учить – не получалось.

СЕРЕЖА. У меня получается!.. Дядя Петя, один мой знакомый предложил мне давать концерты. Я возьму Ленку с собой.

ПЕТР. Куда возьмешь?

СЕРЕЖА. Это настоящий Эдем! Великолепные условия!..

ПЕТР. Для чего условия?..

СЕРЕЖА. Лена начнет петь в концертах! Поверит в себя!.. Как музыкант музыканту – условия и для того, о чем вы подумали! Мы будем жить в кедровом лесу! Чистая река, воздух – пей-не хочу! Полная гармония!..

Входит Вера с каструлей в руке.

Мы могли бы сесть в поезд и напрямиком в этот Эдем, но ваша дочь попросила меня всё вам рассказать. Она вас очень уважает! Завтра ей исполняется восемнадцать лет. Мы хотим встретить день ее рождения вдвоем в Эдеме!.. Мы с Ленкой любим друг друга!..

Вера решительно направилась к Сереже.

ВЕРА. Я твою любовь в гробу видела!..

СЕРЕЖА. Извините, тетя Вера, но я не вас люблю!

ВЕРА (*Петру*). Он Леночку хочет увезти неизвестно куда! (*Сереже*.) Я не посмотрю, кто твой отец! Будешь Леночке лапшу на уши вешать, с лестницы спущу!..

ПЕТР. Вера, он не к тебе пришел.

ВЕРА. К тебе? Конечно, вы оба музыканты! Ну так и поезжай с ним! Поезжай, шлимазл, скатертью дорога! Жизнь мне испортил! Поезжай, без тебя легче будет!..

Петр опустил голову. Пауза.

СЕРЕЖА. Дядя Петя, ваша супруга – генератор идей!..

ВЕРА. Помалкивай!

СЕРЕЖА. Вы не в России, тетя Вера! В Израиле пока еще свобода слова!..Дядя Петя, неделя на природе – то, что вам нужно! Отдохнете, порыбачите! А если захотите поработать аккордеонистом, я вас возьму в свою группу!

ВЕРА. Аккордеонист без аккордеона.

СЕРЕЖА. Я дал слово музыканта – будет аккордеон!

ВЕРА. Он тебе – аккордеон, а ты ему – Леночку! Аккордеона лишился – из штанов полез! Дочери лишиться не страшно! Аккордеон дороже дочери! О жене – что и говорить! *(Плачет.)* Я малярша с радикулитом, но я не покину рабочего места! Не так воспитана! А ты – здоровенный мужик, готов сбежать с фирмы, уехать на отдых с этим прохиндеем! Он ненавидит родного отца, хочет навредить ему!..

СЕРЕЖА. Ваша супруга, дядя Петя – она беспокоится о моем папе! Они оба не музыкальны, это их объединяет! Откуда вы родом, тетя Вера?

ВЕРА *(растерялась)*. Из Рязанской области.

СЕРЕЖА. Из деревни?

ВЕРА. Деревня Лысовка.

СЕРЕЖА. Вот! В этом суть! Ваши предки – крепостные крестьяне, барин стриг их наголо, отсюда название деревни! *(Петру о Вере.)* Она – типичная рабыня! У вас в подсознании – свобода, у нее – рабство!

ВЕРА. Вражина! *(Уронила на стол голову, рыдает)*. Явился на нашу голову, не запылится!..

ПЕТР. Полегче, Сергей... Не плачь, Верочка...

ВЕРА *(подняла голову)*. Не оставишь меня?

ПЕТР. Не оставлю, глупая!

ВЕРА *(вытирает глаза)*. Телевизор можно включить? А то нервы от этого агитатора не выдерживают!

ПЕТР. Включи.

Вера включает телевизор. Негромкая музыка.

ВЕРА. Петюня! *(Обнимает мужа.)* Поговори с Леночкой, чтобы она с ним не ехала!..

ПЕТР. Они взрослые люди, сами решат.

ВЕРА. Завтра на работу выйди, Петюня! Покажи доченьке пример!

ПЕТР. Выйду, ладно.

ВЕРА. Я поглажу комбинезон?

ПЕТР. Ну, погладь...

Вера, презрительно взглянув на Сережу, включает утюг. Тотчас – взрыв музыки.

ПЕТР *(подскочил)*. Аааа!..

Жмет кнопку на пульте – не помогает. Выдергивает из розетки шнур утюга – становится тихо.

(Сереже). Почему?..

СЕРЕЖА. Канал «Россия» связан с утюгом. Пока утюг включен, он поддерживает канал.

БЕРА. У этого умника на всё готов ответ! Замолкни наконец! Кушай рыбу! (Сережа хочет что-то сказать.) Молча!..

Едят. Сережа отодвигает тарелку.

СЕРЕЖА. Не могу...

БЕРА. Ему не нравится карп! Двадцать пять шекелей кило!

СЕРЕЖА. В реке наловлю форели. А вы, дядя Петя, ешьте костлявого карпа. Жалко мне вас!

БЕРА. Знаешь, кого жалко? Твоего отца!..

СЕРЕЖА (*кивнул на Веру*). Рабыня обожает рабовладельца! Последняя стадия рабства. Стокгольмский синдром!

БЕРА (*ринулась на Сережу*). Водки не пьет, мяса не ест, но это же агрессор! Прет на меня, как танк!..

ПЕТР. Вера, стой!..

БЕРА. Я покажу тебе синдром! Сейчас кастрюля будет на твоей голове!..

Одной рукой держит кастрюлю, другой Сережу. Петр оттаскивает жену.

Вбегает Лена.

ЛЕНА. Поздравь меня, Сережка! Вопрос решен!..

БЕРА. Какой вопрос?..

ПЕТР. Какой вопрос, дочка?..

ЛЕНА. Освободилась от универа!

ПЕТР. Со мной не поговорила!..

ЛЕНА. У тебя, папа, голоса не было, всю неделю не мог говорить.

БЕРА. Ты не в своем уме! (*Опустилась на стул.*)

СЕРЕЖА. Не беспокойтесь, дядя Петя, я обучу вашу дочь всему, что нужно!

БЕРА. Ты обучишь! (*Рыдает.*) Ой, горе, горе! Доконал, изверг!

СЕРЕЖА (*Петру*). Ваша супруга слезы льет, но завтра за вас возьмется!

ЛЕНА. Она продала твой аккордеон, хотя я была против!

БЕРА (*сквозь слезы*). Ты была за!

ЛЕНА. Сережа вернет тебе аккордеон!

СЕРЕЖА. Завтра будем сидеть у костра! Вы с аккордеоном, ваша дочь и ваш покорный слуга! И никто вам не скажет: «Неактуальную музыку

играешь, Петр!...»

ЛЕНА. Мы просить будем: «Сыграй еще!...»

СЕРЕЖА. Поговорим о музыке! О гармонии! К вам вернется понимание – как жить!..

ЛЕНА. Папка, поедem!

Пауза.

ВЕРА. Скажи свое слово! Евреи о детях заботятся! Будь настоящим евреем!

ПЕТР (*неуверенно*). У Лены день рождения... Возьмем отпуск и поедem всей семьей...

ВЕРА. Сама не поеду и тебе не дам на поездку! Ни шекеля! Я честная русская баба!

Пауза.

ЛЕНА. Где серьги?

ВЕРА (*бестолково сует*). Вот они, вот! Леночка, не бросишь мамусю? Возьми серьги!..

ЛЕНА. Отнесу серьги в ломбард.

ВЕРА. В какой ломбард?

ЛЕНА. На Герцеля.

ВЕРА. Дай сюда! (*Отобрала серьги, спрятала.*) Был дом как дом, пришел этот смутьян и все порушил! Я думала, он алкаш! Нет, он – наркоман! Отец дает ему деньги на штаны – он покупает дурь! У него костюма нет! Леночка, вспомни свою подружку-наркоманку! Не слушай его! Он взялся музыке учить тебя, а сам не умеет петь! Он воет! Где ты нашла это сокровище?

ЛЕНА. Знакомая девчонка отмечала день рождения в кафе. Играла группа. Смотрю — Сережка, сын Семена! Я его не сразу узнала, он так изменился! Как он выдал на пиано! А запел – вообще!..

ВЕРА. Ты в тот день не пришла домой? Позвонила, что ночуешь у подруги!

ЛЕНА. Так и было... Ну, практически так. Мы ночевали у Сережиного друга.

СЕРЕЖА. Не оправдывайся перед ней, все равно не поймет! Давай покажем папе, как мы воем!

ЛЕНА. Папка, слушай!

СЕРЕЖА. Три, четыре!..

Поют на два голоса:

СЕРЕЖА. Когда казалось, гнет и нищенство меня делили на двоих,
Ко мне явились Их Величества – Мелодия и Вольный Стих!

ЛЕНА. Теперь они – мое имущество, без украшений, без одежд!

СЕРЕЖА. И нет у гнета преимущества!

ЛЕНА. И нет у нищенства надежд!..

Пауза.

ПЕТР. Сам сочинил?

СЕРЕЖА. Музыка моя, стихи моего друга Миши Левина.

ЛЕНА (*Вере*). Можешь кричать, можешь лечь под дверь – я уеду!..

ВЕРА. Уезжай! (*Петру.*) И ты уезжай! (*Рыдая.*) Уезжайте! Но скоро вы вернетесь! На мои похороны!..

Выходит.

ЛЕНА. Я соберу вещи.

СЕРЕЖА. Дядя Петя, времени в обрез! Поезд через два часа!..

Лена и Сережа выходят. Петр стоит возле окна. Тихая мелодия аккордеона.

Входит Семен.

СЕМЕН. Войти можно?.. У вас, как всегда, дверь настежь!..

Аккордеон смолкает.

Может, сесть предложишь?

ПЕТР. Садись.

СЕМЕН. Я хочу, чтобы между нами не было недопонимания. Как я говорю, важнее всего консенсус! Согласие мнений! Я не против аккордеона. Как музыкальный инструмент аккордеон служит нам – для отдыха, для развлечения, там он в самый раз. Но! Аккордеон целиком и полностью завладел твоей ментальностью, твоим сознанием и, как следствие, плохо повлиял на работу! После концертов и ты, и твои слушатели работали с какой-то осторожностью, я бы сказал – с опаской! У меня возникало ощущение, что ты чего-то боишься!.. Чего?..

ПЕТР. Чего боюсь?..

СЕМЕН. Да, чего боишься?.. Говори откровенно, я сейчас не директор. Отнюдь нет. Я сейчас твой старый друг!.. Чего ты боишься, хотел бы я знать.

ПЕТР. Обезьяной стать боюсь.

СЕМЕН. По-твоему, труд может превратить человека в обезьяну?

ПЕТР. Может.

СЕМЕН. Ого! Ты бросаешь вызов самому Чарльзу Дарвину! Он считал, что, наоборот, благодаря труду обезьяна превратилась в человека!

ПЕТР. Не могла обезьяна превратиться в человека.

СЕМЕН. Почему не могла?

ПЕТР. Музыкального слуха у нее нет.

СЕМЕН. Дорогой Петя, ты, как я говорю, котлету не отделил от мух!.. Расскажу тебе, как я понимаю учение Дарвина. Обезьяна благодаря труду

поднялась на пару-тройку ступеней и стала человеком. Но каким? Человеком недоразвитым! Эволюция продолжилась, люди освоили новые орудия труда, и появились индивидуумы с более высоким интеллектом! Они обрели соответствующий статус! Что в сухом остатке? Я живу в соответствии с высоким статусом, а ты – не обижайся, я констатирую факт – ты остался недоразвитым! Но! Эволюция не закончилась! Ее двигателем – пускай это не покажется тебе парадоксальным – является зависть! Зависть – двигатель прогресса! Черная зависть приводит к непредсказуемым последствиям – от грабежа до революции! Но я говорю о белой зависти – она стимулирует эволюцию! У меня трехэтажный дом, тебе завидно, ты хочешь такого же? Строй! Но сперва укрепи интеллект, сделай что-нибудь, выходящее из ряда вон! Создай фирму! Или, как минимум, настрой станок за два дня! А не хочешь из-за недостатка воли – знай, ты выпадаешь из процесса эволюции, твой статус прежним останется! Вот так-то, дорогой друг!.. Открою тебе секрет. После того злополучного совещания, на которое ты притащил аккордеон, пришла ко мне Вера, чтобы взять займы денег. «Неси аккордеон! – сказал я. – Он мешает эволюции Петра!..»

ПЕТР. А я думал, аккордеон нужен Сергею.

СЕМЕН. Сергей на фортепьяно играет, ему аккордеон без надобности. Но! У Соломона сын подрастает. В пятнадцать лет парнишка сознат: музыка – не вся жизнь, отнюдь! Он из молодых, да ранних! Сын Соломона понял роль необходимости и осознал ее законы!

Молчание.

Чего молчишь? Не согласен? Давай дискутировать, я готов!

ПЕТР. Ааа! (*Махнул рукой.*)

Входит Сережа.

СЕРЕЖА. Привет, папа!..

СЕМЕН. Что ты здесь делаешь, Сережа?

СЕРЕЖА К Аронсонам в гости пришел. Дядя Петя, оставьте нас.

ПЕТР. Ты с ним... Не ссорься из-за меня.

СЕМЕН. Мы с сыном никогда не ссоримся!

Петр выходит.

Я с тобой не разговариваю! Но виду не показывай, стыдно перед ними!

СЕРЕЖА. Удели пять минут!.. Ты правильно поступил с Аронсоном! Забрал у него аккордеон вовремя!

СЕМЕН (*с подозрением*). Я в твоём одобрении не нуждаюсь.

СЕРЕЖА. Надо сделать следующий ход!..

СЕМЕН. Обойдусь без твоих советов!..

СЕРЕЖА. Я видел в нём свободного человека! Это – моя ошибка! Я вызвал Петра на откровенность и понял: он раб Веры и Ленки! Угождает

им, терпит их упреки! Я увидел своими глазами их убогую жизнь, убогую квартиру, послушал, как Вера с Петром ссорятся! Ты знаешь, я внезапно понял: так жить нельзя!

СЕМЕН. А я тебе что говорил!..

СЕРЕЖА. Ты угадал в Петре главное – его психологию! Хотя всё отними у раба, но потом верни отнятое, он будет счастлив!.. Так поступают мудрые государственные деятели! Скажем, заморозили пенсии или счета в банке, а затем разморозили! Подняли цены, потом чуть опустили!..

СЕМЕН. Что ты хочешь сказать?

СЕРЕЖА. Если ты вернешь аккордеон, Аронсон будет тебе благодарен по гроб жизни! Он запишет тебя в свои благодетели! Ты сможешь использовать его на сто пятьдесят процентов! Потому что у него психология раба!

Пауза.

СЕМЕН. Что с тобой, Сережа?

СЕРЕЖА. Я признаю свою ошибку.

Пауза.

Окончу университет – буду тебе помогать! Делами, советами – чем только могу!.. Марк Твен говорил: «Когда мне было восемнадцать лет, я считал, что мой отец глуп. Когда мне исполнилось двадцать, я удивился – как отец поумнел всего за два года!»

СЕМЕН. Неплохо сказано!

Оба смеются. Входит Лена.

Что, Ленка, подружилась с Сережей?

ЛЕНА. А что, не надо было?

СЕМЕН. Нет, почему! Он умен, энергичен, начитан! Одно плохо – его переходный возраст затянулся!.. Но скажу тебе, Ленка, я никогда не оставлял надежды, что мой сын повзрослеет и обретет здравый смысл!

Выходит.

СЕРЕЖА. Yes! *(Потрясает кулаками.)* Он поверил мне! Он так хочет мне верить, что не верить просто не может! Любую чушь готов схавать! *(Хохочет.)*

ЛЕНА. Ты обманул его?

СЕРЕЖА. Ленка! Таких людей можно обманывать! Их нужно обманывать! Им это на пользу!..

ЛЕНА. Раньше ты трепетал перед отцом.

СЕРЕЖА. В России он бил меня! Он навязывал мне свои правила – с кем дружить, что читать, как себя вести! Я был терпелив. В пятнадцать лет тайком от него начал заниматься каратэ. Помню, однажды я принес домой доску. Что-то он приказал, я не выполнил, он – за ремень! Я по доске

ребром ладони – бац! Доска – пополам!..

ЛЕНА. Подействовало?

СЕРЕЖА. Лупить перестал, но оставалась финансовая зависимость! В Израиле, когда я бросил универ, отец отказался от меня. Мама подбрасывала мне деньги. Я уменьшил расходы. Завязал со спиртным, стал вегетарианцем. Я организовал музыкальную группу, даю концерты! Я освободился от него!.. Мне жутко интересно, сумеет ли освободиться твой отец? Получит аккордеон, и что? Неужели будет вести себя так, как я обрисовал папе? Или поедет с нами?

ЛЕНА. Без мамы он никуда не поедет!

СЕРЕЖА. Твоя мама в печенках у дяди Пети сидит!..

ЛЕНА. Ты что? Он любит ее!..

СЕРЕЖА. Серьезно?.. Ну, тогда... Тогда пускай решает, что для него важнее – любовь или свобода!

Пауза.

ЛЕНА. Любовь и свобода не совместимы, по-твоему?

СЕРЕЖА. Если оба человека музыкальны, как мы с тобой, тогда совместимы! А иначе, любовь закабляет!..

Входят Петр и Вера, продолжая разговор.

ВЕРА (*сквозь слезы*). Ты понимаешь, что Семена предаешь?

ПЕТР. Опять Семен!.. Я или он? Реши наконец!

ВЕРА. Давно решила... На свою голову...

ПЕТР. Вера, поедem с нами!..

СЕРЕЖА (*подбегает к Петру*). Я скорее застрелюсь, чем ее возьму! Что вашей супруге делать среди нас, музыкантов?

ПЕТР. Сережа, она поет.

ЛЕНА. Когда-то пела!..

ВЕРА. А я и сейчас! (*Запела*). «Надежда – мой компас земной, а удача – награда за смелость...»

ПЕТР. Я буду с ней работать.

СЕРЕЖА. Но, дядя Петя...

ПЕТР. Сережа, она с нами поедет!..

СЕРЕЖА. Из уважения к вам я ее беру. (*Вере*.) Беру с испытательным сроком!

ЛЕНА. Если будешь папу пилить, ставить ему в пример Семена, отправишься домой!..

ВЕРА. За что ты так со мной, Леночка?

ЛЕНА. С рабынями иначе нельзя!

ВЕРА. Если я рабыня, то – твоя. В сорок лет родила! Уж думала, не будет у меня ребеночка! И вдруг – такая девонька! Полюбила тебя

крепко!..

ЛЕНА. Я люблю Сережу, но его рабыней не стану никогда!

СЕРЕЖА. Не спорьте с дочерью! Помните об испытательном сроке!..

Лена и Сережа выходят.

ПЕТР. Собирайся, Вера. Я принесу чемодан.

Выходит.

Вера вынимает из шкафа одежду. Входит Семен.

СЕМЕН. Вы из принципа дверь не закрываете? Дождетесь, что обворуют!

ВЕРА. И пускай! *(Плачет.)* Мне все равно!.. Горе у меня, Сёма!..

СЕМЕН. Какое горе?..

ВЕРА. Ой, горе, горе!..

СЕМЕН. Что стряслось?

ВЕРА. Уезжаю!..

Пауза.

СЕМЕН. Ошибку допускаешь... Одинокой русской женщине в Израиле не просто!.. Сделала когда-то глупость, теперь что?.. Теперь не актуально...

Входит Петр с чемоданом.

Не ожидал! Ты, как я говорю, своеобразный человек, но такого я от тебя не ожидал! Прогоняешь жену? Куда она поедет? Без языка, в чужой стране!

ПЕТР. Всей семьей едем.

СЕМЕН. Куда едете?

СЕМЕН. На отдых.

СЕМЕН. Какой отдых, когда столько работы! Ты в своем уме?

ВЕРА *(сквозь слезы)*. С твоим Сергеем едем. Он берет Леночку – певицей, Петю – аккордеонистом!..

СЕМЕН. Шуткуешь?

ВЕРА. Ей-богу, Семен!

Пауза.

Сергей обманул нас?

СЕМЕН. Хуже!.. Он меня обманул! Я забыл, с кем имею дело!

Пауза.

Вынужден вас огорчить, хотя это не в моих правилах. Лена будет открывать рот под музыку!..

ПЕТР. А ты поёшь с закрытым ртом?

СЕМЕН. Голос певицы записан! У Серёги этих певичек, знаешь, сколько было!.. А тебя, Петр, он берет на подмену! Укатит со своими лабухами в город, а ты будешь развлекать отдыхающих! Два прихлопа, три притопа –

под аккордеон! .

ПЕТР. Не надо!.. Не мог Сергей нас обмануть, он – музыкант!..

СЕМЕН. Он – негодяй!..

Пауза.

БЕРА. А ты им хвастался! Дескать, он умный, воспитанный!

СЕМЕН. Выносить сор из избы я права не имел! Люди сказали бы: «Уж если у Семена Марковича такой сын, что нам требовать от своих детей!..» (С болью.) Если бы вы знали, сколько сил, сколько денег я вложил в него! В России устроил его в элитную английскую школу. Он высмеивал преподавателей! Мне слова не давал сказать! Каратист хренов!.. В Израиле бросил университет! Кто его может чему-то научить, если он самый умный?! Людей не уважает – вот в чем беда! В кого он такой, ума не приложу!..

БЕРА. Ты-то уважительный, стольким людям помог! Моисею и Матвею! Не говоря про Соломона! Ты и нам всегда помогал!..

СЕМЕН. Я лишил Петю аккордеона – для чего? Чтобы он осознал свою ответственность перед слушателями!.. Я шутовал, когда говорил, что подарю аккордеон сыну Соломона. Соломон в состоянии купить своему наследнику новый музыкальный инструмент! Я преподавал урок! Надеюсь, он не был зряшным!

Пауза.

ПЕТР. Где аккордеон?

СЕМЕН. В прихожей стоит.

Петр выбегает в прихожую. Вносит аккордеон.

ПЕТР. Аккордеон! Мой аккордеон!..

Играет бодрую музыку.

(Вере). Верни ему серьги!

СЕМЕН. Ты неправильно меня понял! Я дарю тебе аккордеон!..

ПЕТР. Верни Семену серьги!

Вера неохотно протягивает Семену серьги.

СЕМЕН. Чтобы достичь консенсуса, сделаем так: аккордеон я дарю – тебе! А серьги Вера дарит моей супруге! *(Прячет серьги в карман.)*

Петр играет.

Согласись, разлука с инструментом на тебя благотворно повлияла! Актуальную музыку заиграл! Одно удовольствие слушать!..

Входят Лена и Сережа с рюкзаками.

ЛЕНА. Ура! Аккордеон у папы!..

СЕРЕЖА. Дядя Петя, инструмент под мышку и – в путь! *(Семену.)* Я хочу видеть, как ты обойдешься без дурака Аронсона!..

СЕМЕН. Я не называл его дураком! А если и называл, то любя, как жена

называет мужа: «Дурачок ты мой!..»

Петр негромко играет. В мелодии тревога. Семен подходит к нему.

Если поедешь с Сергеем, он все соки из тебя выжмет! Мой сын умеет говорить про свободу! Но! Он – вылитый тиран! Твоя музыкальная карьера кончится тем, что будешь играть на панели! Рядом положишь шляпу – для подаяний!.. Но я не сжигаю мосты! Жду тебя завтра в цехе!.. Петька, давай засучим рукава и тряхнем стариной! (Серееже.) А ты... (Сдерживая слезы.) Ты на коленях приползешь ко мне! Как блудный сын на картине Рембрандта!

Выходит. Пауза.

ПЕТР. Отец правду сказал? Лена будет имитировать пение?

СЕРЕЖА. Дядя Петя, я вас не обманул!.. Ну, практически не обманул! Лена под «фанеру» будет петь – для быдла! В Израиле, как и везде, быдла навалом! А для понимающих музыку умных людей мы будем петь – моё!.. Дайте-ка!..

Берет аккордеон, играет.

(Поет). «Когда казалось, гнет и нищенство меня делили на двоих, ко мне явились Их Величества – Поэзия и Вольный Стих...»

Подает Лене знак вступить – она молчит.

ЛЕНА. Верни аккордеон папе.

Сереежа передает аккордеон. Петр играет задумчивую мелодию.

СЕРЕЖА. Едете с нами?..

Петр пританцовывает к аккордеону, вслушивается.

Запрос послали в небесную канцелярию?.. Извините, дядя Петя, мы не можем ждать ответа, на поезд опоздаем! (Лене.) Пошли!

Пауза.

ЛЕНА, чего ты?

ЛЕНА. Одних людей можно обманывать, других нельзя. Я не знаю, к какой категории ты меня отнесешь.

СЕРЕЖА. Доверься мне!..

Петр играет. Лена в раздумье смотрит на отца.

Ты идешь?..

Направился к выходу, Лена следует за ним.

ЛЕНА (оглянувшись). Папа, я буду звонить!..

Петр опускает руки.

Доносится тихая мелодия аккордеона. Лена останавливается, поднимает голову.

ЛЕНА. Это сосед?

ВЕРА. Сосед вчера к друзьям уехал.

ЛЕНА. Кто-то играет!..

ПЕТР (*подходит к Лене*). Ты слышишь?..

ЛЕНА. Слышу...

Вера удивленно смотрит на мужа и дочь. Сережа нетерпеливо переминается и пожимает плечами. Лена сбрасывает рюкзак и обнимает отца.

ПЕТР. Слушай, дочка, слушай!..

Невидимый аккордеон играет громче. Петр и Лена слушают его.

К о н е ц

Лимерики¹³

БИБЛИмерики

* * *

Самый первый мужчина Адам
В райских куцах не смог жить без драм.
И вопрос, став ребром,
Не решился добром –
А шерше (изначально) ля фам.

¹³ Лимерики из книги «Слово Серебро» (Хайфа, 2017); рисунки Сергея Сыченко.

* * *

Змий нащёптывал на ухо Еве:
«Ты вкус-с-си от плода на с-с-сём древе»,
Но не думал о том,
Что всю жизнь потом
Лично он будет ползать на чреве.

* * *

Говорят, что в ковчеге у Ноя
Шелкопряд не впадал в паранойю.
Не найдя парной твари,
Он в каком-то угаре
Прял сырьё, не ропща и не ноя.

* * *

В долгом рабстве прожив без отлучки,
Не дошли иудеи до ручки,
А бежали из плена –
Море им по колено.
Ох уж эти еврейские штучки!

* * *

Сорок лет прошагать по пустыне!
Как подумаю, кровь в жилах стынет.
Только манна в меню,
По три раза на дню,
А фалафеля нет и в помине.

* * *

Зло изречь Валаам уж грозитя.
Но разверзлись уста у ослицы.
Был пророк Валаам
Грубоват и упрям.
Но пришлось ему остепениться.

* * *

После встречи субботы к Натану
В переулке пристала путана.
Был Натан не из тех,
Он сказал: «Это ж грех,
Я платить вам в субботу не стану!»

* * *

Утверждал Соломон из Ахузы,
Что жена для мужчины – обуза.
Он у каждой двери
От зари до зари
Поцелуи дарил лишь мезузам.

* * *

Как-то Шмуль Кацнельсон из Бердичева
Повстречал на опушке лесничего.
И лесничий потом
Всем поведал о том,
Что водился еврей близ Бердичева.

* * *

Мордехай из Нацерет-Илита
Уверял, что Аллаха не чтит он.
Но в положенный час
Совершал он намаз –
Он намазывал хумус на питу.

Лимерики из России

* * *

Криминальный курьер из Камчатки
Занимался доставкой взрывчатки.
Как-то в центре Курил
Рядом с грузом курил,
Уничтожив свои отпечатки.

* * *

Говорят, что доцент из Тюмени
Со студентами *бóтал* по фене.
Находить он привык
С ними общий язык,
Чтоб постигли они суть явлений.

* * *

У ткачихи одной из Иванова
Развивался роман однопланово:
Ухажёру бутылку,
Чтоб любил её пылко,
Каждый раз она ставила заново.

* * *

Услыхали в суде от Василия,
Что не зря он прибегнул к насилию:
«Есть резон каждый раз
Дать кому-нибудь в глаз,
Ибо жизнь далека от идиллии».

* * *

Сокрушалась Глафира из Нежина,
Что невестка ленива, изнежена.
Даже кофе в кровать
Отказалась подать –
Заявила: «Не стану, хоть режь!» – она.

Эвакуация в зону военных действий

Я наконец-то дома. После затянувшегося отпуска.

Незадолго до массовых карантинных 2020-го мы открыли для себя лыжный курорт как новый вариант отдыха с детьми. В отличие от наших летних поездок, здесь мы оказываемся в некоей капсуле, практически изолирующей нас от привычной жизни. Весь городок состоит из гостиниц, ресторанчиков, точек проката снаряжения и лыжных склонов. С утра всех волнуют лишь погодные условия, количество снега на склонах и размер очереди на подъемниках. Днем всех волнует, как бы не свалиться и накататься вдоволь. Вечером всех волнует, в каком ресторанчике собираемся ужинать. Уже с первого дня подобного режима нервная система и мозг напрочь забывают обо всем. Лучшей перезагрузки для всей семьи мы не знаем. Так что с тех пор, вот уже шесть лет, мы с детьми каждый год стараемся урвать несколько зимних дней покататься на лыжах и получить свой кусочек зимнего счастья.

Месяцев семь назад я заказала наш очередной лыжный отпуск. На сей раз короткий – пятидневный, который как раз выпал на выходные и пуримские каникулы. Примерно за пару месяцев до отъезда ежедневные новости с высокой вероятностью намекали о том, что завтра начнется война. Спокойствия это никому не прибавляло, но новости на то и новости, чтобы закалять психику зрителей. За этот период разве что дворовые коты не спросили меня – а как же война? А вдруг закроют рейсы и тогда деньги на ветер? А вдруг вы улетите и застрянете? В ответ я интересовалась – а что, уже известно точно, когда все начнется? Собеседники разводили руками и многозначительно закатывали глаза.

Не могу сказать, что возможные перспективы меня не пугали. Но, прожив в Израиле тридцать пять лет, я усвоила одну простую истину, озвученную еще Ильфом и Петровым: «будут бить – будете плакать, а пока гребите». Отменят рейс – получим возврат денег и останемся здесь учиться на удаленке и ездить на работу, валяясь на обочине дороги во время обстрела. Застрянем на лыжном курорте – будем кататься, в меру возможностей бюджета, и ждать, пока появится шанс купить дорожные билеты домой и «эвакуироваться» в зону военных действий (Обожаю эту формулировку. Она просто и емко объясняет израильский менталитет).

Двадцать седьмого февраля мы приехали в аэропорт. После трех часов напряженного ожидания мы вылетели в Софию. И вот уже заказанное такси наворачивает виражи в гору по заснеженному лесу, знакомые горные склоны, въезд в городок, люди в неуклюжих лыжных

ботинках, любимая гостиница, номер, заказываемый третий год подряд... выдох. Отпуск начался. Уже через час мы встретились с моей коллегой и с нашими знакомыми по прошлой поездке, которые приехали всем семейством за несколько дней до нас. Изначально планировалось, что мы с ними пересекаемся на два-три дня, затем они улетают, и приезжают следующие три семьи, с которыми мы проведем оставшиеся два дня. Но уже на следующее утро всем стало ясно, что планы слегка изменились, и уже никто никуда не летит.

Отпуск, который не отпускает. На склонах, на улице, в ресторанах и отелях у людей взывали телефоны с предупреждениями об обстреле. Везде слышалась взволнованная речь на иврите или на русском с ивритскими вкраплениями. Наш рейс отменили примерно через час после объявления о том, что ближневосточное небо закрыто. Наши родители бодро рапортовали, что у них все хорошо, бомбоубежище надежное, соседи симпатичные. Убедительно просили домой не торопиться. Торопись не торопись, а полетов все равно нет. На всякий случай попытались заказать билеты на десятое марта – первое число, на которое некоторые фирмы предлагали билеты.

Отпуск с поправкой на неизвестность. День сурка. Ежедневный мониторинг возможных рейсов, обзвон родных, переписка с сотрудниками и адаптация расписания, катание на лыжах, подсчет финансов, ужин с друзьями, в процессе которого переписка с сотрудниками, обзвон родных, поиск рейсов. В какой-то момент надо было сменить гостиницу на более бюджетный вариант, а рестораны частично заменить на супермаркет. На поездку за продуктами в соседний поселок отряжали по одному представителю от каждой семьи. Собирались по вечерам у нас на кухне, приносили свои кастрюльки и вилки. Чем-то это очень напоминало нашу студенческую общагу. Ощущение было, как будто мы знаем друг друга лет двадцать. И как же хорошо, что они там были.

Не могу не сказать несколько добрых слов о местном населении. Инструктор по лыжам помогал своим подопечным всем чем мог – делал скидки, а зачастую и вовсе не брал денег, находил хорошие квартиры по хорошей цене, договаривался о такси, перевозил своими силами людей из гостиниц в квартиры. Помимо этого нас порадовали рыбалкой и пикником. Служба проката оборудования и рестораны тоже делали серьезные скидки «застрявшим». Многие желали удачи и победы. Во многих заведениях висели израильские флаги. А в сегодняшнем мире это, знаете ли, не тривиально.

К этому моменту наконец в новостях прозвучало волшебное «тисат хилуц» – эвакуационные рейсы домой силами родных авиакомпаний. Разумеется, мы сразу бросились покупать билеты. Надо сказать, что цены

на билеты слегка контузили эвакуируемых. Вдобавок, как оказалось, билеты нам предлагали на рейс недели через две, так как мы изначально не были клиентами этих фирм и, соответственно, не были в приоритете. Вариант добираться через Египет или Иорданию, чтобы вернуться на пару дней раньше, меня немного напрягал. И тут я вспомнила, что, помимо гигантов местной авиаиндустрии, есть маленькая недавно открывшаяся фирма «Эйр Хайфа». Оказалось, что они тоже умеют эвакуировать. Причем за адекватные деньги и в более ранние числа.

В пятницу тринадцатого марта девятиместное такси увозило «застрявших» лыжников в аэропорт. По дороге мы обнаружили, что началась весна. Заснеженный лес превратился в шеренгу лысых и голых деревьев с намечающимися почками. В аэропорту было относительно мало людей. По небольшой очереди у каждой стойки регистрации. Израильтяне мало чем отличались от остальных очередей, пока вдруг не пришла улыбающаяся тетя и не перевязала нашу группу ленточкой со скромной и вообще ничего не означающей надписью «EL AL». С этого момента мы уже точно знали, что никто не догадается, кто мы и куда направляемся. Вокруг нас энергично гулял сотрудник безопасности, покрикивающий на перевязанную ленточкой группу. В какой-то момент я поинтересовалась у него, указывая на ленточку:

– Это мы так шифруемся?

Он мрачно ответил:

– А это ты так шутишь?

Я прикусила язык. По нему было видно, как он устал.

И вот мы увидели наш самолет. Самолетик. Рядом с ним телескопический трап (в народе именуемый «рукав») выглядел огромным. Наш самолетик до него не допрыгивал. Моя старшая дочь озвучила свои мысли:

– Мама, мы летим домой на бимбе?

(Бимба – детский автомобиль из израильского мультика.)

Наша «бимба» красовалась двумя пропеллерами и большой надписью «Эйр Хайфа». Чтобы зайти в самолет, пассажиры пригибались. На входе нас встречала очаровательная бабушка лет шестидесяти, в форме и с бантиком в косичке. С радостной улыбкой она встречала пассажиров – добро пожаловать домой. Между собой мы решили, что не исключено, что это мама нашего пилота.

Рейс был заполнен наполовину, поскольку при полной погрузке не рассчитан на такой дальний перелет. Пилот подробно объяснил нам, что в стране идет война, и если обстрел начнется, когда мы будем в Израиле, но еще в воздухе, то мы немного погуляем над морем. А если мы к этому времени приземлимся, то он постарается подвезти нас максимально

близко к защищенному пространству, чтобы мы смогли добежать. А если рядом не будет защищенного пространства, то что-нибудь придумаем. Так, собственно, и было. Как только замелькали внизу огни Тель-Авива, начался обстрел, и мы «немножко погуляли над морем». Наконец приземлились. Похлопали. Обняли бабулю-стюардессу, которая за время полета подружилась с нашими детьми. Похватали чемоданы и поехали домой. По дороге уже знакомые позывные. Спрятались, переждали. Доехали.

Дети по утрам учатся в зоом и изводят бабушку с дедушкой. Мы работаем и валяемся на обочинах по дороге домой. Просыпаемся по ночам. Эвакуация завершена.

Отметили четверть века вместе. Вчера ходили на юбилей к другу. «Хорошо! Все будет хорошо! Все будет хорошо, я это знаю...» Мы дома. Слава богу.

Попутчики

Когда-то давно мне было шестнадцать. Жила я в Бейт Шемеше, училась в Иерусалиме. Добираться приходилось на двух автобусах в общей сложности часа полтора. Для того, чтобы успеть к началу урока, я садилась на автобус, уходивший в шесть двадцать с моей остановки. Вылетала в последнюю секунду пулей из дома, напоровшись на стоящую в дверях и готовую к бою бабулю:

– Куда ты, бешеная? А завтрак? А куртку надеть?

Иногда она успевала ухватить меня за сумку в дверях и шустро закидывала в неё бутерброды.

После нашей корриды я неслась по улице и влетала в автобус, где можно было доспать лишний час. Затем пересадка в Иерусалиме в двадцать седьмой автобус, заполненный до неприличия упрессованными пассажирами. Без пяти восемь я забежала в школу и в оставшиеся пару минут наносила в туалете боевой макияж и приводила в порядок волосы. И если внешне мне удавалось привести себя в порядок, то мозги, после утренней гимнастики, вставали на место не раньше третьего урока.

Прекратить это ежеутреннее издевательство помог случай и папа.

Папа вставал в пять, гулял с собакой, неторопливо пил кофе с бутербродом и выходил из дома за пару минут до моего с бабулей пробуждения, обеспечивая себе столь необходимую утреннюю тишину. Я завидовала этим неторопливым утренним сборам, но заставить себя просыпаться на полчаса раньше не могла.

Пока в одно особо гадкое утро я не выпала из автобуса. Буквально. Заскочив в распухший двадцать седьмой, я застряла на первой ступеньке,

уперевшись спиной в захлопнувшиеся двери. Нос упирался в чью то поясницу. На первой же остановке произошло неизбежное – двери раскрылись, поясница дернулась вместе с тормозами, и в ту же секунду я ощутила на себе силу сразу всех трех ньютоновских законов.

Я лежала плашмя на загаженном асфальте и мечтала отключиться. Не получилось. Меня подняли, потряхнули и запихали обратно в автобус. Правда на сей раз посадили на сидение как пострадавшую. Вечером я, давясь от хохота, рассказывала родителям об утреннем ужасе. После всех ахов и охов, папа вдруг предложил:

– Если хочешь – могу отвезить тебя на машине. Но выезжать надо в шесть.

Ещё как хочу. Какая разница, во сколько. Опыт излишне близкого контакта в общественном транспорте требовал определённой реабилитации. С этого дня я вставала в пять, будила папу, готовила нам кофе и бутерброды. Всё это происходило в абсолютной и благословенной тишине, сохраняя сон остальных домочадцев. Заговаривали мы уже по дороге к машине.

Оказывается, утро может быть спокойным. В машине включалось радио, по которому Малахи Хизкия левитановским басом сообщал утренние новости. Затем начинался эфир какого-то русскоязычного канала. Людмила Гурченко задорно пела про хорошее настроение. Сорок семь минут мы обсуждали политику, стихи, историю, музыку. На правах попутчика я периодически покрикивала:

– Осторожнее! Куда ты летишь! Тормози!

Я приезжала к семи и в оставшийся час доделывала уроки и (о ужас) выкуривала запретную спрятанную на дне рюкзака сигарету. Сократив сон по сути на два часа, я тем не менее чувствовала себя гораздо бодрее.

Всё это было тридцать лет назад. За эти годы я успела накатать бесконечные километражи, на всех видах общественного транспорта и за рулём. Последние пятнадцать лет я неизменно просыпаюсь в пять, в полной тишине. С бутербродами по утрам за мной, увы, уже давно никто не гонится. А жаль.

Но в последнее время так сложилось, что мне и папе снова по пути. Выезжаем в шесть пятнадцать. Слушаем новости, ищем, где притулиться во время сирен. А в остальные сорок семь минут говорим об истории, о стихах, о музыке. Бережем наше общее утро. И уже папа негромко, почти шепотом, мне:

– Осторожно! Не гони! Куда ты летишь!

Шесеки

На улице идет дождь. Проливной, финальный аккорд этой слишком долгой и муторной зимы. А еще идет война. Долгая и... долгая. Но природе все равно, у нее по планам весна. Становится теплей. Золотыми игрушками лежат на прилавках овощных лавок шесеки, солнечные весенние плоды, о существовании которых я узнала, приехав в Израиль. Да-да, знаю, что они родом из Китая и Японии, но для меня они все-таки израильтiane.

Помню в начале девяностых, когда мы переехали в Бейт Шемеш, моя бабуля подружилась во дворе со старушкой родом из Марокко. Та немного знала иврит, но в основном предпочитала язык своего детства. Бабуля говорила по-русски, перескакивая на идиш. Каждая говорила на своем, особо не заморачиваясь, но, к моему удивлению, они друг дружку понимали. Каким-то образом договаривались, часами сидели на лавочке и о чем-то сплетничали. О детях, о дороговизне и о болезнях. Обе прожили очень непростые и абсолютно разные жизни. Обеим не давался иврит. Обеим не хватало человеческого общения.

Однажды бабушкина новая приятельница принесла пакет шесеков. Объяснила, что если уже появился шесек, значит весна точно пришла. Все, что мы знали об этом фрукте на тот момент, это – что цена его, в начале марта, фантастическая. А тут такая щедрость. С первого укуса я влюбилась. Бабуля реагировала скептически:

– Кислогато... на алычу похоже. Ну-ка спроси ее, на варенье, оно подойдет?

Я, бодро демонстрируя уже почти свободный иврит, перевела. В ответ старушка залопотала что-то на неизвестном мне языке, шумно жестикулируя. Длилось это секунд тридцать. Я растерянно повернулась к бабуле. Она, насупившись, внимательно следила за руками и лицом подружки. Наконец, взглянув на меня, спокойно произнесла:

– Ну что ты глазами хлопаешь? Все понятно. Оно не для варенья, потому что внутри много косточек. Но если варить, то только с коричневым сахаром в соотношении один к двум и не долго, часа полтора.

Я сдалась тогда понять эту астральную связь. А через год случилась первая в моей жизни война с ее страхами, обклеенной полиэтиленом комнатой, противогАЗами и прочими военными атрибутами, что тренируют стойкость нервных клеток. Но в день, когда война окончилась, мама принесла домой шесеки. Весна наступила, наплевав на геополитику.

С тех пор каждый март я с нетерпением жду, когда наконец появятся золотые грушевидные плоды в крошечных, неприлично дорогих коробочках. Я покупаю и иду домой с ощущением, что стало теплее.

Сегодня после работы, перемежаемой бодрими позывными службы

тыла, я зашла в супермаркет, а там – Они. Ждут меня. Купила, конечно. На душе стало теплее. Всякая зима кончается. Как там у Левитанского – «чем же все это окончится? – будет апрель». Обязательно будет.

Птица-гоацин, легендарнее легенд

В январе 2026 года я посетил долину Амазонки (Амазонию) в Эквадоре, чтобы встретиться с одной из древнейших птиц, гоацином (*Opisthocomus hoazin*):

Гоацин

Там же, в 2014 году сделал всего одно фото (см. ниже), о качестве которого может судить читатель. Тогда лодочник, указав пальцем вдаль, взволнованно воскликнул: «Смотри, смотри, гоацин!». В тот раз с ним (с гоацином) мы больше не встречались, а потому я сохранил этот снимок, как память о редчайшей встрече. Зато в прошлом, 2025, году изобилие этих птиц заставило меня забыть обо всём, кроме фотографии.

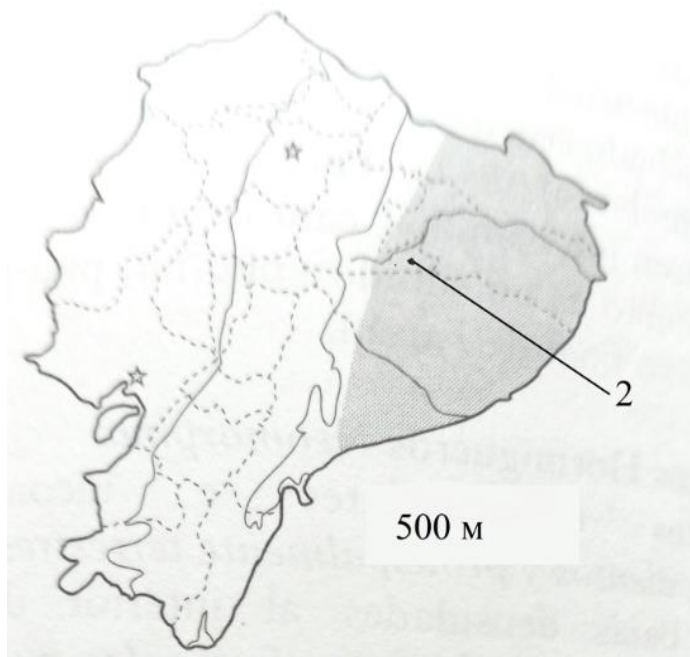
Единственное фото, сделанное мною в 2014 году. Гоацин в центре снимка

Знакомый, заглянув в «Википедию», показал датированную 2008 г. карту, извлеченную из многотомника «Птицы мира» (издан в Испании на английском языке).

Цифрой 1 на карте отмечен ареал гоацина в Эквадоре

Лично я видел птицу значительно западнее этой оконечности. Место встречи, лагуны на р. Напо между городами Тена и Пуэрто Мисавальи (Puerto Misahualli), приблизительно отметил цифрой 2 на следующей карте из книги «Птицы Эквадора», выпущенной двумя годами ранее, и дающей, казалось бы, более верные сведения:

Карта из книги «Птицы Эквадора»

Однако в этом году я обнаружил, что большинство любителей природы в Эквадоре к западу от Андского перевала понятия не имеют об этой замечательной птице – ведь не так давно, чтобы увидеть ее, следовало ехать в глухое и, наверное, небезопасное приграничье на стыке с Колумбией и Перу.

Похоже, что в Эквадоре гоацин расширяет свои владения на запад, чему можно только порадоваться.

Напомню основные сведения об этой птице: она проживает в Амазонии, не переходя Анд. Достигает размеров фазана. Ближайшие родственники относятся к курам и кукушкам, среди которых, в отличие от нашей кукушки, и в Южной, и в Северной Америке немало заботливых родителей.

Многие источники пишут о разнообразной вокализации гоацина. Возможно, в определенный период пение этой птицы более разнообразно, чем те «трели», которые мне довелось услышать, и которые могли, наверное, издавать далекие предки птиц, нечто среднее между хрипом и шипением – отсюда название на кечуа, “shanshapa”. Впрочем, в отличие от пресмыкающихся⁽¹⁾, гоацин тяготеет к большим компаниям в десятки особей.

Гоацин поедает жесткие листья фикусов и аронниковых, но питается, как ни странно, не ими, а симбиотическими бактериями, обитающими в

зобе птицы и переваривающими эту листву. То же происходит у жвачных и у термитов. Содержимое зоба сильно пахнет навозом, из-за чего люди почти не охотятся на гоацина.

Одно из кормовых растений гоацина – монстера из семейства аронниковых. В этой местности произрастает десяток сходных видов, например, *M. Adansonii*, *M. dubia*, *M. obliqua*, *M. Spruceana* и т. д., определить которые можно лишь по строению цветов и плодов.

Полагают, что эта особенность отразилась на киле грудины, к которому крепятся летательные мышцы. В журнале «Вокруг Света» за ноябрь 2009 года Борис Жуков пишет: «Однако ничто не дается даром. Даже у курицы, почти неспособной к полету, в передней части тела имеется обширный плоский вырост грудины – киль, к которому прикрепляются мощные толстые мышцы. У гоацина же его практически нет: огромный зоб, заполонив переднюю часть тела птицы, почти не оставил места для летательных мышц и аппарата их прикрепления. В результате, несмотря на красивые длинные и широкие крылья, гоацины летают очень плохо. Чаще всего они и не делают этого вовсе, а лишь изредка планируют с верхней части кроны одного дерева на нижние ветви другого. И, приземлившись, начинают неспешное восхождение...».

Примерно такое же описание способности к полету дают «Википедия» и «Жизнь животных», с одним уточнением: киль гоацина не отсутствует, а, в отличие от прочих летающих птиц, сильнее развит не спереди, а сзади.

Уже после того, как в 2025 году я сделал множество фотографий и отправился восвояси, до меня дошло: «А ведь он летает!!!». Да, он летает охотно, обладая прекрасным машущим полетом. Пришлось на следующий год отправиться в эти же края за новыми видео.

Местные жители удивлялись моему рассказу о заблуждениях орнитологов. На прилагаемых кадрах я снимал птиц, которых спугнул мой знакомый, гид Ливьо Тангвила. К сожалению, упустил несколько моментов, когда птица по своей воле пересекала протоки. Все же, согласитесь, что ее полет куда лучше, чем у курицы ⁽²⁾.

Еще одной чертой гоацина считается наличие когтей на крыльях птенца, подобно археоптериксу.

При этом упомянутый автор замечает: «Подобная особенность (отличающая гоацинов от прочих птиц, за исключением африканских турако, птенцы которых тоже рождаются с одним свободным пальцем⁽³⁾, заставляет вспомнить одну из гипотез (?), согласно которой птицы произошли от древесных пресмыкающихся, то есть они унаследовали свою удивительную особенность непосредственно от рептильных предков, отделившись от общего ствола птиц очень рано.

Однако, скорее всего, все было по-другому. При формировании птиц гены, обеспечивающие развитие пальцев, никуда не делись – они сохраняются в геномах всех птиц, но утрачивают активность на ранних стадиях развития эмбриона, задолго до вылупления. Гоацинам же при их образе жизни оказалось выгодным вновь включить древнюю программу развития передней конечности, снабдив своих птенцов дополнительным приспособлением для спасения (?)».

Тут можно задать много вопросов: почему автор считает, что гоацины обособились от основного ствола, если пальцы на крыльях находились у первоптиц, т. е., в его основании? Почему гены не «включились» у птенцов прочих птиц, например, древесных кур, краксов (местное название – “chachalaca”), сходных с гоацином и внешне, и по повадкам?

Скорее, дело в том, что принятая версия относится к морфологии и не преклоняется перед генетикой. Конечно, если мы говорим, что когти птенца унаследованы непосредственно от предков, то гены подразумеваются. Согласно же второй версии, гены когда-то выключились, а затем вновь включились просто для того, чтобы напомнить читателю о своем могуществе⁽⁴⁾.

К тому же, просматривая свои не самые четкие снимки, я обнаружил, что и взрослые гоацины не спешат расставаться с пальцами, и пользуются ими при лазании по веткам. Таким образом, крыло гоацина устроено как у археоптерикса.

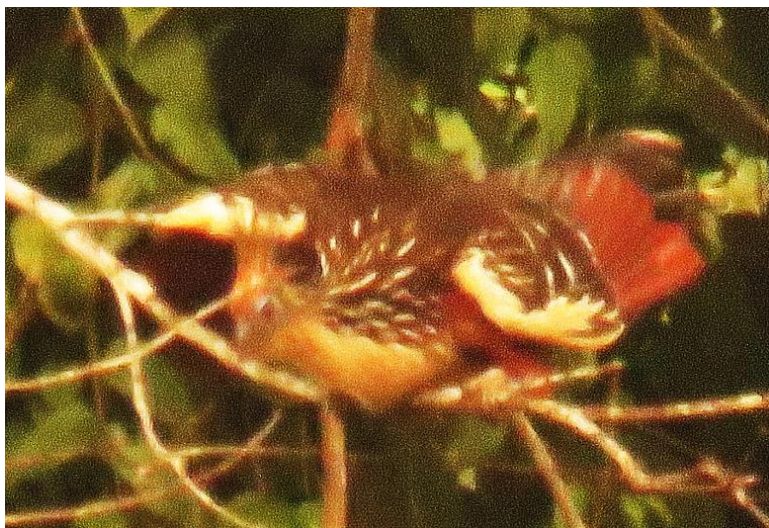
А значит, скелетная часть летательного аппарата гоацина слаба не

только в районе кия, но и в кистевой части крыла. Этот недостаток преодолевается благодаря как площади оперения, так и прекрасно развитым мышцам.

Здесь напрашивается сравнение с камышницей, которая великолепно и быстро плавает, несмотря на отсутствие плавательных перепонки между тонкими пальцами.

И если когти, замеченные на крыльях гоацина или археоптерикса, являются явным наследием пресмыкающихся, то поведение птенца этой птицы при надлежащем осмыслении дает ключ к образу жизни далеких предков, о котором не сохранилось иных свидетельств.

Несколько фотографий гоацинов

Водяная курочка, или камышница

Гоацин гнездится близ стоячей или медленно текущей воды. Тем не менее, водной, точнее, полуводной птицей является не взрослая птица, а птенец, который в случае опасности способен нырнуть и доплыть до ближайшего «трапа». Для пернатых такое разделение способностей необычно. Представьте себе страусенка или пингвиненка, умеющих летать... Нечто подобное характерно скорее для шестиногих соседей по лагуне, вроде личинок стрекоз. Но те до превращения не пытаются

вылезти из воды.

К тому же, и эта среда небезопасна. Мне сообщили, что у встреченной нами птицы было два птенца. Один прыгнул в воду и там был схвачен кайманом, проплывавшим поблизости.

Молодой черный кайман (*Melanosuchus niger*), длина около 40 см

Первые пернатые уже летали. Об этом свидетельствует сам перьевой покров, возникший в результате взаимодействия чешуй с мощными потоками воздуха⁽⁵⁾ и заместивший перепонку, остатки которой расположены между плечом и предплечьем.

Планирующий предок птиц жил в таких же затопленных лесах. Если он не дотягивал до ближайшего дерева, то приводнялся и пускался вплавь. Подобный образ жизни ведет и зеленая игуана, которая предпочитает искать плоды в кронах околородных деревьев, а при случае, если не удастся укрыться в ветвях, то ищет спасения в воде.

Летом мы надеемся провести конференцию в этих краях. Пусть орнитологи распишутся в том, что гоацин немного интересней, чем они представляют.

Примечания

(1): Тем не менее, некоторые рептилии, например, обитатели Галапагосских островов морские игуаны (*Amblyrhynchus cristatus*), тоже любят собираться вместе:

Компания взрослых морских игуан

Их молодь

(2): Два видео гоацинов в полете, снятые автором:

[Эдуард Хецефец. Пара гоацинов.mp4](#)

[Эдуард Хейфец. Стая гоацинов.mp4](#)

(3): У птиц с нормально развитым крылом первый палец слегка обособлен от прочих. На нем располагается группа перьев, т.н. крылышко.

Он развит, вероятно, вторично, у птенцов не только турако, но и упомянутой камышницы, что позволяет пуховичкам лазать в густых зарослях околотовдных растений. Возможно, имеются и другие пернатые. Почему-то об этой замечательной особенности упоминают очень немногие источники.

Птенец камышницы (Мы бандито, гангстерито...)

(4): Действительно, некоторые гены исполняют волю своих носителей. Оказался человек со светлой кожей под палящими лучами солнца – те обеспечивают его защиту в виде меланина. Но древние гены, впав в «спячку», ничего не знают о потребностях организма и пробуждаются совсем некстати; это явление называют атавизмом. Скажем, дитя человека, вовсе не склонное к лазанию по деревьям, может родиться с хвостиком, наподобие поросычьего, не способного украсить ни африканскую мартышку, ни южноамериканского капуцина с его хватательным хвостом.

(5): Нечто подобное в растительном мире произошло у бананов и их родственников, а также у наиболее архаичных по данному признаку пальм, чьи листья треплются ветром. В дальнейшем они разрываются самопроизвольно, что способствует более правильной перистой форме.

Примечательно, что финиковую пальму (*Phoenix dactylifera*) за ее значение для человека и за стойкость к пожарам, которые нередко устраивали завоеватели, легенда превратила в птицу с человеческим лицом, возрождающуюся из пепла.

Пародии

*Как давно я топчу, видно по каблуку.
Паутинку тоже пальцем не снять с чела.
То и приятно в громком кукареку,
Что звучит, как вчера.*
Иосиф Бродский

Кукареку

Сколько лет я в пальто – видно по воротнику,
Я купил его в граде Петра.
А ботинки сносились – видно по каблуку.
Я решил заменить их вчера.
Только нет у меня ни гроша, ни кольца –
В нищем квартале живу.
И никак не могу я запомнить жильца,
Что зазвал меня в этот Ист-Вуд.

Он постоянно мозолит глаза,
Но я его не приглашу.
И если ночью начнётся гроза,
Свой страх и отчаянье спрячу я за
Маской смешной. Я шут!
Сколько всего на моём веку
Случалось. За всё отвечать?
И остаётся лишь кукареку
Мне по ночам кричать.

*Пока ты пела, осень наступила.
Лучина печку растопила.
Пока ты пела и летала,
Похолодало.
Иосиф Бродский. Муха*

Упрямая муха

О муха, как нам всем ты надоела!
Летала, бормотала – будто пела,
Зачем в окно моё влетела невпопад? –
Я брызнул яд!

Как в забытьи, ползёт по скатерти она,
О муха, ты уже обречена!
Печален, как ни странно, мухи взгляд –
Я брызнул яд!

Прервал я гости той непрошенной полёт,
Но муха все-таки еще ползёт.
В агонию впадает у стены –
Мгновенья сочтены!

Ну для чего ко мне явилась вдруг она?
Ведь мухам здесь объявлена война!
И вот она уж кверху лапками лежит –
Жужжит!

*По министрам, по актёрам –
жёлтой пяткою своей
солнце жарит полотёром
по паркету из людей.
Андрей Вознесенский. Общий пляж.*

Эйлат

Солнце, красное мочало,
трёт нам кожу, как наждак.
У эйлатского причала
дышим жаром кое-как.

Мы стоим и не филоним.
Солнце жжёт, как вор в законе.

А на пляже, а на пляже
интуристы просто в раже:
«Ну, зачем же мы, май гад,
завалились в тот Эйлат?

Солнце медленно зевает,
как котяра, рыбку съев.
Катерок наш завывает,
катерок нас зазывает
в свой (не чрево!) – чёрный чрев.

Мы сидим внутри, вздыхаем.
Отдыхаем, отдыхаем...

А кораблик наш несётся
к бухте, где дельфин пасётся,
где рыбёшка – то не сон! –
к нам выходит на поклон.

Чудных рыбок десять пар –
упоительный поп-арт!

*«Пушкин – это русский
через двести лет!»
Все мы нынче Пушкины.
Гоголю привет!
А. Вознесенский*

Пушкиниада

Как-то парни ушлые
решили обсудить,
Стоит ли на Пушкина
взоры обратить.
– Чёрт-те что про Пушкина
и про Натали!
Знаешь, дядя, чуши нам
больше не мели!
– Сколько лет о Пушкине –
может надоест!
Лучше Лёню Трушкина
на ночь перечечь.
– Лучше чаю с сушками
выдуть на обед!
А они про Пушкина!
Подумаешь, поэт!

Кто умеет пушками,
кто и топором...
Все мы нынче Пушкины
– щёлкаем пером.
Пушкин разве русский?
Ну, тогда привет!
Вот такие чувства
через двести лет.

*И – Боже мой! – какой-то мотылёк,
Как девочка, смеётся надо мной...
Арсений Тарковский. Посредине мира*

За что?

Я человек, во мне бушует сила,
Я в тайны космоса давно проник!
И вдруг меня цикада укусила,
А муравей заполз за воротник.

Я, как Атлант, всем подставляю плечи
И, как Яссон, всегда стремлюсь вперёд.
И вдруг зелёный маленький кузнечик
Стрекочет и уснуть мне не даёт.

Я знаю много: где зимуют раки
И что в России пьют «на посошок»...
И вот в ночи блоха с моей собаки
В мою постель вдруг делает прыжок.

Да, я поэт, хоть бремя славы тяжело.
Живу, как все, не ссорюсь я с женой...
Ну почему же всякая букашка,
Как девочка, смеётся надо мной?

*Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова...
А. Тарковский. Переводчик*

Восток – дело тонкое

Кто сидит там у них на троне?
От соседства мы тихо стонем.
Нет чалмы. И пиджак Версачче.
К нам презрение. А с чьей подачи?
Речи – сахар: «Ах, дорогие!»
А в глазах: «Не свои – другие!»
Не мешало бы хлопнуть дверью,
Рассердиться на них – но вот...
Ах, восточное лицемерие,
Как болит от тебя живот!

Не зарыдаю гулко, как Шаляпин...

.....

Казалось, жил и сам себя прошляпил.

А. Тарковский. Граммофонная пластинка

Ох, запою!

Я не умею петь, как Магомаев.

Уйду, пожалуй, больше не зови!

Промаялся и жизнь твою «промаял»...

Ну что тут скажешь, кроме «сэляви»?

И я, увы, не Юрочка Гуляев,

И петь меня не приняли в Большой.

Вино хлещу и с дамами гуляю...

Зачем тебе, хорошей, я такой?

А был ещё... Ах, Сашка Ворошило!

Он пел, как бог, как ангелы в раю.

И ты мне душу так разворошила,

Что, кажется, я тоже запою!

Сведения об авторах

Юдит Аграчёва. В прошлом писатель, журналист, преподаватель йоги. В жестко прерванном, а затем снова предложенном, но со множеством ограничений, настоящем – только писатель. Выпустила шесть бумажных книжек.

Эйтан Адам. Родился в Ленинграде в семье шестидесятников. С 15 лет в Израиле. Ветеран 1-ой ливанской войны и конфликта в Южном Ливане, пехотный санинструктор, в рядах бригады «Голани» дошел до Бейрута. Математик и программист, учился в Технионе и в университете имени Бен-Гуриона, около 30 лет проработал в израильском хай-теке. Изучал биоинформатику в Колледже менеджмента. Изучал герменевтику и культурологию в магистратуре университета имени Бар-Илана. Ученик Центра изучения Каббалы.

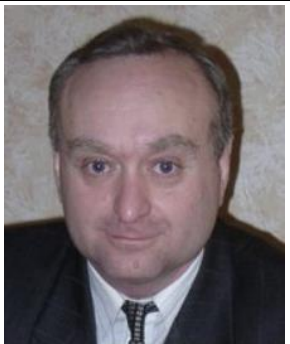
Регулярно читает лекции по истории и литературе в Доме ученых Хайфы и в Клубе книголюбов. Пишет стихи, прозу, статьи, книги, пьесы. Призер Международного конкурса драматургии «Весь мир–театр. Новое слово для сцены» (2021) за пьесу «Неброское наследство». Призер Международного конкурса драматургии «Весь мир–театр. Новое слово для сцены» (2022) за пьесу «После любви». Был членом редколлегии журнала «(((Сонар)))». Отец четырех прекрасных детей. Живет в Хайфе.

Татьяна Андреева. Родилась и живет в Москве. Закончила Финансовый университет при Правительстве РФ. Выпускница литературных курсов Creative Writing School и Band. Участница семинаров Школы писательского мастерства «Пишем на крыше», организованных редакцией журнала «Вопросы литературы». Публиковалась в журналах «Пашня» и «Урал», в сборнике рассказов издательства «Альпина». Рассказы входили в длинные и короткие списки различных конкурсов.

Татьяна Белобородько. Родилась в 1954 году в Порт-Артуре КНР в семье военного летчика. Детство прошло на Дальнем Востоке и в Крыму. Более полувека живу в Москве. По профессии – архитектор. Пишу рассказы – хочу запечатлеть время, вспомнить всех, с кем сводила судьба. Занимаюсь также живописью и градозащитной деятельностью.

Леонид Гамбург. Родился в 1961 г. в Запорожье, Украина. В 1987-м году с отличием окончил исторический факультет Запорожского государственного университета по специальности «преподаватель общественных дисциплин и права». Преподавал в различных средних и высших учебных заведениях Запорожья. Доктор юридических наук. Автор более 130 научных и научно-методических статей по вопросам права. Репатриировался в

Израиль в 2022-м году.

Михаил Бенционович Гольдис (1926–2020) родился в 1926 г.в местечке Ялтушков Винницкой области. Детство на сахарном заводе; голодная, тяжёлая юность в эвакуации в Саратовской области; участие – связистом – в Великой Отечественной войне, ранение. Завершил войну в звании младшего лейтенанта,

награжден медалью «За отвагу».

Окончил юридический факультет Киевского госуниверситета, в течение сорока лет работал следователем и прокурором в Украине в городах Красилов и Каменец-Подольский, Старая Ушица и Хмельницкий.

В 1993 г. эмигрировал в США, где начал писать мемуары – записки следователя. Мемуары публиковались в журнале «Зеркало» (Миннеаполис), а позже были изданы отдельной книгой – «Пути-дороги: воспоминания следователя». Позже в бостонском издательстве «Academic Studies Press», был опубликован английский вариант книги в серии, посвящённой эмигрантской литературе: «*Memoirs of a Jewish District Attorney from Soviet Ukraine*» (Воспоминания прокурора-еврея из Советской Украины).

Семен Златин. Доктор медицины. В 1967 году с отличием закончил Крымский медицинский институт. Работал участковым врачом в г. Кустанае Казахской ССР, а затем заместителем заведующего горздравотдела. По возвращении в Евпаторию работал ревматологом этого курорта, затем руководителем отделения курортной реабилитации Института ревматизма АМН СССР. Имеет авторские свидетельства на изобретения. Награжден государственными наградами, знаком Отличник здравоохранения СССР и золотой медалью Международной ассоциации «Знание». Автор книг и более 100 научных статей. С 1998 года живет в Израиле. Член Совета Дома ученых Хайфы.

Александр Казарновский. Родился в Москве в 1951 г. Прожил шестнадцать лет в поселении Элон Море в Самарии. Регулярно публикуется в газете «Новости Недели» и на русскоязычных сайтах. В 2005 г. за роман «Поле боя при лунном свете» награжден премией «Олива Иерусалима». В 2011 г. в издательстве «Книга-Сэфер» вышел его роман «Четыре крыла земли», в 2021 г. в «Новом журнале» – повесть «На стенах твоих поставил я стражей», а в «Роман-газете» – повесть «Война план покажет». Стихи, очерки, пьесы и рассказы выходили в сборниках «Лимонник», а также в альманахах «Самое главное чудо» и в других альманахах, выпущенных Издательским домом «Helen Limonova» и Библиотекой СРПИ. В 2022 повесть «Война план покажет» в переводе на английский язык получила приз «Бестселлер» в издательстве "Hertfordshire Press" (Великобритания). В 2024 той же премии удостоилась русскоязычная версия этой повести. Автор продолжает писать стихи и прозу и надеяться, что мечты героев его книг однажды станут явью.

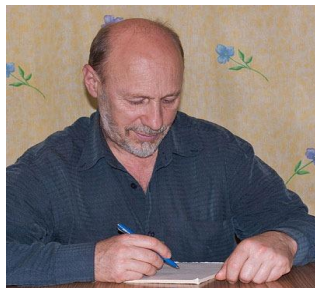

Николай Козаченко (1934–2026) родился на Кубани, в станице Марьянской. Образование высшее, гуманитарное. В Израиле с 1997-го года. Поэт, художник, член Союза русскоязычных писателей Израиля, автор шести поэтических сборников. Финалист и дипломант литературного конкурса им. С. Есенина «Русь моя». Награждён памятной медалью «Сергей Есенин. 125 лет».

Александр Крамер. Родился в Харькове. Окончил харьковский политехнический институт, заводской инженер. Участвовал в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Получить филологическое образование не удалось, о чем и сегодня жалею. Впрочем, инженерная жизнь позволила поехать по бывшему Советскому Союзу, увидеть множество городов, пообщаться со множеством разных людей...

Пишет давно. Ещё со школьных времен. Начинать со стихов, но приходилось писать "в стол". Возможность печататься появилась только за несколько лет до переезда с семьёй в Германию в 1998 году. Уже в Германии стал писать прозу и публиковаться в детских и взрослых периодических изданиях России, Украины, Канады, Германии, США, Болгарии и других стран. В 2009 году несколько рассказов вошли в «Антологию российских писателей Европы» (Москва), в 2013 – в сборник рассказов «Десять домиков» (Израиль), в 2020 – в «Антологию русской литературы XXI века» (Волгоград), а в 2024 – в сборник фантастики "Формула XXI" (Волгоград).

Игорь ЛеШ (Игорь Леонидович Шмеркович). Родился 02.04.1949 г. в Харькове. Окончил харьковскую 27 физ-мат. школу и ХИРЭ. Работал в СССР инженером и еще много где и кем. Имеет двух детей – сына и дочь, 1975 и 1979 г. р. Репатриировался в Израиль в 2019 году. Живет в Хайфе. С 1982 года начал писать, автор стихов и рассказов. Публикуется в журнале «Сонар», на сайтах «Проза.ру», «Стихи.ру» и в других изданиях.

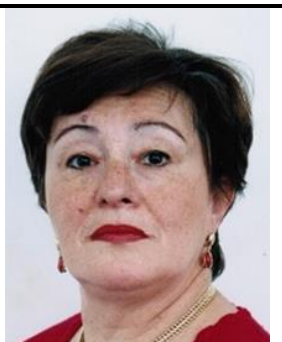
Ирэн Немировски (1900–1942).

Французская писательница еврейского происхождения, автор более десятка романов. Несмотря на то, что Ирэн перешла в католицизм, во время оккупации Франции фашистами она была арестована французской полицией «как лицо еврейского происхождения» и депортирована в Освенцим, где 17 августа 1942-го года умерла от тифа.

Борис Полищук. Прозаик и драматург.

Окончил Электротехнический институт в Санкт-Петербурге. Кандидат технических наук, работал в конструкторских бюро, на заводах, преподавал в школе. Публиковался в журналах «Звезда», «Нева», в альманахах и сборниках рассказов и пьес в России и США. Живет в Хайфе.

Виктория Серебро. Окончила Харьковский

университет, факультет иностранных языков. Преподаватель английского языка. В 1992 г. репатрировалась в Израиль. Печаталась в периодических изданиях Израиля, США, Германии, России и Украины. Автор книг «Случайные связи» и «Слово Серебро». Принимала участие в радио- и телевизионных передачах в Израиле. Член Союза русскоязычных писателей Израиля.

Гелена Степура. Родилась в Кишиневе в

1980 г. Репатрировалась в Израиль 1990 г. Доктор технических наук. Училась в Технионе на факультете авиации. Работает по профессии. В свободное время пишет прозу и играет в театральной студии.

Эдуард Олегович Хейфец. Независимый исследователь. Выпускник биологического факультета Одесского Государственного Университета им. И. И. Мечникова по специальностям гидробиология и ботаника. Занимался философскими основаниями физики. За лекции в этой области в 2020 г. получил удостоверение лектора Всероссийского Общества «Знание». В журналах «Наука и жизнь» опубликованы статьи «Сикомор» (№ 6, 2011 г.), «Гиганты луж» (№ 9, 2011 г.) и «Между аммонитом и каракатицей» (№ 6, 2016 г., статья посвящена теоретической находке непосредственного потомка аммонитов). С 2022 г., обнаружив ботаническую загадку, оставленную Р. Спрусом в 1860 г., несколько раз навещал Эквадор с научными целями. Читал лекции в Ульяновском Государственном Педагогическом Университете им. И. Н. Ульянова, в Институте Геологии и Сейсмологии и в Институте Зоологии АН Молдовы, в Тираспольском Государственном Университете (г. Кишинев), а также в ВУЗах Эквадора – Государственном Университете Полуострова Санта-Элена, Техническом Университете г. Мачала и Национальном Университете г. Лоха, где в 2024 г. опубликована научно-популярная монография «Реконструкция прототипа покрытосеменных, или цветковых, растений» на испанском языке. Работа основана на ключевых признаках растений, оказавшихся незамеченными из-за того, что они достаточно обычны. В настоящее время живет в Израиле.

Паулина Чечельницкая. Родилась в 1946 году в Молдавии. По профессии – преподаватель французского и немецкого языков. В настоящее время живёт в Израиле, в Тверии. Автор 11-ти книг поэзии и прозы, руководитель ЛитО «Волны Кинерета».

«Год Огненного коня» (от редактора А. Беленко)

2026 – год Огненной Лошади по восточному календарю. Это время сильной энергии, движения и перемен.

Лошадь символизирует свободу, стремительность и независимость, а стихия Огня усиливает страсть, импульсивность и желание действовать без промедления.

Такой год часто приносит яркие события, неожиданные повороты и требует смелости.

Это год для тех, кто готов двигаться вперёд, рисковать и не бояться перемен.

Вот что мастер пишет о себе:

Я художник по образованию и по способу восприятия мира. У меня два высших художественных образования, и для меня искусство – это не просто профессия, а естественный способ видеть, чувствовать и понимать жизнь.

Мне всегда была важна красота – не внешняя, а более глубокая: в форме, в движении, в точности, в характере, в том, как человек проявляет себя. Я замечаю детали, улавливаю настроение и стараюсь видеть не только поверхность, но и суть.

Долгое время я жила в Новосибирске – там сформировались мои взгляды, отношение к работе и к себе. В 2026 году я переехала в Санкт-Петербург. Этот город мне очень близок – своей атмосферой, культурой и особым ощущением красоты.

Сейчас я преподаю рисунок, живопись и графику, а также готовлю учеников к поступлению в художественные вузы. Для меня важно не только обучить технике, но и научить видеть, понимать форму и чувствовать искусство глубже.

По характеру я мягкий и чувствительный человек, но при этом

требовательна – прежде всего к себе. Мне важно, чтобы в работе была ясность, логика и внутренняя честность.

Отдельное место в моей жизни занимают животные. С девятнадцати лет я занимаюсь лошадьми – выездкой и дрессировкой. Это про контакт, доверие, точность и уважение. У меня есть свой конь – Пилигрим, и работа с ним – важная часть моей жизни.

Также у меня есть собака – шелти по кличке Кипер. Мы занимаемся *аджилити* и *фрисби*. Это уже другая энергия – скорость, игра, движение, но суть остаётся той же: контакт, взаимопонимание и тонкая работа.

Если коротко, для меня важно видеть смысл в том, что я делаю, быть честной в работе и делиться своим опытом и взглядом на мир с другими.

С творчеством Ирины Журавлевой можно познакомиться на сайтах:

<https://profi.ru/profile/ZhuravlevaIM/>

<https://www.artmajeur.com/irina-zuravleva>

На снимке - Катерина Арбекова

**Литературно-публицистический
журнал (((СОНАР))) № 21, 2026 г.
Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль**